

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2016

№ 2 (40)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал входит в "Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук", Высшей аттестационной комиссии

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв.
секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

*Editorial Board of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-
in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) – Deputy Edi-
tor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) – Deputy
Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive
Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Deputy
Executive Editor
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)

М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)
А.С. Янушкевич (Томск, Россия)

*Editorial Council of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, United States)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, United King-
dom)

M.N. Lipovetsky (Boulder, United States)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, United States)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)
A.S. Yanushkevch (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Баракнин В.Б., Кожемякина О.Ю. К проблеме аутентичности фонетического анализа в связи с возможными особенностями авторской орфографии (на примере чередования окончаний -ой/-ый в лирике А.С. Пушкина)	5
Копытов О.Н. Модус на уровне дискурса (на примере «холодной войны»-2014)	29
Москалюк Л.И. Отражение особенностей разговорной речи в шванках российских немцев	45
Пчелинцева Е.Э. Тип перфективного значения и номинализация глаголов в русском, украинском и польском языках	57
Соколова С.К. К вопросу о зависимости полимотивации деривата от продуктивности словообразовательного типа (на материале психолингвистического эксперимента)	71
Стексова Т.И. Взаимодействие грамматических и семантических категорий (на примере высказываний с семантикой напрасности)	84

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Айзикова И.А. Образ Палестины в творчестве В.А. Жуковского (статья вторая)	94
Антошина Е.В. Роль литературы в сохранении и развитии культурной идентичности в условиях русской эмиграции 1920–1940-х гг. (к постановке проблемы)	109
Ахметова Г.А. Воззрения Л.Н. Толстого на театр в контексте культуры	122
Фрик Т.Б. Эпистолярность Н.М. Карамзина	135

ЖУРНАЛИСТИКА

Жилякова Н.В. К истории томского журнала «Силуэты жизни родного города» (1909) – «Силуэты Сибири» (1910)	147
Пронин А.А. Интертекстуальность «как прием» и «перекличка текстов» в документальных фильмах о М. Булгакове	161

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Мокиенко В.М. Рецензия на монографию: Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях	171
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	177

CONTENTS

LINGUISTICS

Barakhnin V.B., Kozhemyakina O.Yu. On the authenticity of the phonetic analysis in connection with the possible features of author's spelling (on the example of the alternation between the endings -oy/-yy in the lyrics of A.S. Pushkin)	5
Kopytov O.N. Modus on the level discourse (on the example of the "Cold War" of 2014)....	29
Moskalyuk L.I. Reflection of features of colloquial speech in the shvank of Russian Germans.....	45
Pchelintseva E.E. Type of perfective meaning and nominalization of verbs in Russian, Ukrainian and Polish	57
Sokolova S.K. On dependence of polymotivation of the derivative on efficiency of the word-building type (on the material of a psycholinguistic experiment).....	71
Steksova T.I. The interaction of grammatical and semantic categories in sentences with the semantics of vain	84

LITERATURE STUDIES

Ayzikova I.A. The image of Palestine in the works of V.A. Zhukovsky (Article II)	94
Antoshina E.V. The role of literature in the preservation and development of cultural identity in the context of Russian emigration of the 1920s–1940s.....	109
Akhmetova G.A. The views of L.N. Tolstoy on theater in the cultural context.....	122
Frik T.B. N.M. Karamzin's epistolarity.....	135

JOURNALISM

Zhilyakova N.V. On the history of a Tomsk magazine <i>Silhouettes of Life of the Hometown</i> (1909) – <i>Silhouettes of Siberia</i> (1910)	147
Pronin A.A. Intertextuality "as a device" and the "roll-call of texts" in documentaries about M. Bulgakov	161

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Mokienko V.M. Book review: Nichiporik E.V. <i>Otazhenie tsennostnykh orientatsii v paremiyakh</i> [Reflection of the System of Values in Proverbs]	171
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	177
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 82.0 + 004.9

DOI: 10.17223/19986645/40/1

В.Б. Барахнин, О.Ю. Кожемякина

К ПРОБЛЕМЕ АУТЕНТИЧНОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СВЯЗИ С ВОЗМОЖНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ АВТОРСКОЙ ОРФОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ОКОНЧАНИЙ -ОЙ/-ЫЙ В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА)

В статье обсуждаются вопросы вариативности фонетических характеристик русских поэтических текстов в зависимости от орфографических норм на примере использования А.С. Пушкиным окончаний прилагательных мужского рода именительного и винительного падежа единственного числа -ый и -ой. Показано, что вариативность окончаний не была для Пушкина жестко закрепленной: в ранних произведениях он обычно руководствовался жесткими правилами «Грамматики» Н.Ф. Кошанского, однако в более зрелый период поэт меньше ограничивал выбор грамматических форм жесткими нормами, следуя за стихией народного языка.

Ключевые слова: авторская орфография Пушкина, русская грамматика первой половины XIX в., автоматизированный анализ стихов.

Постановка задачи

Одним из первых этапов автоматизированного комплексного анализа русских поэтических текстов [1] является исследование фонетических характеристик стихотворных произведений. Фонетический анализ стиха включает исследование звуковых повторов и рифм (их типов), а также строфического строения стиха, составление словарей рифм и т.п. Очевидно, что при анализе фонетических характеристик встречающихся в стихотворении слов приходится опираться на орфографию текста.

Однако при работе со стихотворными произведениями русских классиков XIX в. перед исследователем фонетических характеристик текста неизбежно встает проблема учета произошедших с того времени изменений орфографии, точнее, возможного влияния этих изменений на орфоэпию. Так, наиболее масштабная орфографическая реформа 1918 г. затронула и орфоэпические характеристики некоторых слов, поскольку в ее ходе, например, словоформы женского рода множественного числа онѣ, однѣ, однѣхъ, однѣмъ, однѣми заменялись на они, одни, одних, одним, одним, словоформа родительного падежа единственного числа ея (нея) – на её (неё) (обычно ее (нее)), окончания словоформ прилагательных среднего и женского рода множественного числа -ія, -ья – на -ия, -ья. При этом многие из форм, признанных устаревшими, довольно широко использовались в рифмах русских классиков (цитаты даны в современной орфографии с сохранением в рифмах старой орфоэпии): На крик испуганный **ея** // Ребят дворовая семья... (А.С. Пушкин); Ты не гонись за рифмой своенравной // И за поэзией – нелепости **оне**: // Я их

сравню с княгиней Ярославной, // С зарею плачущей на каменной стене (К.К. Случевский). Изменения написания отдельных слов в соответствии с Правилами русской орфографии и пунктуации, утвержденными в 1956 г. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР, в некоторых случаях также затронули их произношение.

Более того, для творчества русских поэтов первой половины XIX в. весьма характерны отступления от орфографической нормы (действовавшей в то время) ради рифмы, причем такие отступления далеко не всегда учитываются даже в академических изданиях, что отмечено, например, в [2. С. 439].

Согласно общепринятой практике тексты даже в академических изданиях приводятся в соответствии с правилами русской орфографии, действующими в момент публикации. Правда, в случае, когда изменения орфографии затрагивают мужскую рифму, сохраняется, как было отмечено выше, старая орфография (в противном случае стихи вообще лишились бы этой рифмы), но заударная гласная в женской рифме сохраняется далеко не всегда, что приводит к превращению точной рифмы в приблизительную. Тем самым расчет соотношения точных и приблизительных рифм в стихах того или иного поэта, основанный на текстах современного издания, становится искаженным.

Пожалуй, единственным исключением является Полное собрание сочинений М.В. Ломоносова, изданное Академией наук СССР. Как сказано в [3. С. 860–862], «Правилами, утвержденными в 1949 г. главным редактором настоящего издания, покойным академиком С.И. Вавиловым, было предусмотрено, что в томе, посвященном литературным произведениям Ломоносова, орфографическая передача текстов должна быть иная, чем в других томах этого издания, где печатаются тексты научные и деловые. Одна из особенностей поэтических текстов Ломоносова заключается в том, что, придавая исключительно важное значение их фонетической стороне, он отступал порою от обычных для него норм правописания. Делалось это, по-видимому, для того, чтобы в одних случаях усилить тот или иной звук (например: «гремящы», «шумящы», «лжы», «дерсский» вместо «гремящи», «шумящи», «лжи», «дерзкий»), а в других случаях придать тому или иному слову звучание, несколько отличное от того, которое Ломоносов считал нормальным, или, говоря его языком, от «чистого выговора» данного слова (например: «брозды», «скачют», «чноть» вместо «бразды», «скачут», «чуть»)». Отмеченные выше и подобные им отступления от орфографических норм должны рассматриваться, таким образом, не как безразличные нам погрешности или «вольности» правописания, а как фонетические указания Ломоносова. Ввиду этого Главная редакция настоящего издания решила сохранить во всех текстах восьмого тома орфографию Ломоносова, передавая ее средствами современной нам графики, т.е. буквами действующего в настоящее время русского алфавита».

Разумеется, проблема учета авторской орфографии отнюдь не сводится к вопросам фонетического анализа стиха: комплексный характер этой проблемы подробно обсуждается, например, в [2].

Чтобы продемонстрировать всю сложность и многоаспектность названной проблемы, мы рассмотрим лишь один частный, но весьма интересный случай: использование А.С. Пушкиным окончаний прилагательных мужского

рода именительного (а для определений неодушевленных существительных – еще и винительного) падежа единственного числа -ый и -ой.

В. Брюсов в «Записке о правописании в издании сочинений А.С. Пушкина [1919]» [4] пишет следующее: «"Пушкинское правописание" не совпадает ни с орфографией, принятой в его время, ни с позднейшей, установленной в середине века. Как один из ярких примеров "пушкинского правописания", можно указать на окончание прилагательных мужского рода в именительном падеже: Пушкин упорно писал это окончание "ой", а не "ый", т.е. "серебряной", "бронзовой" (а не "серебряный", "бронзовый", – беру эти примеры из середины стиха, а не из рифмы). Таким написанием объясняются весьма многие рифмы Пушкина. Именно, он совершенно свободно рифмовал прилагательные мужского рода в именительном падеже с прилагательными женского рода в иных падежах или с именем. Таковы, например, рифмы (выбранные из огромного числа подобных же): "затворник опальной – с отрадою печальной", "отшельник бессарабской – сказочкой арабской", "шалаш убогой – лесной дорогой", "сон глубокой – беглянки черноокой", "жар полднейной – с царевной", "конь ретивой – гривой", "остов гордой – мордой" и т.п. По той же причине Пушкин мог позволить себе рифмовать: "дальной – печальной", "Долгорукой – наукой" и т.п. При ином написании все эти рифмы исчезают или становятся неправильными, натянутыми, между тем Пушкин неправильных рифм всегда избегал. Пушкин настолько строго следовал своему написанию, что даже избегал рифмовать такие прилагательные мужского рода в именительном падеже со словами на "ы", что весьма обычно у современных поэтов, пишущих окончание на "ый". Только в виде исключения встречаются у Пушкина рифмы такого типа, например, "суровый – дубровы", и их очень немного. Несколько свободнее был в этом отношении Пушкин в причастиях, рифмуя, например, "оживленный – неизменны", вероятно, потому, что рассчитывал на сильное произношение двух "н", смягчавшее неточность рифмы. Во всяком случае, все эти особенности и оттенки пушкинской рифмы пропадают, если не сохранить его правописания. Без такой орфографии становится непонятно, почему Пушкин избегает рифм «ый – ы», и вообще получается неверное представление об отношении Пушкина к рифме: кажется, что он охотно позволяет себе неточные рифмы, тогда как в действительности дело обстоит совершенно наоборот».

В работе [5] Г.О. Винокура, одного из членов научного коллектива, трудившегося над изданием Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в 16 томах, изд. Академии наук СССР (1936–1949), были даны обоснования выбора правил орфографии, использованных в данном издании, в том числе и применительно к названному нами аспекту (подробные цитаты приведены нами в заключительной части статьи), однако приведенные в [5] аргументы не подкреплены количественными данными и носят, скорее, умозрительный характер. Мы же в нашем исследовании подкрепляем этот вывод авторитетного ученого количественными выкладками, опирающимися на статистический анализ прижизненных изданий Пушкина и материалы русских грамматик первой половины XIX в.

Очевидно, что исследователь, выделяя одну из особенностей пушкинской рифмы, подчеркивает важность конкретного написания, потому как, повто-

рим, «пропадают» «особенности и оттенки пушкинской рифмы». Именно этот аспект становится важным при автоматизированном анализе текста: не должна потеряться индивидуальная структура языка того или иного автора, поскольку, в противном случае анализ теряет смысл, превращаясь в механизированный подсчет тех или иных показателей произведения.

Исследование темы

Приведем сведения из грамматик русского языка соответствующего периода.

Определенно, нельзя не упомянуть о грамматике, которая служила пособием в период обучения поэта в Царскосельском лицее. Это «Начальная правила русской Грамматики. В пользу воспитанников университетского благородного пансиона» [6] – учебник, изданный в Москве в 1807 г. Ее автор – Н.Ф. Кошанский, профессор российской и латинской словесности Царскосельского лицея. Собственно, по поводу интересующих нас окончаний написано немного: «Въ мужескомъ кончатся на *ый* или *ой, ій*...: добрый, честной, прежній». И далее: «Прилагательныя на *ый*, и съ предыдущими буквами *г, к, х*, на *ій*, перемѣняютъ окончанія свои на *ой*, когда употребляются въ простомъ слогѣ: *сильный, строгій, великій, ветхій*; простѣе: *сильной, строгой, великой, ветхой*».

В «Россійской грамматике, сочиненной Императорскою Россійскою Академіею» [7], изданной в Санкт-Петербурге в 1819 г., в главе III «О именахъ прилагательныхъ» даны следующие правила. «§ 88. Полныя имена прилагательныя въ мужескомъ родѣ кончаются на *ый*, или на *ій*, а въ усѣченіи на *ъ*, или на *ь*, наприм.: храбрый, храбръ; мудрый, мудръ; славный, славень; благій, благъ; великій, великъ; синій, синъ; княжій, княжь, и пр.» Как видим, дано только окончание на *-ый/-ій*. А далее идет § 89: «Во многихъ случаяхъ въ среднемъ и низкомъ слогѣ, также въ разговорахъ имена прилагательныя, кончащіяся на *ый, гій, кій, хій*, букву *ы* или *і* въ мужескомъ родѣ именительнаго падежа перемѣняютъ на *о*, на пр.: храброй, умной, ветхой, великой, упругой и проч... Ибо не хорошо было бы сказать: древніе Римляне бѣжавшимъ съ сраженія воинамъ отрубали большій, вместо большой палець у руки; или маленькій домикъ, мальчикъ вместо маленькой; ветхій сарай вмѣсто ветхой и пр.» Обозначенное выше «не хорошо было бы сказать» отнесено именно к стилистической компоненте. Однако, как мы увидим из последующего анализа, в стихах Пушкина корреляция употребления окончаний *-ой/-ый* со стилем стихотворения практически отсутствует.

В «Русской грамматике Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенной» [8], изданной в 1831 г. в Санкт-Петербурге, даны следующие окончания для прилагательных: *-ый, -ій, -ой*. В § 32 автор Грамматики, указывая, что «прилагательные имена употребляются при существительныхъ двояко: 1-е, непосредственно приложенныя, и въ такомъ случаѣ называются склоняемыми; 2-е, съ помощью глагола, и въ та-

ком случаѣ называются спрягаемыми», дает все три окончания для «склоняемых», т.е. полных форм прилагательных.

В «Практической русской грамматике, ИЗДАННОЙ Николаемъ Гречемъ» (Второе издание, исправленное. – САНКТПЕТЕРБУРГЪ, Въ типографіи издателья. 1834)» [9], в § 104 (глава II), даны «придаточные корни, сообщающіе именамъ прилагательнымъ значеніе части рѣчи», в которых полные окончания в м.р. следующие: -ый (-ой), -ій.

Там же, в главе III, «СКЛОНЕНИЕ ИМЕНЪ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ», в § 118, после таблицы «СКЛОНЕНИЕ ИМЕНЪ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ ПОЛНАГО ОКОНЧАНИЯ», идет «Примѣчаніе 30»: «Поставленное въ скобкахъ окончаніе ой (въ именительномъ падежѣ единственнаго числа мужскаго рода) употребляется тогда, когда удареніе находится на послѣднемъ слогѣ; напримѣръ: сухой, большой, восковой».

И далее есть «§ 108, в котором дано следующее: «Имена прилагательныя притяжательныя родовыя и одно главное окончаніе: *ій, ѡя, іе*, и нѣсколько уклоняющихся (*иный, скій, цкій*), и составляются изъ именъ существительных по слѣдующей таблицѣ». В упомянутой таблице даны только окончание -ій и соответствующие примеры, а также исключения с окончаниями -ый и -ой.

В Грамматике Греча есть еще уточнение про окончания, в § 558, касающемся букв Ы, І и О: «Буквы *ы* и *і* смѣшиваются съ буквою *о* въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ: *черный* и *черной*, *великій* и *великой*, *ветхій* и *ветхой*. Въ семъ случаѣ можно положить правиломъ слѣдующее: въ словахъ сего рода, имѣющихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ (§ 504 и 506), писать *ой*, (напримѣръ: *глухой*, *слѣпой*, *хромой*, *береговой*, *вѣстовой*), а во всѣхъ прочихъ *ый* или *ій*; напримѣръ: *добрый*, *великій*, *ветхій*, *новый*, *Русскій*, и т.п. Слово *всякій* можно писать *всякой*, хотя на послѣднемъ слогѣ и нѣтъ ударенія».

Анализ процитированных источников показывает, что нет жестко регламентированных форм окончаний: в разных грамматиках совершенно разные правила, причем мы берем материал одного хронологического периода из Грамматик, относящихся к периоду творчества поэта. Грамматики, по-видимому, не опираются на строгие положения лингвистики, а пытаются подметить (далеко не всегда правильно) некие эмпирические закономерности употребления тех или иных словоформ.

Несомненно, Грамматика русского языка, созданная М.В. Ломоносовым, дала почву для выработки стабильных языковых норм. На этот процесс существенно влияло творчество литературных деятелей соответствующих эпох, но именно в пушкинское время возникают современные нормы, и наш пример с заменой гласных в окончаниях подтверждает сей факт. Статистика, взятая нами из прижизненных изданий поэта, ясно показывает на сочетание в творчестве Пушкина закреплённых правил грамматики с живыми нормами языка, и все это очень органично.

Историческая разница рассматриваемых окончаний выделена в статье [10]: «Такая вариантность обусловлена исторически: различие в написании окончаний именительного падежа единственного числа -ый и -ой в соответствии с отсутствием или наличием ударения на окончании (добрый, красивый, но молодой, простой) восходит к различиям между старославянской и древнерусской формами прилагательных (старославянские прилагательные имели, независимо от ударения, только окончания -ый /-ий, древнерусские – только окончания -ой/-ей, а современная норма появилась в результате смешения этих традиций)».

К сожалению, использование «исправленных» текстов может приводить иногда к совершенно ошибочной аргументации. Так, в [11. С. 13–15] делается такое умозаключение: «...написание различных окончаний у тех же падежных форм – -ий и -ой... самой тенденцией точной рифмы недвусмысленно подсказывает старомосковское произношение...

Лишь ступил на двор широкий –
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех.

...
Месяц, месяц, мой дружок...
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий...»

Однако в первых изданиях обеих процитированных сказок у Пушкина рифмуемые существительные мужского рода имеют окончание -ой: «широкой» и «светлоокой».

Наиболее авторитетные издания: Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 16 томах, изд. Академии наук СССР (1937–1949), а также Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 6 томах, изд. Academia (1936–1938) – изданы в орфографии, весьма приближенной к современной. Применительно к интересующей нас теме в [2. С. 439–440] сказано следующее (шрифт выделения особенностей передан в соответствии с цитируемой работой):

«Отступления от орфографической нормы ради рифмы широко применялись поэтами во времена Пушкина, нередко и им самим. Но в этом отношении юбилейное издание не обнаруживает стремления точно передавать тексты поэта и подчиняет историческую традицию применения „зрительной“ рифмы отчасти усмотрению редакторов, отчасти искусственным правилам. Эти правила совершенно снимают вопрос о зрительной рифме как закономерной основе в правописании стихов Пушкина. Они говорят: „В настоящем издании. . . сохраняются своеобразные грамматические окончания, не совпадающие с современными, например: *бревны, селы*, вместо современных: *бревна, села; в шинеле, в шкале; дышет, слышет*, вместо современных: *дышит, слышит* и т. д...” По этим правилам неудараемое окончание прилагательных -ой заменяется окончанием -ый, но после заднеязычных согласных, *г, к, х*, окончание -ой сохраняется (см. т. I, „От редакции“, стр. XII). Последним положением устраняется широко практикуемое в рифмах Пушкина сопоставление прилагательных на -ой *вм. -ый* в именительном падеже единственного

числа с прилагательными и существительными на *-ой*, в других формах. Так, в VI томе юбилейного издания имеем рифмы: страсти нежной – (век) мятежный (8), гений величавый – славой (12), сцене скучной — зритель равнодушный (12–13), в картине верной – воспитанник примерный (14), прихоти обильной – Лондон щепетильный (14) и т. п. Здесь и дальше в подобных случаях издания 1829 г. и 1837 г. имеют в прилагательных мужеского рода последовательно окончание *-ой*: (век) мятежной, гений величавой, зритель равнодушной и т. п., так что рифма делается очевидной. Замечу, между прочим, что окончание *-ой* после задненебных, в силу принятых условно правил, юбилейное издание нередко дает вопреки печатным текстам времени Пушкина. Ср., с одной стороны, в юбилейном издании, в VI томе: Лондонской (6), глубокой (8), легкой (18), долгой (26), сельской (27) и в изданиях 1829 г. и 1837 г.: Лондонский, глубокий, легкий, долгий, сельский.

При этом принятое юбилейным изданием „правило“ об окончаниях *-гой*, *-кой*, *-хой* в прилагательных тоже не выдерживается последовательно, так что получается весьма пестрая орфография. См., напр.: господский (31), Ленский (36, рядом с Ленской), широкий (43), узкий, французский (46). Здесь последние два слова составляют рифму, но рифма сохранилась бы и при окончаниях *-кой*; при этом в тексте не было бы противоречивой орфографии: в одной строчке оказались разные окончания однотипных прилагательных.

Корсет носила очень узкий, И русской Н как N французский Произносить умела в нос (46).

Это орфографическое оформление текста довольно неожиданно, так как беловая рукопись дает во всех случаях окончание *ой*: узкой, русской, французской» (569–570).

Крупнейший американский пушкинист Дж.Т. Шоу в своих фундаментальных трудах [12–14] опирался на Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 16 томах, изданное Академией наук СССР, что не могло не приводить к очевидным искажениям.

В работе [15] поднимается проблема модернизации, осовременивания, литературных текстов. Проследивая историю вопроса, М.И. Шапир подчеркивает, что «орфография его [Пушкина] прижизненных изданий была своего рода компромиссом между правописанием самого поэта, его издателя и корректора» [15. С. 252]. Но именно на авторскую орфографию необходимо ориентироваться, поскольку «модернизация орфографии помимо семантики затрагивает поэтику: в частности, замена окончания *-ой* на *-ый* приводит к резкому увеличению количества приблизительных рифм» [15. С. 261]).

Выбор корпуса текстов

Собственно, первый и самый главный вопрос, возникающий на начальном этапе разработки инструментов анализа текста, можно сформулировать следующим образом: какой именно текст мы собираемся анализировать? Абсолютно ясно, что при анализе, основанном даже на паре характеристик, конечный результат будет разным, если анализируемый текст подвергался хотя бы небольшой редакторской правке.

Если говорить о пушкинских текстах, то применительно к ним существует масштабная вариативность редакторских правок.

Разумеется, на первом месте по авторитетности источника стоят рукописи (а также корректуры с авторской правкой). Но, к сожалению, даже в нынешнюю цифровую эпоху вопрос о доступности рукописей исследователям остается открытым. Следующий по авторитетности источник – это прижизненные издания поэта. На данный момент оцифрованные прижизненные издания поэта доступны в «Пушкинском кабинете» на сайте Пушкинского Дома – Института русской литературы РАН [16]. Извлеченная нами статистика получена именно из этого источника.

При разработке информационных технологий для анализа поэтического текста необходим подобный детальный предварительный анализ материала, поскольку инструментарий для анализа должен применяться только к выверенному материалу, иначе результат будет ошибочен и непригоден для дальнейших исследований.

Рассматриваемый пример использования автором вариативных окончаний – один из наиболее показательных, поскольку при автоматизированном анализе текста анализируемый материал должен быть показан именно в том ключе, какой задан исследователем.

Статистика вариантов и реализаций замен гласных

Материал, извлеченный из указанного выше источника, можно разделить на несколько вариантов и реализаций замен гласных. Далее рассмотрим все варианты подробнее, перечислив произведения, в которых они встречаются, хотя, по сути, для статистики и выводов важнее год написания, нежели конкретные названия произведений. В случае, если имеет место более интересный вариант, чем просто замена гласных, будем делать развернутое представление и анализ.

Важное замечание: мы говорим «одна» строка, «другая», «первая», «вторая» – но это не связано с порядковым местоположением строк.

I. Замена -ый/-ой в обеих строках, рифма.

Реализация этого варианта – в прилагательных м.р. ед.ч.

Данный вариант замены встречается в следующих произведениях.

- 1) Гроб Анакреона, 1815
- 2) Городок, 1815
- 3) К П...у <Пушину> («Любезный именинник...»), 1815
- 4) Вода и вино («Люблю я в полдень воспаленной...»), 1815
- 5) Лицинию, 1815

Что касается данного стихотворения, надо отметить следующее.

В издании «Российского музеума» за 1815 г. 4 примера замены внутри строки, 1 пример – рифма двух прилагательных м.р., 1 пример рифмы прилагательного м.р. и существительного ср.р. в.п. (глубокой – <обратив> око).

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. В издании Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1816. Ч. 4» 3 замены внутри строки, причем в двух соседних строчках одна замена есть, другой нет (несчастный (на -ой в издании 1815 г.), но длинной), и 1 пример рифмы прилагательного м.р. и существительного ср.р. в.п., и нет замены в «развратный».

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения» 1826 г. нет ни одной подобной замены, все окончания на -ый, кроме того, в этом издании нет одной строчки, содержащей замены в издании 1815 г. («Пред кем возчувствовал в душе столь низкой страх»).

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829» тоже вообще нет подобных замен, и так же, как и в издании 1826 г., отсутствует указанная выше строчка, содержащая замену и присутствующая в издании 1815 г.

6) Гробница Анакреона («Все в таинственном молчаньи...»), 1818

Рифма из трех элементов, кроме двух прилагательных м.р., еще и существительное ж.р. в тв.п. (см. ниже).

7) К мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслаждение...»), 1818

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. В типографии Департамента народного просвещения. 1826» и в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829»: <образ>незабвенный, но в издании «Сын отечества. 1818. Ч. 50. № LI»: незабвенной; рифмуется же во всех изданиях со словом омраченный. См. ниже рассуждения на тему замены.

8) Гречанке, 1822

Также цепочка, с двумя прилагательными м.р. и одним ж.р.: Греции священной – страдалец вдохновенной – образ незабвенной. Этот вариант мы видим в изданиях 1826 и 1829 гг, но в «Собрании новых Русских стихотворений, вышедших в свет с 1821 по 1823 год. СПб., 1824. Ч. 1» рифма не содержит окончания -ой в прилагательных м.р.: рифмуется священной – вдохновенный – незабвенны.

9) «Я пережил свои желанья...», 1823

2 примера.

10) Совет, 1823

11) Жених, 1823

В данном стихотворении замена и в рифме, и в середине строк: «И статной, и проворной, / Не вздорной, не зазорной».

12) Сцена из Фауста («Мне скучно, бес...»), 1823

Здесь рифма включает в себя цепочку: сон чудесной – шум древесной – груди ея прелестной – Творец небесной. Таким образом, реализация идет в прилагательных м.р. ед.ч., плюс рифма с прил. ж.р. ед.ч., что, по сути, отнесено к другому варианту, см. ниже вариант замены 2, в котором рифмуются прилагательные разных родов.

13) Романс («Под вечер, осенью ненастной...»), 1827

14) Чернь («Поэт по лире вдохновенной...»), 1828

Здесь 1 пример и еще цепочка из рифм, по типу «Из Фауста»: по лире вдохновенной – надменной – непосвященной <народ>, два прилагательных м.р. и одно ж.р.

II. Замена -ый/-ой в одной из строк, рифма.

Реализация. Одна строка содержит прилагательное м.р. ед.ч., с окончанием -ой. Вторая строка реализуется в пяти вариантах.

Рассмотрим подробнее все варианты, с указанием названий произведений и количества примеров замен.

а) прилагательное ж.р. ед.ч., относящееся к существительному ж.р. ед.ч. тв.п., р.п., в.п., д.п., п.п. либо самостоятельное (**ex. милой (какой?)**).

1) Кольна («Источник быстрой Каломоны...»), 1814

2) Воспоминания в Царском селе, 1815

3 примера.

3) К Г...у <Галичу> («Пускай угрюмый рифмотвор...»), 1815

4) Мечтатель («По небу крадется луна...»), 1815

5) Городок, 1815

4 примера.

6) Вода и вино («Люблю я в полдень воспаленной...»), 1815

7) Послание к Г...у («Где ты, ленивец мой?..»), 1815

3 примера.

8) Пробуждение («Мечты, мечты...»), 1816

9) Другьям, 1816

10) Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры...»), 1817

В этом стихотворении рифма <невольник> покорной – <улыбкою> придворной составляет часть цепочки <важностью> притворной – <в> уборной – <невольник> покорной – <улыбкою> придворной. Иначе: прилагательное ж.р. – существительное ж.р. – прилагательное м.р. – прилагательное ж.р. Естественно, прилагательные ж.р. согласуются с существительными ж.р. в тв.п., а существительное ж.р. стоит в п.п. (являясь обстоятельством места).

11) Торжество Вакха, 1817

12) К мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслаждение...»), 1818

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. В типографии Департамента народного просвещения. 1826» и в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829»: *исступленной*, но в издании «Сын отечества. 1818. Ч. 50. № LI»: *изступленный*.

13) На возвращение Государя императора из Парижа в 1815 г. («Утихла брань племен в пределах отдаленных...»), 1818

14) Безверие, 1818

15) Русалка, 1819

2 примера.

16) Возрождение, 1819

17) Фонтану Бахчисарайского дворца, 1820

2 примера.

18) Виноград, 1820

19) Дочери Карагеоргия, 1820

20) «Я пережил свои желанья...», 1821

2 примера.

21) «Умолкну скоро я...», 1821

22) Гроб юноши, 1821

23) Наполеон, 1821

24) Алексееву, 1821

В издании «Полярной звезды. Карманная книжка на 1825 г. для любителей и любительниц русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. С.-Петербург. Печатано в Воен. Тип. Главн. Штаба Его Импер. Вел. VI+376 с.» «изступленный», рифмуется с <красавицы> «надменной», в изданиях 1826 и 1829 гг. – «исступленной».

25) К***ну, 1821

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1826» выстроена цепочка: волшебницы прекрасной – обожатель страстной – <с досады...> напрасной. В издании Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829» слово «напрасной» заменено словом «неправой», что, естественно, выключает строку из рифмы.

26) Ч***ву, 1821

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. В типографии Департамента народного просвещения. 1826» и в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829» дана форма утомленной, а в издании «Сына отечества. 1821. Ч. 72. № XXXV» – утомленный.

27) Овидию, 1822

3 примера.

Такая же ситуация и с изданиями стихотворения «Овидию»: «В типографии Департамента народного просвещения. 1826» и в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829» даны формы на -ый, рифмующиеся с прилагательными ж.р. на -ой, а в «Полярной Звезде. Карманная книжка для любительниц и любителей Русской словесности на 1823 г., изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб. 1823» – на -ый: тяжелый <шлем> – оробелой <лиры>, ужасный <рок> – прекрасной <Италии>, отдаленной <стране> – уединенный <след>.

28) Гречанке, 1822

Также цепочка, но с двумя прилагательными м.р.: Греции священной – страдалец вдохновенной – образ незабвенной.

И та же ситуация с изданиями. В издании «Полярной звезды на 1823 год. СПб., 1823» форма «вдохновенный», в изданиях 1826 и 1829 гг. – вдохновенной. Тем не менее рифмуется с прилагательным на -ой: <Греции> священной – <страдалец> вдохновенный – <образ> незабвенный.

29) «Люблю ваш сумрак неизвестной...», 1822

30) Песнь о Вещем Олеге, 1822

31) Другьям («Вчера был день разлуки шумной...»), 1822

32) «Свод неба мраком обложился...», 1822

33) Ночь, 1823

34) К Морфею («Морфей, до утра дай отраду...»), 1823

35) «Простишь ли мне ревнивые мечты...», 1823

2 примера.

36) «Торгуя совестью пред бледной нищетою...», 1824 (Подражания Корану)

2 примера.

37) «И путник усталый на бога роптал...», 1824 (Подражания Корану)

38) Сожженное письмо, 1825

39) Андрей Шенье, 1825

4 примера.

40) К*** («Я помню чудное мгновенье...»), 1825

Интересно, что далее в этом же стихотворении есть форма **нежный**, которая рифмуется с **мятежный**, а «**нежной**» рифмуется с безнадежной <грустью>.

41) Соловей и Кукушка («В лесах, во мраке ночи праздной...»), 1825

42) 19 октября, 1825

3 примера.

43) П.А.О*** («Быть может, уж недолго мне...»), 1825.

44) Сцена из Фауста («Мне скучно, бес...»), 1825.

Всего 4 примера, а также см. описанную выше цепочку рифмующихся слов, в которой скомпилированы два варианта рифмы.

45) Пророк, 1826

46) Зимняя дорога, 1826

47) К Яз*** («Яз***, кто тебе внушил...»), 1826

48) Отрывки из стихотворения «Фавн и пастушка», 1827

2 примера.

49) Чернь («Поэт по лире вдохновенной...»), 1828

Цепочка рифм, см. выше: два прилагательных м.р. и одно ж.р.

50) Отрывок из Конрада Валленрода («Сто лет минуло, как Тевтон...»), 1828

51) Цветок («Цветок засохший, безуханной...»), 1828

52) «Не пой, красавица, при мне...», 1828

53) Приметы («Я ехал к вам. Живые сны...»), 1829

54) К ***[Орлову], отсоветовавшему мне вступить в военную службу («О ты, который сочтал...»), 1829

55) Эпиграмма («Как сатирой безымянной...»), 1829

56) Олегов щит («Когда ко граду Константина...»), 1829

57) «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...», 1829

58) «Как сатирой безымянной...», 1829

59) В альбом («Что в имени тебе моем?...»), 1829

60) Зимний вечер («Буря мглою небо кроет...»), 1829

61) «Дар напрасной, дар случайной...», 1829

62) Приметы, 1829

63) «В часы забав иль праздной скуки...», 1830

64) К вельможе («От северных оков освобождая мир...»), 1830

2 примера – в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1832», 3 примера в издании Славянин. 1830. Ч. 14. № X», где кру-

гообразной <оборот> рифмуется с праздной <неги>, в издании 1832 г. – кругообразный.

65) Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной...»), 1830

66) Сонет, 1830

67) Новоселье, 1830

68) Ответ («Я вас узнал, о мой Оракул!...»), 1830

69) Гусар, 1835

70) Разговор книгопродавца с Поэтом, 1835

4 примера.

71) Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»), 1835

72) На выздоровление Лукулла («Ты угасал, богач молодой...»), 1835

73) Пир Петра Первого («Над Невою резво вьются...»), 1836

3 примера.

б) прилагательное ср.р. усеченная форма окончания.

1) Старик (из Марота), 1814–1815

Рифма <философ> страстной – красно <лето>. Есть различия в тексте изданий, но это не касается данной рифмы, она идентична во всех рассмотренных изданиях, за исключением издания «Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения. Собрано Михаилом Яковлевым. Издано Иваном Слëниным. Санктпетербург. В типографии Департам. Народн. Просв. 1828», где страстный.

2) Городок, 1815

Рифма <спутник> милой – <мечтанье> легкокрыло.

3) К Г...у <Галичу> («Пускай угрюмый рифмотор...»), 1815

Рифма <время> невозвратно – <кров> приятной.

в) существительное ж.р. ед.ч. тв.п.

1) К Г...у <Галичу> («Пускай угрюмый рифмотор...»), 1815

2) Мечтатель («По небу крадется луна...»), 1815

3) Дельвигу, 1817

4) К *** («Не спрашивай, зачем унылой думой...»), 1817

5) Безверие, 1818

6) Гробница Анакреона («Все в таинственном молчаньи...»), 1818

Рифма из трех элементов: <над> могилой – <звон> унылой – <голос> милой, таким образом, рифмуются и прилагательное м.р. с существительным ж.р. ед.ч. в тв.п., и два прилагательных м.р.

7) Русалка, 1819

8) К***ну, 1821

9) Песнь о Вещем Олеге, 1822

10) «Земля недвижна; неба своды...», 1824 (Подражания Корану)

11) Совет, 1825

12) 19 октября, 1825

13) Стансы, 1827

14) Два ворона («Ворон к ворону летит...»), 1828

15) «Седой Свистов! Ты царствовал со славой... (Эпиграмма)», 1829

16) Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...»), 1829

17) Ответ анониму («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье...»), 1830

18) Песни Западных Славян, Похоронная песня Иакинфа Маглановича, 1835

19) На выздоровление Лукулла («Ты угасал, богач молодой...»), 1835

г) существительное ср.р. в.п.

1) Лицинию, 1815

Рифма <мрак> глубокой – око

д) наречие

1) Городок, 1815

Рифма благополучно – <стук> докучной.

2) Мечтатель («По небу крадется луна...»), 1815

Рифма смиренно – <дар> безценной.

2) Послание к Г...у («Где ты, ленивец мой?...»), 1815

2 примера: <он... судьбе> послушной – равнодушно, <город> скучной – неразлучно.

3) Близ мест, где царствует Венеция златая, 1827

Рифма жестоко – <парус> одинокой.

4) Послание к В[еликопольскому], сочинителю сатиры на игроков («Так элегическую лиру...»), 1828

Рифма <человек> ужасной – прекрасно.

III. Замена -ой/-ый в середине строки.

1) Андрее Шенье, 1825.

2 примера, восходящие к славянизмам: младый певец поник задумчивой главой..., когда святой старик от плахи отрывал...

IV. Замена -ый/-ой в середине строки.

1) К другу стихотворцу, 1814

4 примера.

2) Кольна, 1814

9 примеров.

3) «Вот зеркало мое, прими его, Киприда!..», 1814

4) К Н.Г.Л<омонос>ову («И ты, любезный друг, оставил...»), 1815

5) Воспоминания в Царском селе, 1815

2 примера в издании «Российский музей. 1815. Ч. II. № 4». В издании «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданное Обществом любителей отечественной словесности. Часть шестая. Санктпетербург, в медиц. типографии. 1817» оба примера на -ый. В издании «Собрания образцовых Русских сочинений и переводов в стихах, изданное Обществом любителей отечественной словесности. Издание второе, исправленное, умноженное и содержащее историю словесности древних и новых народов, правила словесности вообще и каждого рода красноречия и поэзии в особенности. Часть шестая. СПб. 1822» также оба примера на -ый: страшный, военный.

6) Батюшкову («В пещерах Геликона...»), 1815

7) Наполеон на Эльбе, 1815

7 примеров.

8) Городок, К*** («Прости мне, милой друг...») 1815

3 примера.

9) К Г<алич>у («Пускай угрюмый рифмотор...»), 1815

4 примера.

10) Мечтатель, 1815

11) 6 примеров.

12) Послание к Г... <Галичу> («Где ты, ленивец мой?...»), 1815

3 примера.

14) Моя эпитафия («Здесь П-н погребен, он с музой молодою...»), 1815

15) К П...у <Пущину> («Любезный именинник...»), 1815

16) Певец, 1816

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. В типографии Департамента народного просвещения. 1826» нет замены, которая есть в издании «Северный наблюдатель. 1817. Ч. 1. № 1» 1817 г.: звук уны**ло**й, но, наоборот, в издании 1817 г. слово тихий дано через **і**: тих**і**й, а в издании 1826 г. – тих**о**й. В издании «Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. Москва. В типографии Августа Семена, при Импер. Мед.-Хирург. Академии. 1831» в этом стихотворении нет примеров на -ой.

17) Торжество Вакха, 1817

Здесь интересно то, что в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1826» дан вариант рифмы: «И кубок, тяж**ко**й, золотой,/ Подарок Вакха дорогой», а в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829» в таком виде: «И кубок, тяж**ко**-золотой,/ Подарок Вакха дорогой». Очевидно, вариант издания 1826 г. относится к случаю замены окончания в середине строки, но в издании 1829 г. этого уже нет. Редакторская правка? Опечатка? Учитывая то, что у Пушкина сложносочиненные слова встречаются не так уж и часто, а в лирике просто редко, то предположим все-таки редакторскую правку.

18) К ней («Ельвина, милый друг! Приди, подай мне руку...»), 1817

19) Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры...»), 1817

21) К К. [Каверину], 1817

22) На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 г. («Утихла брань племен в пределах отдаленных...»), 1818

23) Безверие («О вы, которые с язвительным упреком...»), 1818

2 примера в издании «Трудов Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. 1817. Ч. 10. Кн. XVI», а в издании «Собрания Российских стихотворений. В пользу юношества, воспитываемого в Учебном Округе Императорского Виленского Университета. Вильно. Изданием Фр. Морица. В Типографии Б. Неймана. 1827» – только один пример: <взор> болезнен**но**й, но страш**н**ый <гроб>.

24) К мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслаждение...»), 1818

В издании «Сына отечества. 1818. Ч. 50. № LI»: неопыт**но**й. В издании «Стихотворения Александра Пушкина. В типографии Департамента народного просвещения. 1826» и в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829»: неопыт**н**ый.

25) К прелестнице («К чему нескромным сим убором...»), 1820

В издании «Стихотворения Александра Пушкина. В типографии Департамента народного просвещения. 1826»: притворный.

26) Алексееву («Мой милый, как несправедливы...»), 1821

27) К***ну, 1821

Так легкомысленной душой,
О боги, смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

В данном отрывке есть не только замена в середине строки (легкомысленной), но и рифма: легкомысленной душой/трепетной рукой.

28) «Свод неба мраком обложился...», 1822

29) Коварность, 1824

30) Жених («Три дня купеческая дочь...»), 1825

2 примера.

31) Пророк, 1826

2 примера.

32) Романс («Под вечер, осенью ненастной...»), 1827

33) «Поедем, я готов; куда бы, вы, друзья...», 1829

34) Герой («Да, слава в прихотях вольна...»), 1830

35) Песни западных славян, Видение короля, 1835

V. Замена в конце строки, без рифмы.

1) Песни западных славян, Видение короля, 1835

В заключение изложения статистики надо сделать одно существенное замечание. Есть примеры, в которых наблюдается замена окончания в одной строке, но в другой – ее нет, при этом строки предполагаются в рифме. Логичнее всего предположить, что в этих случаях, вероятнее всего, имела место редакторская правка, поскольку, как показал статистический анализ Давида Самойлова [17. С. 147–150], начиная с произведений 1816 г., пушкинская рифма практически всегда точна (за исключением случая усеченных рифм, для рассматриваемой ситуации весьма редкого).

Подобным примером может послужить стихотворение «К мечтателю (Ты в страсти горестной находишь наслажденье...)» (1818). В издании «Стихотворения Александра Пушкина. В типографии Департамента народного просвещения. 1826» и в издании «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829»: иступленной, но в издании «Сын отечества. 1818. Ч. 50. №LI»: иступленный, которое во всех изданиях рифмуется со словом надменной <любовницы>.

Резюме по статистике

Итак, самый частый вариант рифмы с заменой ый/-ой: прил. м.р. ед.ч. / прил. ж.р. ед.ч.

Теперь посмотрим по годам количество стихотворений с заменой, опубликованных в прижизненных собраниях сочинений Пушкина (табл.1, первые 2 цифры года опущены).

Таблица 1

1814	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824	1825
4	28	3	7	10	3	4	9	7	4	4	13

Окончание табл. 1

1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836
4	5	6	13	8	—	—	—	—	8	1

Очевидно отсутствие стихотворений с рассматриваемым нами случаем замены гласной в окончаниях в стихотворениях с 1831 по 1834 г. До этого многочисленные замены в ранних стихотворениях, и далее достаточно равномерно распределенное по годам количество замен.

Цепочки рифм с заменой присутствуют в стихах 1817, 1818, 1821, 1822, 1825 и 1828 гг. Они также равномерно распределены по хронологии.

Далее отметим **количество стихотворений** с заменами окончаний **по отдельным изданиям** относительно к общему количеству опубликованных стихотворений.

1. Стихотворения Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1826.

32 стихотворения из 99.

2. Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1829.

32 стихотворения из 81.

3. Стихотворения Александра Пушкина. Вторая Часть. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1829.

12 стихотворений из 76.

4. Стихотворения А.С. Пушкина. (Из Северных Цветов 1832 года). Санктпетербург. В типографии Департамента внешней торговли. 1832.

Нет примеров ни в одном из 9 стихотворений.

5. Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Департамента народного просвещения. 1832.

16 стихотворений из 50.

6. Стихотворения Александра Пушкина. Четвертая часть. Санктпетербург. Печатано в типографии Императорской Российской Академии. 1835.

5 стихотворений из 23 («Песни западных славян» считаются все по отдельности).

Что наблюдается по **количеству стихотворений** с заменами окончаний в **различных периодических изданиях, альманахах и сборниках** с 1814 по 1836 г.? Также сделаем хронологический список по годам (табл.2, первые 2 цифры года опущены).

Таблица 2

1814	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824	1825
3	13	2	5	4	-	1	2	2	6	3	2

Окончание табл. 2

1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836
4	9	10	13	9	2	—	—	2	3	1

Очевидно, наибольшее количество стихотворений соответствует лицейскому периоду, а также периоду расцвета творчества.

Еще один интересный показатель – примеры замен, которые варьируются в разных изданиях. В табл. 3 сведены воедино примеры замен, отличающихся в различных изданиях одного и того же стихотворения (знаки + и – соответственно означают наличие или отсутствие замены, многоточие – отсутствие стиха в данном издании; латинская цифра перед названием стихотворения – тип замены в соответствии с приведенной выше классификацией). Таких произведений не так много.

Таблица 3

Сборник или периоди- ческое издание/ тихо- творение	Стих-я, 1826	Стих-я, 1829, I ч.	Сти- х-я, 1829 II ч.	Стих-я, 1832 (Сев.. цветы)	Стих-я, 1832, III ч.	Сти- х-я, 1835 IV ч.	Периодика
1	2	3	4	5	6	7	8
I. Лицинию, 1815	–	–	...	...	...	...	Российский му- зеум. 1815. Ч. II. №5. + Собрание образ- цовых русских сочинений и пе- реводов в стихах. СПб., 1816. Ч. 4. С. 184–187. +
I. К мечтате- лю, 1818	–	–	...	...	...	...	Сын отечества. 1818. Ч. 50. № LI.
I. Гречанке, 1822	+	+	...	...	...	...	Собрание новых Русских стихо- творений, вы- шедших в свет с 1821 по 1823 г. СПб., 1824. Ч. I. –
II. К мечтате- лю, 1818	+	+	...	...	...	...	Сын отечества. 1818. Ч. 50. № LI. +
II. Алексею, 1821	+	+	...	...	...	...	Полярная звезда на 1825 г. СПб., [1825]. +
II. Чаадаеву, 1821	+	+	...	...	...	...	Сын отечества. 1821. Ч. 72. № XXXV. +
II. К***ну, 1821	+	Другое слово – нет рифмы	...	...	...	...	...
II. Овидию, 1821	+	+	...	...	...	...	Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823. –
II. Гречанке, 1822	+	+	...	...	...	...	Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823. –
II. К вельможе, 1830 Послание к К. Н. Б. Ю****	...	...	...	...	+ 2 при- мера	...	Славянин. 1830. Ч. XIV. № 10. + (3 примера)

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8
IV. Воспоминания в Царском селе, 1815	...	...	...	...	...	...	Российский музей. 1815. Ч. II. № 4. + Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1817. Ч. 6. – Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. 2-е изд. СПб., 1822. Ч. VI. –
IV. Певец, 1816	– + (см. в тексте)	...	...		...	...	Северный наблюдатель. 1817. Ч. 1. № 1. + – Денница, альманах на 1831 год. Москва. 1831. – –
IV. Торжество Вакха, 1817	+ тяжкой, золотой	– тяжко-золотой	...	...	...	...	...
IV. Безверие, 1818	–	–	...	...	...	...	Труды Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. 1817. Ч. 10. Кн. XVI. + (2 примера) Собрание Российских стихотворений. В пользу юношества, воспитываемого в Учебном Округе Императорского Виленского Университета. Вильно. Изд-вием Фр. Морица. В Типографии Б. Неймана. 1827. + (1 пример)
IV. К прелестнице, 1820	–	...	...	...	...	...	Невский зритель. 1820. Ч. II. Апрель. +

По таблице видно, что перевес в использовании замен в окончаниях принадлежит все же собраниям сочинений, а не периодическим изданиям.

Выводы

Правила современной русской орфографии далеко не во всем соответствуют орфографии пушкинской эпохи – это общеизвестный факт, который нужно учитывать при исследовании поэзии Пушкина.

Если есть необходимость в снятии субъективной компоненты при анализе текста, то используемый текст должен быть взят из определенных источников, по возможности близких к орфографии автора. Конечно, есть авторские особенности текста, есть особенности орфографии, свойственные той или иной эпохе, есть корректорская и редакторская правка, которые меняют текст, и это становится важным моментом при разработке программного обеспечения, его анализирующего.

Но если прозаический текст может быть рассмотрен как более свободная форма, то при анализе поэтического текста приобретают значение точность рифмы и звукопись. Это два важных момента, которые нельзя не учитывать при получении конечного результата анализа текста с помощью компьютера. Рифма – это тот показатель структуры текста, который приобретает основополагающее значение именно при автоматизированном анализе, поскольку основная масса характеристик поэтических текстов связана именно с ней.

Если обратиться к творчеству А.С. Пушкина, то несомненно, что издания поэта несут на себе печать многочисленных реформ, правок, даже издательских ошибок, и это неоднократно отмечено в пушкинистике. Не отрицая пристального внимания поэта к построению стиха и к рифме, нельзя не признать того, что при издании произведения поэта подвергались правке и с точки зрения орфографии, а это становится очень важным при автоматизированном анализе текста. Расхождение в употребляемых языковых нормах, устаревшие словоформы, плавающие языковые нормы – все это, добавляясь к редакторским и корректорским правкам, влияет на конечный результат анализа.

На примере использования окончаний -ой/-ый в пушкинской рифме становится очевидным необходимость учета подобных аспектов при автоматизированном анализе текста. Мы не можем приводить к одному знаменателю анализируемые произведения, ориентируясь только на одно какое-либо издание, поскольку будем иметь некорректный результат анализа. Показанные изменения в окончаниях, прослеженные по прижизненным изданиям поэта, показательны с точки зрения изменений, которые при автоматизированном анализе могут существенно влиять на конечный результат.

Итак, на основании статистических исследований нами показано и подкреплено статистически, что вариативность окончаний не была для Пушкина жестко закрепленной, и это необходимо учитывать при компьютерном анализе текста.

Почти вся лицейская лирика относится к возвышенному стилю, исключение – всего несколько стихотворений. Даже многие сатирические стихи написаны вполне в возвышенном стиле. Можно утверждать, что в ранних стихах Пушкина чувствуется влияние жестких правил «Грамматики» его лицейского учителя Н.Ф. Кошанского: «Прилагательныя на *ый*, и съ предыдущими буквами *г*, *к*, *х*, на *ий*, перемѣняють окончанія свои на *ой*, когда употребляются въ простомъ слогѣ». Действительно, статистический анализ стихотворений

показывает, что наибольшее число замен окончаний мы наблюдаем в произведениях, относящихся к лицейскому и послелицейскому периоду. Однако в более зрелый период поэт меньше ограничивал выбор грамматических форм жесткими нормами, поскольку следовал за стихией народного языка: «Пушкин... вовсе не создавал... русского литературного языка. Он первый из вновь сложившегося писательского класса (после того как Петр отлучил православную Русь от литературы), кто научился писать и мыслить по-русски» [18. С. 190]. И это наглядно видно на представленном выше разборе примеров замен окончаний.

Выше мы обращались к статье В.И. Чернышева, напечатанной в 6-м выпуске Временника Пушкинской комиссии [2]. В том же выпуске на статью В.И. Чернышеву был дан ответ Г.О. Винокура в статье «Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений: (Ответ В.И. Чернышеву)». Г.О. Винокур пишет, что «в правописании Пушкина ... невозможно установить никакой последовательности: написания -ый и -ой в этой категории чередуются у Пушкина без всякой системы, а потому это чередование имеет чисто орфографический интерес и не отражает никаких ни звуковых, ни грамматических, ни стилистических особенностей языка Пушкина» [5. С. 477]. Речь идет о подготовке юбилейного издания произведений поэта и о тех спорах вокруг орфографии, которые велись во время редакторской работы над этим изданием. Цитата, приведенная выше, отражает решение редакторского коллектива не воспроизводить «окончание -ой, в им.-вин. п. ед. ч. прилагательных и местоимений мужск. рода» [5. С. 477]. Но были и возражения части редакторского коллектива по поводу того, «что как раз в стилистическом отношении есть существенная разница между написаниями -ый и -ой. Опираясь на грамматики и иные учебные пособия того времени, эти члены редакции утверждали, что окончанию -ый принадлежало значение так называемого „высокого“ слога, а окончанию -ой – „низкого“ . Однако живая практика языка пушкинской эпохи не имеет ничего общего с этим искусственным, школьным делением речи на „слоги“» [5. С. 477]. Г.О. Винокур приводит примеры из упомянутых нами выше «Стихотворений Александра Пушкина», вышедших в двух частях в Санкт-Петербурге в 1829 г., выдвигая как аргумент «книжные, церковнославянские слова ... все с окончанием -ой, притом не в рифмах, а в середине стихотворной строки» [5. С. 478]. А далее аргументация идет на основе несоблюдения поэтом глазной рифмы, вернее, отсутствия стремления к соблюдению: «...в пользу удержания написаний -ой высказывалось и другое соображение... Именно, подчеркивалось значение этого написания в случаях глазной рифмы. Действительно, принципу глазной рифмы принадлежало в печатных изданиях пушкинского времени очень большое значение. Есть писатели, которые строго следовали этому принципу и в своих рукописях... Но Пушкину стремление к глазной рифме всегда было чуждо, и чистовые рукописи его не оставляют в этом отношении никакого сомнения» [5. С. 478–479]. Дискутируя с В.И. Чернышевым, Г.О. Винокур настаивает: «Более того, Пушкин даже прямо формулировал свое отрицательное отношение к принципу глазной рифмы. В статье о стихотворениях Делорма – Сент-Бёва (1831) Пушкин писал: „Как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единст-

венном или множественном), когда произношение и в том и другом случае одинаково?» Для Пушкина, таким образом, рифма заключалась в гармонии звуков, а не в тождестве букв. Нужно ли доказывать, что такое отношение Пушкина к принципу глазной рифмы было глубоко прогрессивно, что в нем отразился тот общий отказ от условностей старого поэтического языка, который так характерен для Пушкина, как реформатора русской поэзии?» [5. С. 479]. Таким риторическим вопросом в дискуссии с В.И. Чернышевым Г.О. Винокур определяет самую суть поэзии Пушкина.

Собственно, статистика, собранная нами на материале прижизненных изданий поэта, количественно подтверждает то, что утверждается и в статье Г.О. Винокура, и в работах других исследователей: отличительной чертой поэзии Пушкина является сочетание высочайшего уровня поэтического искусства со стихией живого языка.

Итак, даже при ориентации автоматизированного анализа текста на прижизненные издания поэтов, в частности А.С. Пушкина, необходимо учитывать редакторскую и корректорскую правку, а также разницу в изданиях одного и того же произведения, если мы хотим получить наиболее корректный вариант. В данном случае на первый план выходит работа исследователя, который при первоначальном разборе текста будет понимать эти нюансы, и для автоматизированного анализа будет представлен текст с учетом этих особенностей. При наиболее тонком орфоэпическом анализе целесообразно рассматривать варианты с различным написанием окончаний как отдельные, учитывающие год издания стихотворения с той или иной орфографией (разумеется, для анализа прочих характеристик эти варианты не разделяются).

Литература

1. Барахнин В.Б., Кожемякина О.Ю., Соколова О.С. Автоматизация процесса анализа метрических и ритмических характеристик русских поэтических текстов // Вестн. Вост.-Казахстан. гос. техн. ун-та им. Д. Серикбаева. 2013. Сентябрь. Вычислительные технологии, т. 18, совместный выпуск. Информационные и телекоммуникационные технологии. С. 248–258.
2. Чернышев В. И. Замечания о языке и правописании А.С. Пушкина: (По поводу академ. изд.) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 433–461.
3. От редакции // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., 1959. С. 843–863.
4. Брюсов В.Я. Записка о правописании в издании сочинений А.С. Пушкина [1919] // Брюсов В. Мой Пушкин: статьи, исследования, наблюдения. М.; Л., 1929. С. 207–212.
5. Винокур Г.О. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений: (Ответ В.И. Чернышеву) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 462–494.
6. Кошанский Н.Ф. Начальные правила русской грамматики. М., 1807.
7. Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской Академией. СПб., 1819.
8. Востоков А. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенной. СПб., 1831.
9. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. 2-е изд., испр. СПб., 1834.
10. Друговойко-Должанская С.В. В поисках запасного выхода из языковых проблем (конкуренция прилагательных на -ый/-ой) // Грамматика диалога о русском языке и литературе. СПб., 2007. URL: <http://www.gramma.ru/RUS/?id=13.33> (дата обращения: 09.12.2015).

11. Бровко А.С. Поверим рифмой орфоэпию (к вопросу о старомосковском истоке некоторых произносительных норм) // Вісн. Запор. державного ун-ту. Філологічні науки. 2002. № 3. С. 12–25.
12. Shaw J. Thomas. Pushkin's Rhymes: A Dictionary. Madison: Univ. of Wisconsin. Press, 1974.
13. Shaw J. Thomas. Pushkin: A Concordance to the Poetry: Vol. 1, 2. Columbus, Ohio, Slavica, 1984.
14. Shaw J. Thomas. Pushkin's Rhyming: A Comparative Study. Madison, University of Wisconsin Press, 2010.
15. Шапир М.И. О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Шапир М.И. Статьи о Пушкине. М., 2009. С. 249–264.
16. Пушкин. Прижизненные публикации. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8491> (дата обращения: 09.12.2015).
17. Самойлов Д. Кинга о русской рифме. М.: Время, 2005.
18. Грунтовский А.В. Слово о Рубцове. М., 2011. № 1. С. 185–210.

ON THE AUTHENTICITY OF PHONETIC ANALYSIS IN CONNECTION WITH THE POSSIBLE FEATURES OF AUTHOR'S SPELLING (ON THE EXAMPLE OF THE ALTERNATION BETWEEN THE ENDINGS -OY/-YY IN THE LYRICS OF A.S. PUSHKIN)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 5–28. DOI: 10.17223/19986645/40/1

Barakhnin Vladimir B., Institute of Computational Technologies SB RAS, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bar@ict.nsc.ru

Kozhemyakina Olga Yu., Institute of Computational Technologies SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: olgakozhemyakina@mail.ru

Keywords: author's orthography of Pushkin, Russian grammar of the first half of 19th century, automated analysis of poems

One of the first stages of automated complex analysis of Russian poetic texts is a study of the phonetic characteristics of poetic works. Phonetic analysis of the verse includes the study of sound repetition and rhyming (their types, as well as the strophic structure of the verse, compilation of dictionaries of rhymes, etc.). It is obvious that the analysis of the phonetic characteristics of the words in the poem has to rely on the orthography of the text.

However, during the work with poetic works of Russian classics of the 19th century, the researcher of the phonetic characteristics of the text unavoidably faces the problem of accounting of the changes in spelling since that time, or rather, the possible impact of these changes on the orthoepy. So, the largest spelling reform of 1918 also affected the orthoepic features of some words. The changes in spelling of some words in accordance with the Rules of Russian orthography and punctuation adopted in 1956 also affected their pronunciation in some cases.

Moreover, deviations from spelling standards (applicable at the time) for the rhyme are very typical for works of Russian poets of the first half of the 19th century, and such deviations are not always taken into account even in academic editions.

To demonstrate the complexity and multidimensional nature of these problems, the authors have considered only one particular but very interesting case: the use of endings of masculine adjectives in the nominative case (and also in the accusative case for inanimate noun definitions) in the singular: -oy and -yy by A.S. Pushkin.

On the basis of a detailed analysis of lifetime editions of Pushkin it is shown that the variability of the endings was not rigidly fixed by Pushkin: the greatest number of the replacement of the endings we see in the works related to the Lyceum and after the Lyceum periods in accordance with the strict rules of *Grammar* written by his Lyceum teacher N.F. Koshansky, but in his more mature period the poet limited the choice of grammatical forms with rigid rules less, following the element of the native language.

Thus, even with the orientation of the automated text analysis on lifetime editions of poets, in particular of A.S. Pushkin, if we want to get the most correct variant, we should consider editorial and proofreading correction, and also the different editions of the same work. In this case, the work of a researcher comes to the fore, a researcher who will understand these nuances upon the initial analysis of the text, and the text with these features will be presented for automated analysis. In the most detailed orthoepic analysis it is advisable to consider variants with different spelling endings as individ-

ual, taking into account the year of edition of a poem with a particular spelling (of course, for the analysis of other characteristics these variants are not separated).

References

1. Barakhnin, V.B., Kozhemyakina, O.Yu. & Sokolova, O.S. (2013) Avtomatizatsiya protsessa analiza metricheskikh i ritmicheskikh kharakteristik russkikh poeticheskikh tekstov [Automation of the analysis of metric and rhythmic characteristics of Russian poetic texts]. *Vestnik Vostochno-Kazakhstanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. D.Serikbaeva. Vychislitel'nye tekhnologii, sovmestnyy vypusk. Informatsionnye i telekommunikatsionnye tekhnologii*. 18. pp. 248–258.
2. Chernyshev, V.I. (1941) Zamechaniya o yazyke i pravopisanii A.S. Pushkina: (Po povodu akadem. izd.) [Notes on the language and spelling of Pushkin: (on the academic edition)]. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Lomonosov, M.V. (1959) Ot redaktsii [From the Editor]. In: Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Bryusov, V.Ya. (1929) Zapiska o pravopisanii v izdanii sochineniy A.S. Pushkina [1919] [A note on the spelling in the publication of the works of Alexander Pushkin [1919]]. In: Bryusov, V.Ya. *Moy Pushkin: Stat'i, issledovaniya, nablyudeniya* [My Pushkin: Articles, research, observations]. Moscow; Leningrad.
5. Vinokur, G.O. (1941) Orfografiya i yazyk Pushkina v akademicheskom izdanii ego sochineniy: (Otvét V. I. Chernyshevu) [Spelling and language of Pushkin in the academic edition of his works: (Answer to V.I. Chernyshev)]. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Koshanskiy, N.F. (1807) *Nachal'nye pravila russkoy grammatiki* [Basic rules of Russian grammar]. Moscow.
7. Imperial Russian Academy. (1819) *Rossiyskaya grammatika, sochinennaya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademiei* [Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy]. St. Petersburg: Imperial Russian Academy.
8. Vostokov, A. (1831) *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe sokrashchennoy grammatiki, polnee izlozhennoy* [Russian grammar by Alexander Vostokov, based on his concise grammar, its more complete presentation]. St. Petersburg: tip. Glazunova.
9. Grech, N. (1834) *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem* [Practical Russian grammar, published by Nikolay Grech]. 2nd ed. St. Petersburg: tip. N. Grecha.
10. Drugoveyko-Dolzanskaya, S.V. (2007) V poiskakh zapasnogo vykhoda iz yazykovykh problem (konkurentsniya prilagatel'nykh na -yy/-oy) [In search of the emergency exit of the language problems (competition of adjectives ending in -yy/-oy)]. In: *Grammatika dialoga o russkom yazyke i literature* [Grammar of the dialogue about Russian language and literature]. St. Petersburg: Mir russkogo slova. [Online]. Available from: <http://www.gramma.ru/RUS/?id=13.33>. (Accessed: 9 December 2015).
11. Brovko, A.S. (2002) Poverim rifmoy orfoepiyu (k voprosu o staromoskovskom istoke nekotorykh proiznositel'nykh norm) [Checking orthoepy with rhyme (on the Old Moscow origins of some pronunciation rules)]. *Visnik Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu. Filologichni nauki*. 3. pp. 12–25.
12. Shaw, J.Th. (1974) *Pushkin's Rhymes: A Dictionary*. Madison: Univ. of Wisconsin Press.
13. Shaw, J.Th. (1984) *Pushkin: A Concordance to the Poetry: Volumes 1 and 2*. Columbus, Ohio: Slavica.
14. Shaw, J.Th. (2010) *Pushkin's Rhyming: A Comparative Study*. Madison, University of Wisconsin Press.
15. Shapir, M.I. (2009) O tekstologii "Evgeniya Onegina" (orfografiya, poetika i semantika) [On the textuality of Eugene Onegin (spelling, poetics and semantics)]. In: Shapir, M.I. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
16. Pushkin House. (n.d.) *Pushkin. Prizhiznennye publikatsii* [Pushkin. Lifetime publications]. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8491>. (Accessed: 9 December 2015).
17. Samoylov, D. (2005) *Kniga o russkoy rifme* [A book about the Russian rhyme]. Moscow: Vremya.
18. Gruntovskiy, A.V. (2011) Slovo o Rubtsove [A word about Rubtsov]. *Moskva*. 1. pp. 185–210.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/40/2

О.Н. Копытов

МОДУС НА УРОВНЕ ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»-2014)

В данной статье автор продолжает свою концепцию модуса (в духе Шарля Балли) на пространстве текста так, что выводит модус на уровень дискурса. Он производит это на примере острого политического противостояния 2014 г., прежде всего, в медийном пространстве, глобальных политических сил – США и их союзников с Россией. Показано, что модус является не только органической семантической частью пропагандистских приемов, способом маскировки и умалчивания истинных намерений говорящих, но и маркером искренности.

Ключевые слова: модус, текст, дискурс, СМИ, глобальная политика.

Весь 2014 г. мир следил – конечно, посредством СМИ – за событиями на Украине и вокруг них. И это «вокруг» было и есть намного важнее локальной ситуации. Украинские события стали своего рода катализатором для мировых политических процессов, так сильно напоминающих недавнее прошлое с противостоянием двух мировых систем – капиталистической и социалистической, о чем почти сразу с началом этих процессов в тех же СМИ заговорили в терминах «новой холодной войны», «информационной войны» между Западом и Востоком, немного изменив, по сравнению со второй половиной XX в., конфигурацию первого (как минимум добавив в нее прибалтийские страны и Украину) и сильно изменив конфигурацию второго. Теперь – не «страны социалистического лагеря», а только Россия.

Не одни СМИ с их природной оперативностью освещения чего бы то ни было, но и научное гуманитарное сообщество практически сразу за «горячим» украинским февралем 2014-го стали осмысливать события на Украине и «новую холодную войну»: этой тематике, например, было посвящено немало докладов весьма представительного VIII Конвента Российской ассоциации международных исследований «Посткризисный мир: новый регионализм и сценарии глобального управления» 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России. Быстро откликнулся статьями на украинскую тему журнал «Политическая лингвистика». Например, статьей Л.Н. Синельниковой из Луганска [1].

Мы также следили за событиями на Украине и «вокруг них», используя определенные инструменты. При лингвистическом взгляде – **модус**. Мы попытались не только рассмотреть аспект «модус в арсенале информационной войны», попутно определив наше отношение к самому термину «информационная война», но и выполнить важную теоретическую задачу: вывести модус не только на пространство текста, что делали совсем недавно, но и на пространство дискурса, что является нашей актуальнейшей задачей.

Итак, о модусе, «информационной войне» посредством СМИ, о Западе и Востоке, о модусе на пространстве текста и о модусе на пространстве дискурса – по порядку.

В ряде исследований (см. [2]), развивая идеи Т.В. Шмелевой [3] и опираясь на ее классификацию модусных смыслов [4], мы показали, что модус – субъективная ипостась каждого высказывания (теория Шарля Балли [5]), хотя и не имеет полного перевоплощения на пространстве текста, но способен выстраивать длинные, в том числе и на весь текст, линии, последовательности определенного отношения автора, персонажей и упоминаемых в тексте субъектов к предмету и способу речи (мы называли эти линии *сложные модусные перспективы*). Тем самым модус «работает» на идею всего текста (что согласуется с функционированием в тексте «авторской модальности» [6. С. 26–27]), на оценку главных и второстепенных предметов речи, так или иначе воздействуя на объективную ипостась высказывания и текста – диктум, зарождая у адресата наряду с его собственными представлениями о мире определенные автором представления о нем.

Так, в статье [7] говорилось об этом на примере анализа статьи С. Казначеева «Прогнувшийся (Против Макаревича)» из «Литературной газеты» (10–16 августа 2005 г.). Автор статьи сразу задает модусную рамку отрицательной оценки предмета речи, формально удаляет себя из текста и вводит формально коллективного субъекта речи «мы», часто употребляет предельно объективированные безличные конструкции («возникает сомнение»), строит на протяжении всего текста сложные модусные перспективы внутри заданной модусной рамки и, не только формами экспликации оценки с оператором «плохо», их как раз мало и это не прямые формы не прямой оценки (*Так это что, мученичество, что ли?*), но и самым разнообразным модусом – персуазивным, авторизационным, модальным, метатекстовым и др., однако так или иначе «работающим» в свете первоначальной негативной модусной рамки, регулярно дополняет отрицательную оценку самого Актаанта-объекта и распространяет ее на Коагенсов.

Здесь мы выдвинем гипотезу, что существует не только явление «модус на пространстве текста» – как отдельно взятого, так и вообще-текста, инварианта, но и явление «модус на пространстве дискурса». Понимая под последним при всем множестве его толкований [8] и простейшем определении как совокупности текстов с похожими характеристиками прежде всего смыслы, циркулирующие между рядом однонаправленных текстов и родственным рядом однонаправленных действий внутри самой действительности, которые эти тексты отражают. Не исключаем в нашем понимании дискурса разворачивание понимания текста адресатом на фоне его знаний и установок [9. С. 32].

Механизм осуществления модуса на пространстве дискурса (в таком понимании последнего) – вне масштаба и уровня сложности – похож на механизм осуществления модуса на пространстве текста. Но на новом уровне сложности, наряду с *модусной рамкой*, создаваемой до текста (в замысле), *сложными модусными перспективами* (линиями модуса внутри текста) и *сложными модусными структурами* (отношениями между линиями), появляются новые категории – *модусное поле дискурса* и *модусная рамка поли-*

тики тех действий, которые происходят в действительности, будучи затем отражены в ряде однородных текстов. Под политикой в данном случае мы понимаем вообще программу любых действий, но в свете последующих демонстрационных областей данной статьи помним, что слово *политика* прежде всего ассоциируется с вышедшим из одноименного трактата Аристотеля значением «организационная и регулятивно-контрольная сфера общества, основанная в системе других таких же сфер: экономической, идеологической, правовой, культурной, религиозной» [10. С. 251].

Весьма актуальна в качестве примера модуса на пространстве дискурса «информационная война» по поводу Украины в СМИ США и Западной Европы, с одной стороны, России – с другой, протекавшая весь 2014 г.

Конечно, нужно начать с толкования словосочетания «информационная война» и сразу сказать, что мы не видим сколько-нибудь терминологического значения в этом словосочетании. Мы согласны с тем, что писал в 2003 г. А.В. Манойло: «...термин «информационная война» все еще носит публицистический характер – об этом свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии по поводу того, что же на самом деле скрывается под этим понятием <...> Как следствие, мы можем наблюдать использование в научной литературе нескольких десятков различных формулировок «информационной войны», явные (индивидуальные) достоинства и столь же явные недостатки которых... не позволяют отдать предпочтение ни одной из них» [11. С. 23–24]. Однако нас не устраивает и длинное описание вышеуказанного автора – «государственная информационная политика в особых условиях». Допустим все же использование словосочетания «информационная война» в кавычках, направив внимание читателя не на оформление термина-знака, а на референтов из области воздействия акторов (здесь – участников мировой политики, которые могут влиять на процессы, происходящие в мире) на СМИ (прежде всего – своей страны) с целью вызвать массовое согласие со своими действиями. И попутно заметим, что из двух главных функций политики – подчинения и согласия – сегодня главную роль во внутренней политике играет все же вторая, оттого так возросла роль медиа. Причем эта роль возросла таким образом, что нужно говорить уже об определенной **медиатизации** политики, т.е. делегировании части своих функций, направленных на управляемые властью СМИ (без предоставления последним властных полномочий, конечно).

Сам механизм воздействия акторов на СМИ не являются нашим предметом. Мы полагаем, что доминирующая суммарная редакционная политика, **мейнстрим** складывается амбивалентно: одновременно субъектно-субъективно и объектно-объективно, при этом на модус во всех смыслах влияет первое.

Нас интересует механизм осуществления модуса на пространстве текста в плане выражения и в плане содержания, т.е. лингвистическая проблема, и механизм осуществления модуса на пространстве дискурса, т.е. проблема описания речевых и внеязыковых феноменов на уровне высших филологических абстракций.

Последовательность осуществления модуса на уровне дискурса, в нашем представлении, происходит так. Акторы задают определенный политический

модус дискурса как рамку отражения в СМИ своих действий. Например¹, таким образом. «США сегодня – единственная в мире конструктивная сила поддержки демократии во всем мире (знак «плюс»)), но (обязательно противопоставление, а не сопоставление) Россия всячески этой поддержке препятствует (знак «минус-1»)) и вытаскивает из темного мирового прошлого несколько конкретных видов агрессии против других стран – аннексия территорий, вооруженное вмешательство во внутренние дела суверенных стран, торгово-экономическое давление, наконец, терроризм (знак «минус-2»)). Что обязательно: при создании такого рода политического модуса «свой» актор всеположителен «по умолчанию», но не поименован (анонимное как объективное), а «чужой» актор, который в негативном свете (вплоть до сравнения с одиознейшими персонажами типа Гитлера) должен отражаться в континууме текстов «своих» СМИ, должен быть поименован обязательно – в данном случае Владимир Путин (пусть такое огромное и разнообразное количество действий одному человеку осуществить невозможно, главное – не истина, а семиотическая формула).

В таком описании политического модуса и политического дискурса в нашем примере очевиден вызов. А на вызов, если оппонент чувствует себя в силе, дается ответ. Ответ был дан, хотя вызывающий, похоже, не совсем на это рассчитывал. Актор, вызванный на «информационный бой», задал свой политический модус. Примерно так: «США – единственная в мире страна, строящая однополярный мир с позиции собственной силы – финансовой, военной и политической прежде всего, и это плохо, ибо развивает только собственный волюнтаризм, склонность к агрессии, произвол по отношению ко всем другим» (знак «минус-1»)). Склонность к агрессии имеет несколько конкретных видов – экономический и политический захват территорий, в том числе – поддержкой националистических режимов и одобряющих фашизм, но лояльно относящихся к доминированию США в мире и продвижению НАТО на восток, торгово-экономическое давление (здесь оно емко поименовано, причем самой противоположной стороной – «санкции»), поддержка терроризма, если он инструмент для достижения целей США (знак «минус-2»)).

Асимметричность ответа в «информационной войне» в том, что актор не назван именем собственным, это не «Обама», как раз наоборот, этот конкретный политик сведен к слабой фигуре и даже к предмету иронии, как и иные публичные «акторы», например, Джен Псаки. Главная асимметричность ответа в том, что актор с российской стороны изначально выбрал способ большей гибкости по отношению как к собственной реальной политике, так и к циркуляции смыслов между медиатекстом и действиями в реальной политике как предмету его отражения. Знак «плюс» в этом политическом модусе в силу слабых экономических и внутринеополитических показателей России: коррупция, отсутствие значительных экономических достижений последних лет, и т.д. – трудновыразим и слаб, но можно прочитать его в таком виде: «Россия – единственная страна в мире, где поддерживаются традиционные гуманистические ценности и волеизъявление народов к самоопределению».

¹ То есть мы не претендуем на неприкосновенно исчерпывающее описание этой рамки.

Ширина политической модусной рамки и вообще модуса дискурса в носителем «разрешении» работать и/или иметь голос «оппозиционным» и «либеральным» СМИ и персонам, правда, при одновременной постоянной критике их и в целом «либерального» мировоззрения со стороны СМИ «державных» и «патриотических» персон.

А вообще модус политического дискурса (как и любой модус дискурса) в нашей гипотезе всегда шире и модуса ряда текстов, и модуса отдельного текста: циркуляция смыслов между действительностью и текстами пусть не кардинально, но меняет и первое, и второе, и третье. И даже первоначально очень строго, жестко и сильно заданный модус как политическое поле – сильно и строго очерченная модусная рамка политики (со стороны США в области нашего примера, прежде всего), кроме «ортодоксальных» текстов, рано или поздно допустит и существование альтернативных (в ином поле), но обязательно исходящих из малотиражных СМИ, с небольшой аудиторией, тогда как модус конкретного текста вообще строг.

Но в целом данная «информационная война» – это не что иное, как создание совместно средствами политики и СМИ (медиатизированных) двух разных дискурсов. Эти дискурсы не лежат в одной плоскости, они лежат в разных плоскостях и пространствах, отталкиваются от разных критериев истинности, от разных установок и ценностей, от разных мифов и реальных прецедентов близкой и далекой истории. А главное: эти критерии истинности, установки, ценности и мифы *не борются друг с другом*. То есть это внешне абсурдная «информационная война», когда у каждого из противников свое собственное «поле боя», *таковых два*. Подлинная же война, даже информационная, – это боестолкновения на *едином* поле, на одном для двух сил поле военных действий (Тулон, Бородино, Ватерлоо и т.п.). Эти дискурсы – параллельные возможные миры, они противоположны только знаками «плюс» и «минус», но абстрактными и условными, существующими оторванно от общих координат измерения.

Это положение из области философических абстракций, но очень важна и практическая невозможность прямого столкновения двух дискурсов: только малый процент интеллектуалов в России читает американскую прессу на английском языке, и наоборот.

Мы наблюдали за выбранным объектом – «холодной войной-2014» – в медиапространстве **методом мониторинга**, понимая под ним «систематическое наблюдение за каким-либо процессом с целью фиксировать соответствие (или несоответствие) результатов первоначальным предположениям» [12]. За единицу времени выбран месяц: за это время выходят несколько номеров даже еженедельника, факты остаются в рамках обозримого характера и возможен финиш один медийного сюжета в последовательности «новость – комментарий (точка зрения с оценкой) – аналитика». Месяц удобен и для временной фиксации политических и военных событий. Мы взяли два критерия для выборки публикаций: они должны относиться к политическим и военным событиям на Украине за 7 месяцев: с 1 февраля по 5 сентября 2014 г. Касательно собственно войны – освещать периодическое вооруженное противостояние повстанцев и силовиков на востоке Украины с февраля по март, затем – регулярное военное противостояние Вооруженных сил Ук-

раины и «армий» ДНР и ЛНР с апреля по август и начало сентября по его окончании с Соглашением о перемирии, подписанным в Минске 05.09.2014. Они должны относиться к двум медиаформатам: 1) российским СМИ – консервативным, державным, патриотическим и «антилиберальным» («1-й канал», «Россия 1», «Вести FM», «Аргументы и факты», «Литературная газета», «Российская газета», «Эксперт», Odnako.org и под.); 2) СМИ, противоположным в освещении данной тематики первому формату, – и из России, но главным образом из США, Англии, Франции, Германии, Польши, Норвегии, Турции (в нашем переводе с английского на русский язык или в переводах портала «ИноСМИ»). Учитывались и альтернативные форматы внутри обеих зон. Таким образом, мы собрали материал исследования, включающий около 800 текстов, от новости (заметки) до крупной статьи, которые в примерном соотношении «один к одному» репрезентируют две смысловые матрицы одного тематического дискурса. (Материалы украинских СМИ мы не брали принципиально в силу, прежде всего, их дискурсивной вторичности, во вторую очередь – в силу их предвзятости, ангажированности, агрессивности и проч. А познакомиться с конструированием политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины можно в диссертации [13]). При обработке материала нами использовался метод экспликации модусных смыслов в тексте [2. С. 210–215] и дистрибутивный анализ.

Продemonстрируем на нашем материале, как *медиа*тексты укладываются в *модусную рамку политики*, как при этом в них очерчивается *модусная рамка текста*, как и куда в этих текстах пролегают *сложные модусные перспективы*, как образуется *модусное поле* в *медиадискурсе*.

Сразу скажем, что модус как таковой, как его описал классик лингвосемантического жанра Шарль Балли, – логико-психологическая операция с диктумом, представлением об объективной действительности, содержащемся в предложении («Дождь», «Хочу дождя», «Надоели дожди», «Я не чувствую никакого дождя» и т.д. – разные модусы к одному диктуму-представлению «дождь»), и в том сложном виде, как мы выводим модус на пространство текста, – не единственное и даже не главное оружие в арсенале «информационной войны». Чаще встречаются и наделены большей «поражающей силой» явления, которые можно назвать разными видами лжи (включая «непроверенные факты», «передергивание фактов» и т.п.), трансформациями и аппликациями, «томографией». *Ложь* в описании не нуждается, если она очевидна (сказать, что одесситы, укрывшиеся 2 мая в Доме профсоюзов, «сами себя сожгли», или то, что при первых налетах украинских военных самолетов на Донецк «ракеты сами наводились на кондиционеры Дома правительства», – ложь очевидная). Остальные приемы опишем кратко. *Трансформации* – такое не прямое и частично прямое цитирование оппонента (врага), когда благодаря речевой ретуши некоторых первичных форм и помещению в определенный контекст (т.е. благодаря фреймингу) первоначальный смысл его высказывания предстает в ином и даже противоположном виде. (Например, «цитирование» «Гардиан» высказываний полевого командира новороссийцев Беса (Безлера), которое в дальнейшем служило доказательством тому, что именно повстанцы сбили малазийский гражданский авиалайнер.) *Аппликации* – присоединение к реальным отрывкам речи оппонента (врага) его воз-

возможных и/или собственных речевых форм, поворачивающих смысл «целого» высказывания, т.е. теперь неоднородного по субъекту речи конструкта, в «идеологически правильную» сторону. Очень часто (с обеих сторон) в этой (2014 г.) мировой «информационной войне» встречалась *«томография»* – почти в полном соответствии с физическим и медицинским смыслом термина это получение послойного изображения внутренней структуры объекта, здесь – это *как бы мнимое* ментальное сечение сознания политического субъекта, медиаобъекта, например: *Путин (или Обама, или Ангела Меркель) хочет, думает, стремится, замышляет то-то и т.д.*, без малейших попыток верификации, ибо журналист здесь не ищет истину, а лишь в чем-то убеждает, точнее – соответствует модусной рамке политики (да и невозможна чаще всего такая верификация). Сверхзадача «томограммы» – «представить высокопоставленного оппонента в глазах адресата интеллектуально и/или психологически неадекватным.

И всё же все вместе – и собственно модус высказываний, складывающийся в сложные модусные перспективы текста, и приемы лжи, аппликации, трансформации, «томографии» – осуществляется в тексте именно в поле модуса как пред-данной тексту логико-психологической установки на *определенную* коммуникацию. Чаще модуса оценки с логическими операторами «хорошо–плохо», а также нередко персуазивности – «достоверно–недостоверно», модальностей возможности, желательности и необходимости, так или иначе с оценкой связанных и/или с ней коррелирующих (см. наши «минусы» и «плюсы» выше).

В первых из наблюдаемых нами текстов российских СМИ по данной проблематике (февраль – март) модус на пространстве текста еще не складывался в определенную рамку четкой и недвусмысленной оценки, тогда как жесткая рамка в американских и западноевропейских СМИ уже была. Один из главных примеров тому – то, что в западных медиатекстах мейнстрима согласные с новой украинской властью и все ее вооруженные адепты, включая «нацгвардию», нелегально и полулегально вооруженные батальоны типа «Айдара» сразу и до Минских соглашений 5 сентября (и далее) именовались нейтрально и положительно – *Ukrainian people, the Ukrainian army*, а противостоящие им, причем все – и мирное население, и вооруженные люди – однозначно отрицательно и шаблонно – *rebels (новостанцы)*. Отрицательное значение устанавливается и синонимическим рядом с *rioters, insurgents (бунтари, мятежники)*; реже в нашем материале, но встречаются *separatists* и другие лексемы с более выраженным отрицательным значением (например, *terrorists*, в особенности после трагедии с «Боингом»). «Номинативный модус» с отрицательно-оценочным значением – одно из самых сильных рамочных средств выражения модуса оценки на пространстве текста.

В российских СМИ самая сильная отрицательно-оценочная лексема в отношении украинских силовиков – «каратели», по нашим наблюдениям, появилась только после 2 мая, а широко распространилась (включая «Первый канал», особенно долго сопротивлявшийся употреблению этого слова) только в июле – начале августа – самый угрожающий для Новороссии период войны, когда кольцо войск противника сжималось вокруг Донецка и Луганска, самыми ожесточенными были бомбардировки новороссийских городов и сел, а

военспецы и политологи всерьез стали рассматривать сценарии военного поражения Новороссии.

Вообще для российских СМИ какой-то однозначно положительной рамки – модусной, дискурсивной в широком смысле слова, тем более эпистемической, или какой-то еще для Новороссии, Луганской и/или Донецкой народной республики, даже для беженцев, создано не было. Однозначно положительная рамка была создана только для самого первого ключевого для России события вокруг Украины – возвращения Крыма. В нашем материале наиболее сильный пример экспликации оценки внутри этой рамки – статья под названием «Время – звонарь» Анатолия Салуцкого в «Литературной газете», (2014. № 13) в рубрике «Общество», подрубрике «Хорошо» (это, в нашей терминологии, прямой модус-рубриктор): *Возвращение Крыма – это хорошо, очень хорошо, это счастье*. Далее тема Крыма шла по убывающей, поскольку твердая положительная оценка закрывает проблематику. А итоги теме «Крым наш» отнюдь не проправительственная «Новая газета» подвела уже 17 апреля в большом (0,48 п.л.) материале «Вежливые люди в Крыму: как это было» и таким аксиологическим выводом (полужирным шрифтом здесь и далее выделяем формы модусной экспликации): ***Политическое значение этой истории каждый волен оценивать в силу убеждений. Но я считаю удачей для всех, что решающие приказы в Крыму отдавали люди, ценящие чужую жизнь не меньше, чем боевую славу*** (<http://www.novayagazeta.ru/inquests/63246.html>).

Сама Украина как государственный и политический проект сопровождалась в российских СМИ главным образом по линии не оценочного модуса, а персуазивного – с операторами недостоверности, неправды, лжи, симулякровости. Так главным образом накладывалась модусная рамка на диктум «Украина» в начале «информационной войны», в апреле – мае. Затем тот же модус уже накладывался главным образом на диктум «США». ***Что касается этногенеза украинцев, то этот процесс не завершен; В единую общность украинцы так и не сложились*** (Интервью Олега Назарова с Тамарой Гузенковой // ЛГ. 2014. № 13); ср. текстово-рамочный элемент – заголовок: «**Украинцы incognito**»).

Целый реестр модуса персуазивности с операторами недостоверности, неправды, лжи, симулякровости к диктуму «Украина» (власть, правые, идеологи и под.) соберем только с одной третьей полосы «Литературной газеты» № 8 за 2014 г. (из материалов, где подобный модус так или иначе есть и в рамке заголовков – «Бандеровщина», «Руины незалежности», «Комплекс исключительности»): ***К какому «светлому будущему» поведут последователи Бандеры... гадать не надо; Только не надо всерьез говорить о высоких идеалах свободы...; Тут как в старом анекдоте...; Но лишь теперь утверждения, воспринимавшиеся с известной долей скепсиса, приобрели характер бьющей в глаза очевидности*** (по поводу заявленной, но не осуществляемой общественной ответственности радикалов); ***Комментарии излишни***. И т.д.

Насыщен и даже, наверное, перенасыщен подобным модусом, что явно свидетельствует о сложных модусных структурах и предзаданной модусной рамке, возможно, и о дискурсивном поле, один лишь материал с характерным

заголовком «**Над пропастью во лжи**» Олега Неменского (ЛГ. 2014. № 13). Есть подобный модус и в статьях с сюжетным характером композиции (репортажах, реконструкциях пропозиций и под.): **Вряд ли такая «военная хитрость» Киеву поможет** (В шаге от Украины // АиФ. 2014. № 18).

Западные СМИ с самого начала и однозначно задали формулу высокой персуазивности терминов «Украина» и «украинцы» и постепенно свели разговор об этом на нет (закрыли тему, как российские СМИ – тему Крыма). В этом отношении крайне показателен материал одного из самых активных бойцов «информационной войны» – американского ресурса «The Fiscal Times», озаглавленный «12 Things You Didn't Know About Ukraine». Там содержатся такие, например, утверждения: *Люди жили на территории Украины более 44 000 лет. В Средние века регион стал центром восточнославянской культуры; После распада Советского Союза Украина занимает второе место по количеству военных в Европе после России. Она унаследовала эту военную мощь от Советского Союза; В X и XI веках страна была известна как Kyivian Rus (прилагательное близко к фонетике украинского языка. – О.К.) и была первым восточнославянским государством – наиболее мощным государством в Европе в то время; После развала на части в XIII веке за контроль над страной боролись различные державы; В XVII и XVIII веках возникла и процветала казачья республика...* (<http://www.thefiscaltimes.com/Articles/2014/04/27/12-Things-You-Didnt-Know-About-Ukraine>).

Вроде бы вышеприведенный ряд – чуть ли не сугубо фактический, пропозитивный и высокоэпистемический. Но он помещен в модусную (и дискурсивную) рамку «Украина», а не «Древняя Русь» и «Россия». И характерно то, что источниками указаны The (U.K.) Telegraph; Reuters; CNN; Wikipedia, Maps of World. То есть, по сути, здесь указание именно на СМИ-дискурс западного мира (с его критериями истинности и установками).

«Российский пророссийский» медиадискурс задал совсем другой вектор «Украины», с другими координатами истинности: это *...австро-венгерский проект «Украина», с выдумыванием новой истории, а самое главное, с мыслью о том, что они не русские. Рождается термин «Украина-Русь», где значимость понятия «Украина» повысилась и само слово стало восприниматься не только как географический термин, но отчасти и как название этнического пространства. <...> В ходе борьбы украинства с русской идентичностью он стал конкурировать и с официальным и церковным термином Малороссия, вытеснив его окончательно в 1920-х годах в связи с большевистской политикой украинизации. Анна Соболевская* (<http://gblor.ru/blogs/proekt-ukraina-eto-antirossiyakrizi/263664>).

Подобный вектор данного дикурса наиболее жирно прочерчен, четко и громко артикулирован в блогосфере и сетевых изданиях (например, KM.RU: С потерей Крыма проект «Украина» можно считать закрытым – от 06.03.2014; целый ряд материалов в Odnako.org). Есть немало синонимичных высказываний и в традиционных СМИ («Вести недели» телеканала «Россия 1», «ЛГ», «Российская газета» и др.).

Примерно с конца апреля дискурс российских СМИ вводит координаты оценки, истинности, а вслед за ними и модальный модус (необходимости, долженствования и т.д.), которые можно выразить, семантически распро-

странив центральный врез к интервью Евгения Шестакова с Сергеем Карагановым в «Российской газете» от 24 апреля 2014 г.: «В ситуации вокруг Украины Россия отказалась играть по старым западным правилам» (модус: это достоверно и хорошо). Одновременно появляется дискурсивная практика оценивать США как страну, которая навязывает миру игру по правилам сильного, т.е. ее собственным правилам.

Чуть позже – в мае – июне – такие формулы (рамки внешнего политического дискурса) артикулирует в своих интервью глава внешнеполитического ведомства Сергей Лавров (например: Свобода слова – в одни ворота? // АиФ. 2014. № 18); позже – лидер России Владимир Путин (например, телерепортажи «России 24» и других каналов о совещании с членами Совбеза от 03.07.2014).

А прагматико-дискурсивная цель такого вектора дискурса хорошо иллюстрируется отрывком из вышеупомянутого интервью с Сергеем Карагановым. Нам придется процитировать немалый фрагмент, но он ярко показывает, как при помощи эксплицированного (иногда и «нулевого»: см. второе предложение цитаты с полной уверенностью говорящего в своей правоте) модуса расставляются акценты данной дискурсивной рамки.

В ситуации вокруг Украины Россия отказалась играть по старым западным правилам. За ее отказом стоит гораздо более глубокая тенденция: растущая часть мира отказывается играть по старым западным правилам. Мир становится все менее прозападным. И хотя Россия в силу своего характера и смелости открыто бросила Западу вызов, все понимают, что за этой новой Россией стоят новые великие страны, которые хотели бы нашей победы. Поэтому происходящее сегодня – это потенциально очень крупный перелом в отношениях между миром и Западом.

Но нужно понимать и риски. Россия пошла на тяжелую борьбу. Надеюсь, что мы не проиграем. Прекратим через обострение продолжающуюся холодную войну в Европе. И может быть – через годы – подпишем новый договор о Союзе Европы, в который войдут и Россия, и страны ЕС, и Украина (тогда она устоит и не будет разорвана своими противоречиями и внешними силами), и Молдова, и страны Закавказья, и Турция.

Выиграет и мир. У него появится третья опора. Двухопорная система, основанная на оси Китай – США по определению неустойчива. Будет лучше всем – и России, и другой Европе, и всем остальным.

Западный, североатлантический-южнобалтийский СМИ-дискурс тоже предстает в освещении (и форматировании!) событий на Украине-2014 меняющимся. Но иначе чем «российский / пророссийский». Ибо здесь циркулирование смыслов между плоскостями «тексты о политике – сама политика» весьма прагматично и результативно, суть – подлинная медиатизация.

Если российский дискурс менялся в выбранный период наблюдений в своем центре и основном потоке, то западный менялся только на периферии и в малых противоположных или перпендикулярных основному течению (в СМИ и блогосфере, выражающих альтернативное господствующему мнению). При этом «классического» модуса высказывания – вводных слов и словосочетаний, главных членов сложноподчиненных предложений, вводящих авториза-

цию, осторожную персуазивность, модальность + условность (типа «надо бы») и под. во втором случае было больше.

Пик тотального отрицания западным СМИ-дикурсом всей российской политики пришелся на вторую и третью декады июля, т.е. сразу вслед за трагедией с малазийским «Боингом». Только один пример из большого множества. **«Украинские сепаратисты – это путинские террористы?»** – заголовок французского ресурса Stale, автор – Даниэль Верне (<http://inosmi.ru/sngbaltia/20140724/221879366.html>). Далее – лид: *Мятежники, которых считают виновными в крушении самолета Malaysian Airlines, были специально подготовлены Путиным для дестабилизации Украины. Но как они поведут себя, если президент России бросит их на произвол судьбы в попытке вернуть доверие на международной арене?* Подчеркнут диктум с «нулевым» модусом, свидетельствующим, что информация подается как полностью фактическая (а в СМИ еще и проверенная), и только безличный предикат «считают» в модусном придаточном и вопросительный знак в заголовке оставляют возможность для правильной логической интерпретации текста (*их считают, но они таковыми могут и не быть; на любой вопрос – три ответа: «да», «нет», «не знаю»*). То есть оставлено маленькое окно для оппонирования, которым в силу самой дискурсной рамки большинство пренебрегает. В логике западной политической дискурсной рамки заранее ясен ответ Даниэля Верне на второй вопрос: нет, Путин своих мятежников не бросит, чему, разумеется, есть глобальные причины, ибо кризис не украинский, не региональный, а глобальный: *Российский лидер не может полностью бросить сепаратистов, которые сражаются во имя «Новороссии», то есть Восточной Украины. Он вдохновлял их и даже сам занимался формированием отрядов <...> Целью Путина было и остается поддержание хаоса и незащищенности на части украинской территории для ослабления центральной киевской власти и создания помех для принятия Украины в НАТО. В то же самое время он никогда не скрывал, что его стратегическая задача – вернуть России статус великой державы, который был потерян в конце холодной войны с распадом СССР. За последние годы он сделал несколько ощутимых шагов в этом направлении. И далее справедливое утверждение о том, что год назад российскому лидеру ...удался **поистине мастерский ход** с предложением о ликвидации арсенала химического оружия в Сирии, что позволило избежать западных ударов и **укрепить** власть его союзника Башара Асада.* И прочие очень логичные и безэмоциональные вещи. Но обращает на себя внимание то, что модусная дискурсная суперрамка диктует обязательство каждого автора этого дискурсного поля сопровождать каждый главный фактический слой политики, противостоящей политике западной, только одним авторизационным способом – Путин. Что здесь и сделано, несмотря на явную «томограмму» как легко читаемый риторический прием, а главное – на весь комизм предполагаемой ситуации, когда лидер ядерной супердержавы лично формирует, причем на самой Восточной Украине, взводы мятежников.

Полностью «нулевым» модусом авторизации мнения (т.е. отсутствием релятивности) с полным утверждением и развернутой экспликацией зла и мирового греха России в рассматриваемый период отметились практически все наблюдаемые газеты Польши. Например, «Речь Посполита»: *Россия, на-*

следница Советского Союза, **бесцеремонно нарушает** основополагающие принципы международного порядка, которые были закреплены после трех войн: первой, второй и холодной. Она **попирает нормы** Устава ООН, Заключительного акта Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе, Парижской хартии <...> **Такой концентрации лжи и уловок в официальных заявлениях России, а также ненависти и доходящего до смешного лицемерия в ее пропаганде мы не видели с 50-х годов...** (Роман Кузнец, 26.08.2014).

В апреле – мае мы находили материалы, где украинский кризис и сюжеты театра мировой политики с коллизией «Запад – Россия» освещались вне западной дискурсивной рамки, так что были представлены две правды либо даже критика западного политического и медиадискурса **только в газетах периферии Европы** – Греции, Турции и Норвегии, а также Венгрии, в интернет-СМИ США (Bloomberg.com и под.) и устами очень немногочисленной группы политологов-публицистов – Пола Робертса, Стивена Козна, Роберта Перри...

В целом европейские СМИ (кроме прибалтийских, польских и стран – республик экс-СССР) были более взвешенны в оценке событий, чем американские, что неоднократно подчеркивал ресурс «ИноСМИ», например в обзоре последней недели апреля так: «Европейские СМИ несколько менее тенденциозны в освещении ситуации вокруг Украины по сравнению с американскими. Даже ведущие издания Великобритании, обычно следующие в фарватере американского журналистского мейнстрима, позволяли себе достаточно объективную оценку обстановки и подробно излагали выступления министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, а не только главы госдепартамента Джона Керри» (<http://www.inosmi.ru/overview/20140501/219968927.html#ixzz32piYTqQP>).

И наконец, в период контрнаступления войск Новороссии во второй половине августа, в период крупных военных поражений Украины: Иловайского и других «котлов», в которые попали ее армия и батальоны полевых командиров, во время последовавших затем разговоров о перемирии, на наш взгляд, произошло не полное переформатирование политической дискурсивной рамки Запада, но некоторая ее трансформация. Так, американские газеты стали признавать наличие масштабных жертв мирного населения Восточной Украины в этой войне (первой из крупных традиционных газет The Washington Post), чего раньше не было и, наверное, в силу дискурса пика «холодной войны» не могло быть. В первую неделю – начало второй сентября западные СМИ признали, что Украина – важно – и Европа, и США потерпели поражение на театре военных действий в Восточной Украине. Причем не от «сепаратистов», а от «российских сил вторжения» и от Владимира Путина: *Самая важная после окончания холодной войны неделя для европейской безопасности завершилась точно так же, как и началась, – плохо. Российские силы вторжения добиваются на Украине все новых успехов, а США со своими европейскими союзниками почти не предпринимают каких-то значимых действий, чтобы остановить посягательства Владимира Путина на международный порядок* (The Wall Street Journal, 08.09.2014). Подчеркнутая номинация восточного субъекта военных действий (сам выбор формы, т.е. модус

именования), включает в себя и авторизационный и одновременно оценочные смыслы, и сами семантические *ключи* для дальнейших формаций смыслов.

Не оставляет сомнений, что в общем и целом политический дискурс, модусная дискурсная рамка в сентябре в американских СМИ не изменились. Но в некоторых примерах мы стали находить высказывания довольно взвешенные, с эксплицированным персуазивным модусом с самыми традиционными показателями и операторами неполного, ограниченного или возможного знания (вводными словами и выражениями, изъяснительными конструкциями), что говорит нам: данный дискурс начал дрейф в сторону обычного взвешенного интеллектуального **рассуждения**. Например: *Возможно, на Украине Путин сумел мобилизовать российское государство и ценой больших издержек и серьезных угроз для собственного правления переиграть Запад, но это не делает Россию возрождающейся сверхдержавой. По-видимому, повстанцы и российские части сейчас продолжают артобстрел окраин Мариуполя. Это показывает, что Кремль, судя по всему, намерен продолжать наступление или, по крайней мере, не собирается слишком усердно удерживать пророссийские силы от наступления – несмотря на договоренности о перемирии* (Джошуа Яффа, «Мир на условиях Путина» // Foreign Affairs, 07.09.2014).

Оценки событий конца августа – сентября в американских альтернативных медиа, где дискурсивные рамки обычно гибки, наоборот, становятся жесткими, нередко остается только «нулевой» модус как показатель высокой достоверности сообщения: *Президент Украины Петр Порошенко устраивает магическое шоу. Делая вид, что у его страны есть шанс вступить в Евросоюз или НАТО, он надеется скрыть постепенную капитуляцию Киева и Европы перед президентом России Владимиром Путиным* (Бершидский Л., Украина не может скрыть победу Путина // Bloomberg.com. 2014. 27 сент.). Это приводит нас к несколько провокативной мысли о том, что уменьшение политической силы одной стороны – пусть не в дискурсе, а в дискуссии, но которая, безусловно, часть дискурса, – ведет к увеличению стремления к непротиворечивому мнению, уверенному знанию, к подаче своих мыслей как истины другой стороны.

Хотя в целом и по главному вектору СМИ-дискурс Запада как был инициатором горячего дискурса в холодной войне в начале 2014 г., так и остался адептом и такой терминологии, и приближения к таким означающим каких-то адекватных означаемых. Если говорить только о знаках, то термин «холодная война» был более частотным в СМИ Запада, нежели России, весь 2014 г., что продемонстрировал и контентом и пафосом (включая интонацию и физиогномику) введения в свой вопрос на пресс-конференции В. Путина 18 декабря 2014 г. (вопрос прозвучал в 13:58 мск) Джон Симпсон (BBC), заявивший, что все западные страны согласятся с ним в том, что сейчас между ними и Россией идет холодная война.

Итак, если признать верной мысль о разворачивании модуса высказывания не только на пространстве текста, но и на пространстве дискурса, понимая под последним и совокупность текстов, выделяемых по определенным параметрам, и циркулирование смыслов между процессом разворачивания событий и процессом текстового ряда-континуума освещения этих событий

(например, в СМИ), и разворачивание дешифровки (понимания, интерпретации) этого континуума текстов на фоне знаний, представлений и установок адресата, то стоит признать следующее. Модус высказывания, складывающийся в сложные модусные перспективы и структуры в тексте, резонирует с такими смысловыми параметрами дикурсивного поля, как персуазивность (достоверно – недостоверно), оценка (хорошо – плохо), модальности (необходимости, возможности, долженствования и др.) и иными, но не может выйти за пред-данную интенциональную рамку и имеет главной своей функцией (в пределах именно ряда, континуума, совокупности однотемных текстов) запланированную его интерпретацию (модусная рамка политики в узком смысле) в целях осуществления программы действий (модусная рамка политики в широком смысле).

Кратко и очень обобщенно можно говорить о модусе на поле дискурса как о пред-данной тексту логико-психологической установке на *определенную* коммуникацию.

При освещении данных событий лояльными (неважно, принужденно или нет) своим правительствам российскими СМИ и медиа США и Западной Европы наблюдалась картина отнюдь не «информационной войны» как непосредственной пропаганды и контрпропаганды (что, безусловно, наблюдалось в пределах самой Украины), а информационно-речевого давления двух разных медиадискурсов на разные группы адресатов. При этом были различными одни из главных имманентных критериев медиадискурса как парадигмы (инварианта) – критерии (координаты) истинности и оценки.

Стратегия российских СМИ, чаще ставивших на модус персуазивности, при этом выглядит более сильной, чем стратегия западных, поставивших на оценочность. Когда чего-то нет, странно говорить о «плохих и хороших» сторонах этого «нет», в то время как сам вопрос «что такое хорошо и что такое плохо?» всегда выглядит субъективным, условным, с быстро меняющимися ответами.

А если вывести модус на пространство дискурса и понимать *политический* дискурс как не прекращающуюся никогда и нигде «пикировку», «поединок» между властью и оппозицией [14. С. 31], то это позволит посмотреть на новую «холодную (информационную) войну» между Западом и Россией и как на непримиримый **тон** первого субъекта, полагающего, что он есть «вечная мировая власть» в отношении того, кого он полагает «вечной мировой оппозицией без шансов», и наоборот, несогласный с первым **тон** второго субъекта, свои «шансы» не так давно научившийся реалистично просчитывать.

Литература

1. Синельникова Л.Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2014. Вып. 2 (48). С. 95–101.
2. Копытов О.Н. Текстообразующая роль модусных смыслов на фоне сферных различий (на материале современной прозы): дис. ... д-ра филол. наук. В. Новгород, 2014. 477 с.
3. Шмелева Т.В. Текст сквозь призму метафоры тканья // Вопр. стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. С. 68–74.
4. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». 2-е изд. Красноярск: Изд-во КГУ, 1994. 48 с.

5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
6. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
7. Копытов О.Н. О сложных модусных перспективах // Вестн. Моск ун-та. Сер. 9: Филология. 2012. № 5. С. 174–182.
8. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. 177 с. (Дискурсология).
9. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32–43.
10. Политология: энцикл. словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
11. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: Изд-во МИФИ, 2003. 388 с.
12. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
13. Газинская Ю.В. Конструирование политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2014. 24 с.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гносис, 2004. 326 с.

MODUS ON THE DISCOURSE LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE “COLD WAR” OF 2014)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 29–44. DOI: 10.17223/19986645/40/2

Kopytov Oleg N., Far East Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: oleg_kopytov@mail.ru

Keywords: modus, text, discourse, mass media, global policy.

The author develops his concept of modus (like in Charles Bally's works) in this article in such a way that he moves modus on the discourse level. The discourse level, together with the variety of its meanings, is referred to as the sum of texts having similar characteristics as well as meanings circulating in a row of one direction texts and a similar row having the same actions within the reality that is reflected in them.

The author analyzes modus in the discourse aspect using the sharp political contradiction in 2014 (first of all, in mass media) of global political powers – the USA and their allies with Russia; the cause of this contradiction being the change of the power in the Ukraine. Modus is observed in this aspect with the help of the method of monitoring. The material containing approximately 800 mediatexts is devoted mostly to the events in the Ukraine in 2014. The mediatexts are from mass media and blogs for 7 months: from February 1 to September 5, 2014. The article does not involve political relations of the four sides – Russia, Ukraine, the USA and EU. The sphere of their interests is analyzed on the basis of mediatexts and for mediatexts with the aim to find a mechanism of modus “transferring” from an utterance into a text, and further on – into a discourse and its “functioning” in it.

Moduses of concrete categories (in accordance with the classification by T.V. Shmelyova) are implemented in a text by the method of explication of modus meanings followed by the hypotheses about the intentions of the authors of given mediatexts as well as political motivation of the format as a whole that generates given media material. The author introduces the notions “modus field of discourse” and “modus frame of the policy” of the actions that take place in the reality with further reflection in a number of homogenous texts. While determining these notions, the author demonstrates the mechanism of modus actions in the discourse as well as the goal of these actions. The article shows that modus is an organic semantic part of propaganda as well as a device to disguise and default the genuine intentions of the speakers. But in some cases, under certain conditions, modus is the marker of sincerity of the speakers and writers. Briefly, it is possible to talk about modus in discourse as a logical and psychological setting for definite communication preceding the text.

One of the most immanent criteria of mediadiscourse as a paradigm (invariant) are the criteria (coordinates) of genuineness and assessment. Opposing to each other in the “cold war-2014”, sides chose different strategies. The strategy of Russian mass media (and pro-Russian authors and formats) is to make a bet on the persuasiveness modus. Western (and “Russian anti-Russian”) sides make a bet on assessment. The former one is accepted as objectively stronger and, most likely, the winning one.

References

1. Sinel'nikova, L.N. (2014) Information Warfare Ad Infinitum: Ukrainian Way. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (48). pp. 95–101.
2. Kopytov, O.N. (2014) *Tekstoobrazuyushchaya rol' modusnykh smyslov na fone sfernykh razlichiy (na materiale sovremennoy prozy)* [Text-forming role of modus meaning against the background of sphere differences (on the material of modern prose)]. Philology Dr. Diss. Velikiy Novgorod.
3. Shmeleva, T.V. (1998) Tekst skvoz' prizmu metafory tkan'ya [Text through the prism of the metaphor of weaving]. In: Sirotinina, O.B. (ed.) *Voprosy stilistiki* [Issues of stylistics]. Saratov: Saratov State University.
4. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic syntax: text of lectures of the Modern Russian language course]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
5. Bally, Ch. (1955) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Translated from French. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
6. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow: Logos.
7. Kopytov, O.N. (2012) O slozhnykh modusnykh perspektivakh [On complex modus prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 5. pp. 174–182.
8. Diskurs-Pi. (2006) *Sovremennye teorii diskursa: mul'tidistsiplinarnyy analiz* [The modern theory of discourse: a multidisciplinary analysis]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi.
9. Dem'yankov, V.Z. (2002) Politicheskii diskurs kak predmet politicheskoy filologii [Political discourse as the subject of political philology]. In: Gerasimov, V.I. & Il'in, M.V. (eds) *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya* [Political science. Political discourse: history and modern studies]. Vol. 3. Moscow: ISISS RAS. pp. 32–43.
10. Aver'yanov, Yu.I. (ed.) (1993) *Politologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Political Science: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Moscow University of Commerce.
11. Manoylo, A.V. (2003) *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh* [State information policy in special circumstances]. Moscow: MIPhI.
12. Krysin, L.P. (2008) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of foreign words]. Moscow: Eksmo.
13. Gazinskaya, Yu.V. (2014) *Konstruirovaniye politicheskoy real'nosti v russkoyazychnom mediadiskurse Ukrainy* [The construction of political reality in the Russian-language media discourse in Ukraine]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chita.
14. Sheygal, E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnosis.

УДК 811.112.2'28

DOI: 10.17223/19986645/40/3

Л.И. Москалюк

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ШВАНКАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В статье анализируются языковые особенности шванка российских немцев, который остается до настоящего времени одной из форм сохранения их родного немецкого языка и культуры. Шванк представляет собой яркий пример литературы российских немцев, зафиксированной на диалекте. Его характерной чертой является отнесенность к «народному» рассказу со всеми его стилистическими и структурными особенностями. Шванк отражает типичные разговорные и диалектные особенности языка российских немцев на всех языковых уровнях, фонетическом, грамматическом и лексическом.

Ключевые слова: российские немцы, шванк, разговорная речь, островные немецкие говоры.

1. Шванк как фольклорный жанр

Немецкое слово *swanc* обозначало в Средневековье «размашистое движение, размах», «удар, бросок», отсюда возникло новое значение «выхodka, проделка, шутка или рассказ о таковой» [1. С. 220]. В XVI в. это слово распространилось в качестве названия «народной шуточной истории» [2. С. 150].

В соответствии с классификацией долитературных форм произведений А. Жоле относит шванк к простым формам, противопоставляя их формам художественным [3. С. 206]. Немецкие исследователи понимают под шванком комическую историю в народном стиле в стихах или прозе, грубовато-дерзкого содержания, часто переходящего в непристойное, скабрзное. Шванк имеет небольшой объем, он может содержать какое-либо поучение [4. С. 2–3].

Для К. Ранке шванк – это не только один из видов простой формы народного рассказа комического содержания со своими особыми структурными элементами, но и прежде всего форма выражения «...определенного психоментального поведения народа и соответствующей ему творческой силы» [5. С. 7]. Он приходит к выводу, что шванк является одной из основных фольклорных форм, отражающей полемику человека «с миром в нем и вокруг него» [5. С. 8]. Функция шванка состоит в том, чтобы донести до нас мысль «о силе духовной свободы, которая в смехе возвышается над всем человеческим» [6. С. 139].

Комизм в шванке ориентирован на реальность и имеющиеся в ней несоответствия. Недостатки общества и слабости отдельных людей разоблачаются при помощи комического эффекта. Смешным является, прежде всего, противоречие между кажущимся и существующим, которое неожиданным образом проявляется в действиях и поступках людей или в определенных событиях, ситуациях или ценностных ориентирах [7. С. 51–52].

2. Немецкий шванк в России

Жанр шванка воспринимается сегодня в Германии как исторический. Попав на новую почву, в России шванк начал бурно развиваться. О распространности шванков в народной среде свидетельствуют записи начала XX в., сделанные Эммой и Георгом Дингесами. В более позднее время, начиная с 60-х гг. XX в., к этому жанру обращаются российско-немецкие писатели, выходцы из села (Fr. Bolger, D. Busch, Kl. Eck, E. Günther, G. Haffner, W. Hartwig, W. Herdt, J. Kunz, H. Klein, A. Jordan, E. Jost, Fr. Krüger, W. Lochmann, L. Marx, Kl. Obert, A. Saks, E. Spuling и др.).

В России шванк сохраняет основные типологические черты немецкого шванка, бытовавшего на территории Германии, но одновременно приобретает некоторые особенности. Устный прозаический шуточный рассказ, переданный в форме личного воспоминания или рассказа определенного лица, характеризуется традиционным набором сюжетов (высмеивание различных отрицательных качеств человека, которые проявляются в бытовых ситуациях), установкой на достоверность (значение подлинного факта как для рассказчика, так и для слушателя), комическим исходом сюжета, часто содержащим поучение, небольшим объемом. Так как родной язык немцев в России сохранялся прежде всего в сельской местности, где компактно проживало немецкоязычное население, то предметом изображения часто становятся взаимоотношения крестьян и сельского старосты, священника и прихожан, но в шванке российских немцев отсутствуют сюжеты, связанные с изменой супругов, типичные для шванка на территории Германии. Позже тематическую сферу шванка российских немцев определили их жизнь в колхозе и совхозе, отношение к труду, отношение к власти, отношения колхозников и правления, противопоставление сельских жителей и горожан. Все действие шванка представлено через призму восприятия окружающей действительности деревенским жителем или жительницей, являющихся рассказчиками. Для российско-немецкого шванка характерно «перевоспитание» отрицательного героя, это отражается в высказываниях рассказчика в конце текста:

... S hot gholfä. Ich hun jetz immr mei schee truckl Handtuch.

... Von dere Zeit ou trinkt dr Philipp kaa Schnaps mehr.

... Von delemol war s aus bei dene mit ihrer Sauferei.

... vun dem Tag an war s aus mit m Jasch seiner Prahlerei.

Mei Marie saat immer, ich soll mich mit fremde Weibslait net behänge ... Däs war mr dermol n Urok [8].

Короткие комические рассказы отражают народный, национальный взгляд на правила поведения человека в обществе, подвергая критике такие качества, как лень, обжорство, пьянство, скупость, глупость и др. Становясь предметом иронии, человеческие пороки осуждались и таким образом определялись правила повседневного поведения в конкретных бытовых ситуациях.

Комично, прежде всего, содержание шванка. Но наряду с комизмом ситуаций и характеров значительную роль играют и языковые средства, вызывающие смех: оговорки (напр., *Kredit u Dekret*), несоответствие формы и содержания (напр., уважительное обращение к герою, который высмеивается).

3. Ориентация на литературный язык и устную разговорную речь в шванке российских немцев

Основой шванков российско-немецких писателей оставалась и продолжает оставаться устная языковая традиция. Писатели перерабатывают то, что вышло из народных уст, стремятся передать в шванках народную речь. Поэтому в шванке можно наблюдать переход от литературного немецкого языка российских немцев [9; 10. С. 127] к диалекту и наоборот, например в шванке Э. Гюнтера «Die Lösung des Problems»:

литературный язык в речи рассказчика: *Vergangenem Freitagabend ließ der Chef des Dienstleistungsartels „Fischnetzflickerfilzstiefelwalkerbesenbinderei“ Samson Samsonytsh Sauerwienmacher alle seine Stellvertreter und Gehilfen dringend ins Kontor bitten...;*

диалект в речи персонажа: *Gwiss doch, Son Sontsch! Wu soll ich anrsch gwese sei?* [11. С. 80].

В научной литературе постоянно подчеркивается, что в структурном отношении между письменным и устным высказыванием нет четкой границы, а есть постепенные переходы. Так, П. Кох и В. Эстеррайхер связывают «устное» и «письменное» применительно к коммуникативной ситуации с понятиями «близости» и «дистанции» [12. С. 8], указывая на то, что между полярными точками «близости» и «дистанции» имеются переходы, которые отражаются в языковой форме высказывания. Разговорный и письменный язык в большой степени противопоставляются по таким характеристикам, как вариативность и нормированность.

Для речи рассказчика часто характерен нормированный литературный язык. В то же время речь действующих лиц шванка в большой степени вариативна и диалектально окрашена. Доверительные отношения между рассказчиком и слушателем дают возможность и рассказчику также говорить непринужденно и эмоционально. Часто он симулирует спонтанность речи.

Большинство авторов опубликованных шванков или их предки родились и проживали в Поволжье. Они свободно владеют поволжскими немецкими говорами, на которых говорят персонажи их шванков. Типичные черты этих говоров можно проследить на примере анализа текста шванка Э. Гюнтера «Jetzt geht's Uhrje richtig» [11. С. 128–131]¹.

3.1. Фонетические маркеры немецких говоров Поволжья в шванках российских немцев

Там, где в шванках передается диалектная речь, она изобилует фонетическими явлениями, характерными и для разговорной речи. Основными фонетическими маркерами разговорной речи являются прежде всего ассимиляция, редукция, элизия и оговорки.

Так, в шванке Э. Гюнтера «Jetzt geht's Uhrje richtig», в котором рассказчик и его жена в качестве действующих персонажей говорят на диалекте, присутствуют не только диалектные, но и многие фонетические признаки разговорной речи:

¹ Текст шванка приводится в конце статьи. Для удобства анализа абзацы текста шванка пронумерованы.

полная регрессивная ассимиляция /nm/ > /m/, напр.: *in seim Lewe* < *in seinm Lewe* (25)¹,

полная прогрессивная ассимиляция /nd/ и /nt/ > /n/, напр.: *Stun* < *Stund* (7), *hinn'r* < *hintr ihr* (20), *unnr* < *untr* (27),

а также /lt/ и /ld/ > /l/, /rd/ > /r/, напр.: *Schulr* < *Schulter* (14), *aushalle* < *aushalte* (14), *were* < *werde* (21),

частичная прогрессивная ассимиляция /rs/ > /rsch/, напр.: *die Ferschte* < *die Ferste* (19), *mrsch* (11), *erschtns*, *werschte* (12);

апокопа неударного /ə/ в конце слова, напр.: *Katz* (1), *die ganz Nacht* (2, 13), *ich brauch* (19);

синкопа /ə/ в неударных слогах, напр.: *dr Nachtwächtr* (24);

отпадение /t/ после фрикативного согласного, напр.: *is* (19), *jetz* (15);

отпадение /n/ в окончании /-ən/ > /ə/, напр.: *angfange* (2), *ferchte* (19), *die Knoche* (24);

ослабление энклитических гласных /u/ и /i/ > /ə/ в формах глаголов 2-го и 3-го лица единственного числа настоящего времени индикатива, напр.: *bleibste* < *bleibst du* (12), *weckste* < *weckst du* (12), *werschte* < *wirst du* (12), *hotse* < *hat sie* (30);

оговорки в форме ошибочных добавлений звуков, напр.: /d/ в *morchends* (12); /ə/ в *viere* (27).

В языке действующих лиц шванка Э. Гюнтера отражаются типичные фонетические признаки немецких говоров Поволжья [13. С. 189–191]. К ним относятся:

непередвинутый герм. /p/ в начале, в конце слова после согласного, в середине слова в удвоении, напр.: *peif* (6), *Krautkopp* (4), *guschluppt* (19);

спирант /j/ или /γ/ вместо взрывного согласного /g/ между гласными, а также после /r/ и /l/.

Палатальный вариант /j/ появляется после гласных переднего ряда, а также после /r/ и /l/, напр.: *leje* (12), *geche* (18), и переходит в /ç/ в конце слова, напр.: *zimlich* /ç/ (1), *unnrweechs* /ç/ (8). Гуттуральный вариант /γ/, который произносится после гласных заднего и среднего ряда и переходит в /x/ в конце слова, остается в шванках немаркированным, как, например, в *btrouge* (24), *Saitroug* (28) или передается сочетанием *ch*, напр.: *Mittaach* (4), *Aache* (13), *gfroucht* (26). На письме передается исчезновение этого звука перед /t/: *saat* (1);

вместо смычного согласного /b/ соответствующий спирант /v/ между гласными и после плавных, напр.: *rumtreiwe* (1), *Lewe* (25);

звонкие согласные вместо глухих в середине слова между гласными, так /v/ вместо /f/, напр.: *glowe* (7), *vourleiwich* (11);

делабиализованные /i/, /e/, /ei/ вместо лабиализованных передних гласных /ü/, /ö/ и /eu/, напр.: *finf* (16), *zurick* (24), *zwelf* (14), *scheen* (18), *vourleiwich* (11), хотя в речи рассказчика по нормам литературного языка остаются лабиализованные гласные: *plötzlich* (20), *ghört* (32);

¹ В скобках указаны номера соответствующих абзацев анализируемого текста шванка, приведенного в конце статьи.

дифтонг /ou/, развившийся из средневерхненемецких монофтонгов /a/ и /o/, напр.: *vour* (19), *vrshloulfe* (15), *paarmoul* (15), *gefroucht* (26);

долгий монофтонг /a:/, развившийся из средневерхненемецких дифтонгов /ei/ и /ou/, напр.: *drhaam* (9), *zwaam* (5), *waafst* (10), *aamol* (12), *aach* (30), *Aache* (13), *Fraa* (19);

сохранение средненемецкого долгого /u:/ в *uf* (6), (15);

упрощение удвоенных согласных, которые возникают в результате выпадения неударного /ə/: *gange* (11) < *ggange*, *vrspät* (16) < *vrspätt*, *achtgewe* (18) < *achtggewe*. В речи рассказчика они реализуются как удвоенные: *angguckt* (33), *rausgkrawlt* (29) или используются литературные формы без синкопы: *bietet* (11).

Таким образом, графические особенности передачи разговорной речи в шванках российских немцев отражают фонетические признаки, позволяющие выявить общие черты немецких диалектов Поволжья, образовавшихся в результате длительного смешения. Для них характерны прежде всего сохранившиеся наиболее общие признаки западносредненемецких диалектов с гессенской основой [14. S. 72–78].

3.2. Грамматические маркеры говора

В морфологическом и синтаксическом отношении говоры поволжских немцев отличаются большим, чем в фонетическом, единообразием [15. С. 188–199]. Характерной их особенностью является ограничение употребления претерита (простого прошедшего времени). Претерит образует небольшая группа полнозначных глаголов (*koum*, *gung*, *saat*, *wußt*, *braucht*), модальные глаголы, глаголы-связки и вспомогательные глаголы.

Употребление претерита крайне ограничено и в тексте шванка Э. Гюнтера. Лишь один полнозначный глагол используется в форме претерита: *saat* (16), (23). В шванке встречаются претеритальные формы модальных глаголов ((*musst* (18, 30), *konnt* (14, 24), *wollt* (30) и *braucht* (1) в модальном значении), связок и вспомогательных глаголов ((*war* (1, 13, 14, 15, 25), *hatt* (16, 17, 18)).

Поэтому в качестве основной временной формы повествования при передаче событий в прошедшем времени используется перфект:

Daß's bei uns grad wie zwische Hund un Katz gange is, därf mr net bhauptе, aach s Kumradschaftsgricht braucht sich mit uns net rumtreiwe. Awr manchmoul war däs, ufrichtig gsaat, doch zimlich bunt.

К общим диалектным чертам говоров Поволжья, которые отражаются и в анализируемом тексте, относятся также:

устранение преломления корневого гласного во 2-м и 3-м л. ед.ч. презенса индикатива, во 2-м л. ед.ч. императива: *werd* (15), *nemm* (12), *les* (12);

диалектные формы вспомогательных глаголов *hun* (1-е л.ед.ч.) und *sin* (1-е л.ед.ч.), напр.: *hun ich gmerkt* (20), *hun ich gdenkt* (15), ... *ich weggange sin* (28). Литературная форма *bin*: *bin hiegeschliche* (15) появляется в шванке только в речи рассказчика;

использование конструкции *tun* в претерите конъюнктива + инфинитив полнозначного глагола, вытеснившей синтетическую форму претерита конъюнктива полнозначных глаголов (кроме глагола *sein* и модальных глаголов, сохранивших формы претерита конъюнктива), напр.: *täte hänge* (9);

«спряжение» союзов, присоединение глагольного окончания к подчинительному союзу: *Stell dich net dummr wieste bist* (10). Эти формы развились из соединения глагольного окончания *-st* и местоимения-подлежащего *du* в положении после союза, *-ste* вместо *de < du*. Энклитическое местоимение превратилось в личное окончание союза, согласующееся с глагольной формой;

притяжательный датив, используемый вместо вышедшего из употребления в немецких диалектах генитива: *mitzamst dem seinr Uhr* (6);

использование формы номинатива вместо аккузатива у существительных мужского рода, признак, который В.М. Жирмунский называет «рейнский аккузатив» («rheinischer Accusativ») [16. С. 430], напр.:

Wie ich dem alte Mann vrzählt hun, ich wär uf dr Basar («Markt») komme (25), но также ... *komme hie uf den Basar...* (24);

употребление вместо неопределенно-личного местоимения *man* местоимения *mr* 'wir', глагол при этом стоит в предложении в форме 3-го л. ед.ч., напр.: *darf mr* (1);

использование краткой формы прилагательного в функции определения, напр.: *die ganz heilich Nacht* (2), *dei eign Uhr* (6), *die warm Deck* (27). При этом следует отметить, что тексты шванков по сравнению с исследованиями устной диалектной речи [17. С. 67] в меньшей степени отражают разрушение системы форм прилагательного.

Для синтаксиса шванков характерна его разговорная направленность. Это находит отражение в шванке Э. Гюнтера:

в частом использовании эллипсов в прямой речи, способствующих экономии языковых средств:

Wuher [kommt die Annahme] die ganze Nacht? S is doch nouch Ouwend (3).

Du host drhaam dei eign Uhr, die fremde [Uhren] gehe dich nix an! (6).

De Idiot hot die Uhr um a Stunnr viere vourgrickt, [dann hat er] mich scharf fortgschustrt, selbst [ist er] unnr die warm Deck un [hat] gschnorcht wiern Iltis (27);

в плеоназмах:

...dort hängtse, die Uhr! (4); *Wu istr, de Erzschuft?* (21); *Guck hie, du Unvr-schämtr* (4);

в незаконченных предложениях и исправлениях предложений, напр.:

Ich bin jou n starkr Mann un brauch mich vour kaanr Frau ferchte, awr wie is mr halt ... Wie ich s Lisje vun weitm gmerkt hun, is mr doch s Herz in die Ferschte grutscht (19);

начальном положении изменяемой формы глагола в повествовательных предложениях:

Leje ich achzeh Kilometr zurick, komme hie uf den Basar un s is immer noch sackdunkel (24);

в вынесении за рамку второстепенных членов предложения: *wann'r fortgeht Karte spille* (28).

Диалектные морфологические и синтаксические признаки шванков российских немцев передают специфику диалектной речи. В первую очередь они проявляются в особенностях реализации грамматических категорий существительного, прилагательного, глагола и местоимения. В шванке представлены как разговорные черты современного немецкого языка, так и сохранив-

шиеся диалектные формы более ранних исторических этапов развития. В меньшей степени отражены в шванках особенности диалектного синтаксиса, он в основном сохраняет разговорные черты.

3.3. Разговорные и диалектные лексические и стилистические мааркеры

Наряду с диалектной фонетикой и грамматикой в шванке представлена и диалектная лексика. Лексические единицы, принадлежащие всей системе немецкого языка, отличающиеся в каждом говоре фонетическими особенностями, составляют основу словарного состава каждой группы говоров. Но в состав лексико-семантических систем островных говоров входят и лексические единицы, сфера применения которых ограничена исследуемыми говорами. В результате выравнивания многие отличительные признаки материнских диалектов, сохранявшиеся в говорах сел Поволжья, были устранены. В словарном составе этого говора сохранилось значительное число средненемецких, гессенских вариантов немецких слов. Так, в шванке Э. Гюнтера встречаются диалектно маркированные лексические единицы: *die Essigtippe* (28) вместо **Essigtopf*, *Gkrisch* (22) вместо **Geschrei*, *Wäs* (22) вместо **Tant*, *Samstaachouwend* (12) вместо **Sonouwendouwend*, *Stub* (20) вместо **Zimer*.

В лексико-семантические системы российско-немецких говоров входят слова, одно или несколько значений которых являются общими для литературного языка и для говоров, а другое значение обнаруживает отличительные особенности [18. С. 61]. Так, многозначное прилагательное *scharf* (15) имеет общенемецкое значение 'острый', в то время как в тексте шванка оно используется в значении 'быстрый (schnell)', характерном для диалекта.

Прилагательное *flink* (19), сохраняя значение 'проворный, ловкий', используется в тексте шванка также в диалектном значении 'быстрый (schnell)'.

Зафиксированы также случаи, когда лексические единицы, план выражения которых имеет свои соответствия в рассматриваемом говоре, выражают в литературном немецком языке одни понятия, а в говоре другие. Это объясняется тем, что одно из значений лексических единиц литературного языка развивалось в говорах как основное, а основное значение литературной лексики не нашло своего развития в говорах.

Глагол *laawe* (7) вместо **gehe* не употребляется в рассматриваемых диалектах в значении 'бегать (*laufen*)', сохранив значение 'ходить (*gehen*)'.

Прилагательное *sachtig* (15) 'легкий, медленный' сохраняет диалектное значение 'осторожный (*vorsichtig*)'.

Наблюдения над этим типом расхождений показывают, что диалектные лексико-семантические варианты многозначного слова, как правило, возникают на базе основного значения данного слова, являющегося общенемецким или, заимствуя основное значение из литературного немецкого языка, сохраняют значение, устаревшее и неупотребительное в настоящее время в современном литературном немецком языке.

Значительное число слов, имеющих в литературном немецком языке стилистически сниженную окраску, употребляются в рассматриваемых говорах как нейтральные слова, например: *Gkrisch* (22) вместо **Geschrei*, *eindusle* (15) вместо **einschlumre*.

Для текста шванка характерно преобладание лексем, которые выражают динамику и экспрессивность. В анализируемом тексте это, например, такие юмористические сравнения, как:

wie zwische Hund un Katz gange is (1), als wann tolle Hunde hinnr wäre (20), als wannse mich vrschlucke wollt (30), gschnorcht wie n Iltis (27),

метафоры:

dei Fränzje hot jou aach ka Essigtippe odr n Saitroug uf dr Schullr (28); ich hatt däs jou schun kapiert, wu dr Wind herweht (11), die Knoche erwärme (24);

выразительные фразеологизмы, которые содержат преувеличения и грубоватые просторечные выражения:

misst ich mich dumm un stumm stelle (11); kaa Aache zumache (13); is mr doch 's Herz in die Ferschte grutscht (19), was ich im Schild hun(10);

прямые заимствования и кальки из русского и украинского языков, широко распространенные в речи российских немцев [19. С. 230] и часто встречающиеся в шванках:

däs war four mich n Surpries (Überraschung) (13); bin ich schwidke (schnell) unnrm Bett rausgkrawelt (29); Na niuscheli sin ich den Katzesprung drei Stun glowe? (7), sin mr kwitt (29), aach 's Kumradschaftsgricht braucht sich mit uns net rumtreiwe (1), hot däs Spektakl angfange (2);

фамильярные до грубости разговорные выражения:

de Erzschuft (21), de Halunke (24), de Idiot (27), Krautkopp (4) при обозначении головы 'Kopf'.

Российско-немецкие говоры характеризуются значительным разнообразием их лексико-семантической системы, которая является составной частью единой языковой системы немецкого языка, но содержит множество лексических единиц, отличающихся от стандарта и локально ограниченных в своем употреблении. Эти особенности диалектной лексики находят отражение в шванках российских немцев.

4. Заключение

До настоящего времени шванк остается одной из самых популярных и любимых форм народного творчества российских немцев. Немецкие писатели в России, которые очень хорошо знакомы с народным творчеством и языком своего народа, стремятся при обработке народных шванков передать народную речь. Поэтому опубликованные шванки отражают типичные разговорные и диалектные особенности языка российских немцев на всех языковых уровнях, фонетическом, грамматическом и лексическом, которые передаются прежде всего в речи действующих лиц шванка. Речь рассказчика ориентирована в большей степени на литературный немецкий язык.

JETZ GEHT'S UHRJE RICHTIG (E. Günter)

Eine wahre nur etwas komisch gepfefferte Geschichte aus dem Sowchos „Kargatski“, Gebiet Nowosibirsk

1. *Dass's bei uns grad wie zwische Hund un Katz gange is, darf mr net bhaup-te, aach 's Kumradschaftsgricht braucht sich mit uns net rumtreiwe. Awr manch-moul war das, ufrichtich gsaat, doch zimlich bunt.*

2. *Souoft ich vum Kartespill haamkomme bin, hot däs Spektakl angfange: «Wu biste wiedr die ganz heilich Nacht rumgtappt?»*

3. «Wuher die ganz Nacht? 's is doch noch Ouwnd.»
4. «In deem Krautkopp ises vlleicht noch Mittaach?! Guck hie, du Unvr-schämtr, dort hängtse, die Uhr!»
5. «Dou vrstehe ich awr, meinr Seel, nix, Lisje. Beim Tratrsmichl ises erscht elf, bei uns schun zwaa...»
6. «Dir peif ich uf den Tratrsmichl mitzamst dem seinr Uhr. Du host drhaam dei eign Uhr, die fremde gehe dich nix an!»
7. «Na niuscheli sin ich den Katzesprung drei Stun glowe?»
8. «Host vlleicht unnrweechs noch uf a annr Uhr gschilkst?»
9. «Du maanst wohl, die täte an dr Telegrapheposte hänge?»
10. «Stell dich net dummr wieste bist, du waaßt, was ich im Schild hun...»
11. «...Sou is mrsch noch manchn Ouwnd gange. Ich hatt das jou schun ka-piert, wu dr Wind herweht, awr vourleiwich misst ich mich dumm un stumm stelle, bis sich moul 'n passnde Gelegenheit bietet...»
12. Aamoul, 's war Samstaachouwnd, saat mei Lisje: «Heit bleibste drhaam. Ich leje mich jetz gleich, un morchns um vier Uhr weckste mich, dass ich rechtzei-tich uf dr Basar komme. Dou, nimm dr a Buch un les, erschts vrschloufste net un zweitns werschte gscheitr».
13. Ja... das war four mich 'n Surpries – die ganz Nacht ka Aache zumache.
14. Wie's sou ungefähr halb zwelfe war, konnt ich's net meh aushalle, dr Kopp is mr fast vun dr Schullr gfall.
15. 'Wann ich armr Esel jetz eindusle, vrschloufe ich sou gwiss, wie ich dou sitze', hun ich gdenkt, 'dou werd die Welt zu klaa'. Paarmoul hun ich uf das Uhrje gguckt, bin sachtich hiegschliche ... Mit aam Wort: 's war Zeit.
16. «Scharf uf!» saat ich'm Lisje. «Ich hatt' bald vrspät, 's geht schun bissje uf finf».
17. Tripp-trapp – hatt'se ihre Basarsache zammegraumt, un Ufwiedrsehe!
18. ... Wie ich mich sou geche Mittaach scheen ausgschloufe hatt', hun ich mich ans Fenstr gsetzt un achtgewe – sie musst bald komme.
19. Ich bin jou 'n starkr Mann un brauch mich vour kaanr Fraa ferchte, awr wie is mr halt... Wie ich 's Lisje vun weitm gmerkt hun, is mr doch 's Herz in die Ferschte grutscht. Plötzlich hun ich mr vourgestellt, wie die uf mich lousgehe kennt un bin flink unnrsch grouße Bett gschluppt.
20. In die Stub is die grumplt komme, als wann tolle Hunde hinn'r wäre, un gleich hotse lousgfeiert:
21. «Wu istr, de Erzschuft? Dr Kopp misst'm heit runnrgtrete were!»
22. Uf däs Gkrisch is die Lutzwäs, unsr Nochbrschfraa, beigrennt komme.
23. «Was is'n gpassiert, Lisje?» hot die sich intrressiert.
24. «Jetz denkt eich moul, wie de nixnutziche Halunk mich btrouge hot! Leje ich achtzeh Kilometr zurick, komme hie uf den Basar, un 's is immr noch sack-dunkl. Gut noch, dass mich dr Nachtwächtr gmerkt hot un ich mr am Blechöffe die Knoche erwärme konnt.
25. Wie ich dem alte Mann vrzählt hun, ich war uf dr Basar komme, wollt'r sich kripplich lache. Er saat, sou vrrickte Mensche, die wu schun um drei Uhr nachts uf dr Basar komme, hatt'r in seim ganze Lewe noch net gsiehe. Dou bin ich erscht drhinnrkomme, warum ich um vier Uhr vun drhaam weggange sin un um drei schun dort war».

26. «Aw, wie is da's zu vrstehe, Lisje?» hot die Lutzwäs listich gfroucht.
27. «Ganz einfach. De Idiot hot die Uhr um a Stunnr viere vourgrickt, mich scharffortgschustrt, selbst unnr die warm Deck un gschnorcht wie'n Iltis».
28. «Siehste, Lisje», saat die Lutzwäs, «dei Franzje hot jou aach ka Essichttippe odr 'n Saitroug uf dr Schullr sitze... Du maanst wohl, de hatt's noch net gmerkt, dass du die Uhr vourrickst, wann'r fortgeht Karte spille?»
29. Wie ich däs ghört hun, bin ich schwidke unnr'm Bett rausgkrawlt un saat: «Demnouch sin mr jetz kwitt, Lisje!»
30. Erscht hotse mich angguckt, als wannse mich vrschlucke wollt. Aber die Lutzwäs hot sou glacht, dass allmählich aach mei Lisje beistimme musst.
31. Vun dere Zeit an geht unsr Uhrje richtich.

Литература

1. *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1965.
2. *Bausinger H.* Formen der „Volkspoesie“. Berlin: E. Schmidt, 1980.
3. *Jolles A.* Einfache Formen. Halle: M. Niemeyer, 1956.
4. *Strassner E.* Schwank. Stuttgart: Metzler, 1968.
5. *Ranke K.* Einfache Formen // Internationaler Kongreß der Volkserzählforschung in Kiel und Kopenhagen (1959). Vorträge und Referate. Berlin: de Gruyter, 1961. S. 1–11.
6. *Neumann S.* Volkspoesie mit komischem Inhalt // *Fabula. Zeitschrift für Erzählforschung.* Berlin: de Gruyter. 9. Band. 1967. S. 137–148.
7. *Neumann S.* Schwank und Witz als Medien sozialer Aussage // *Volksleben und Volkskultur in Vergangenheit und Gegenwart: Befunde und Probleme im internationalen Bereich.* Bern; Berlin; Frankfurt a.M.; New York; Paris; Wien: Lang, 1993. S. 49–65.
8. *Vetter Gottlieb* liebt die Wahrheit. Schwänke. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.
9. *Москалюк Л.И.* Место литературного немецкого языка в системе языковых форм немецкого национального меньшинства // *Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2.* 2003. Вып. 1. С. 47–52.
10. *Бахмутова И.А.* Лингвистические и социолингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-мennonитов Омской области // *Вопр. языкознания.* 2012. № 3. С. 122–144.
11. *Günter E.* Gedichte und Schwänke. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.
12. *Koch P., Oesterreicher W.* Gesprochene Sprache in der Romanik: Französisch, Italienisch, Spanisch. (Romanische Arbeitshefte 31). Tübingen: M. Niemeyer, 1990.
13. *Москалюк Л.И., Москалюк Г.С.* Современное состояние немецких говоров Поволжья на Алтае // *Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9.* 2014. Вып. 1. С. 187–203.
14. *Friebertshäuser H.* Das hessische Dialektbuch. München: Beck, 1987.
15. *Москалюк Л.И., Трубакина Н.В.* Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Ч. 2. Барнаул: АлтГПА, 2011.
16. *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
17. *Смоля М.С.* Вариативность грамматических форм имени прилагательного в Михайловском островном немецком говоре // *Мир науки, культуры, образования.* Горно-Алтайск, 2011. № 1. С. 64–67.
18. *Москвина Т.Н.* Изучение диалектной лексики в русле исторической семантики // *Филология и человек.* Барнаул, 2010. № 3. С. 58–66.
19. *Вахрушева Н.А.* Фразеотематическое поле Ohr в верхненемецких говорах на Алтае // *Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та.* 2008. № 4. С. 224–231.

REFLECTION OF FEATURES OF COLLOQUIAL SPEECH IN THE SHVANK OF RUSSIAN GERMANS

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 45–56. DOI: 10.17223/19986645/40/3

Moskalyuk Larisa I., Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

Keywords: Russian Germans, shvank, colloquial speech, island German dialects.

One of the forms of preservation of the native language and culture of Russian Germans are works of folk art. Significant among the extant folk materials are shvanks of Russian Germans, which in the processed state were published by Russian-German writers. By the shvank German and Russian researchers mean a satirical story having a small volume. A characteristic feature of the shvank is its attribution to a "people" story with all its stylistic and structural features. German writers in Russia who are well familiar with the folk art and the language of their people seek to pass the national language in the processing of folk shvanks. The majority of authors who published shvanks, or their ancestors, were born and lived in the Volga region. They are fluent in the Volga German dialects spoken by the characters from their shvanks.

Shvanks transmit dialectal speech, replete with phonetic phenomena characteristic of spoken language. The main phonetic markers of conversational speech are assimilation, reduction and elision of reservation. At the same time, the graphical features of the transfer of spoken language in shvanks of Russian Germans reflect dialectal and phonetic features which allow identifying common features of German dialects of the Volga region, formed as a result of a long mixture. Their characteristic preserved the most common signs of West-Middle-German dialects with the Hessian base.

Dialectal morphological and syntactic features of Russian Germans' shvanks convey the specifics of dialectal speech. First of all, they are manifested in the peculiarities of the realization of grammatical categories of nouns, adjectives, verbs and pronouns. Shvanks present conversational features of the modern German language and preserve the dialect form of earlier historical stages of development. To a lesser extent shvanks reflect dialect syntax; it basically retains a colloquial character.

Along with dialect phonetics and grammar, shvanks present dialect vocabulary. Analysis of the texts showed that this dialect has preserved mostly West-Middle-German features. The vocabulary of this dialect has preserved a considerable number of Middle-German, Hessian variants of German words.

Published shvanks reflect typical conversational and dialectal peculiarities of the language of Russian Germans at all linguistic levels: phonetic, grammatical and lexical. These features are due to the oral nature of the existence of the national language, the isolation from the original language of the team and the long period of interaction with dialects of the Russian language, which led to the alignment of dialectal systems, the preservation of old forms, to a large number of borrowings from Russian.

References

1. Lexer, M. (1965) *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch* [Middle High German Pocket Dictionary]. Leipzig: S. Hirzel Verlag.
2. Bausinger, H. (1980) *Formen der "Volkspoesie"* [Forms of "popular poetry"]. Berlin: E. Schmidt.
3. Jolles, A. (1956) *Einfache Formen* [Simple forms]. Halle: M. Niemeyer.
4. Strassner, E. (1968) *Schwank* [Shvank]. Stuttgart: Metzler.
5. Ranke, K. (1961) *Einfache Formen* [Simple forms]. *Internationaler Kongreß der Volkszählforschung in Kiel und Kopenhagen (1959). Vorträge und Referate* [International Congress of folk narrative researchers in Kiel and Copenhagen (1959). Lectures and presentations]. Berlin: de Gruyter. pp. 1–11.
6. Neumann, S. (1967) *Volksprosa mit komischem Inhalt* [People's prose with comic content]. *Fabula*. 9. pp. 137–148.
7. Neumann, S. (1993) *Schwank und Witz als Medien sozialer Aussage* [Schwank and wit as media social statement]. In: *Volksleben und Volkskultur in Vergangenheit und Gegenwart: Befunde und Probleme im internationalen Bereich* [Folk life and folk culture in the past and present findings and problems in the international arena]. Bern/Berlin/Frankfurt a.M./New York/Paris/ Wien: Lang.
8. Kasachstan. (1988) *Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit* [Cousin Gottlieb loves truth. Shvanks]. Schwänke. Alma-Ata: Kasachstan.
9. Moskal'yuk, L.I. (2003) Mesto literaturnogo nemetskogo yazyka v sisteme yazykovykh form nemetskogo natsional'nogo men'shinstva [Place of the literary German language in the system of linguistic forms of the German national minority]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2 – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 2. History*. 1. pp. 47–52
10. Bakmutova, I.A. (2012) *Lingvisticheskie i sotsiolingvisticheskie osobennosti literaturnogo nemetskogo yazyka rossiyskikh nemtsev-mennonitov Omskoy oblasti* [Linguistic and sociolinguistic

features of the literary German of Russian German-Mennonites of Omsk Oblast]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 122–144.

11. Günter, E. (1988) *Gedichte und Schwänke* [Poems and shvanks]. Alma-Ata: Kasachstan.

12. Koch, P. & Oesterreicher, W. (1990) *Gesprochene Sprache in der Romanik: Französisch, Italienisch, Spanisch. (Romanische Arbeitshefte 31)* [Spoken language in the Romanesque: French, Italian, Spanish. (Romanesque workbooks 31)]. Tübingen: M. Niemeyer.

13. Moskalyuk, L.I. & Moskalyuk, G.S. (2014) Modern state of the Volga Germans' dialects in the Altai region. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9 – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology, Asian Studies, Journalism*. 1. pp. 187–203. (In Russian).

14. Friebertshäuser, H. (1987) *Das hessische Dialektbuch* [The Hessian dialect book]. München: Beck.

15. Moskalyuk, L.I. & Trubavina, N.V. (2011) *Lingvisticheskiy atlas nemetskikh dialektov na Altae* [Linguistic Atlas of German dialects in the Altai]. Pt. 2. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy.

16. Zhirmunskiy, V.M. (1956) *Nemetskaya dialektologiya* [German dialectology]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

17. Smolya, M.S. (2011) Variativnost' grammaticeskikh form imeni prilagatel'nogo v Mikhaylovskom ostrovnom nemetskom govore [Variability of grammatical forms of the adjective in the Mikhailovo island German dialect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*. 1. pp. 64–67.

18. Moskvina, T.N. (2010) Izuchenie dialektnoy leksiki v rusle istoricheskoy semantiki [The study of dialect vocabulary in line with the historical semantics]. *Filologiya i chelovek – The Philology and a Person Academic Journal*. 3. pp. 58–66.

19. Vakhrusheva, N.A. (2008) Frazеotematicheskoe pole Ohr v verkhnenemetskikh govorakh na Altae [Phraseological and thematic field Ohr in the High German dialects of the Alta]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 4. pp. 224–231.

УДК 81'366.587

DOI: 10.17223/19986645/40/4

Е.Э. Пчелинцева

ТИП ПЕРФЕКТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ И НОМИНАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ¹

В статье рассматриваются проблемные вопросы типологии глагольной перфективной семантики, проанализированы различные классификации ее содержательных вариантов, исследуется влияние типа предела глагольного действия на продуктивность глаголов по отношению к именам действия по материалам словарей и корпусов русского, украинского и польского языков. Установлено, что номинализацию глаголов в этих языках ограничивает наличие в их семантике количественно-временного типа предела.

Ключевые слова: *отглагольное имя действия, аспектуальная семантика, количественно-временной предел действия.*

Одним из краеугольных камней современной аспектологии является определение семантического инварианта глагольного вида. Больше всего споров вызывает вопрос об инварианте совершенного вида (перфектива) как маркированного члена видовой оппозиции: его поиски продолжают несколько десятилетий, предложено множество определений («целостность», «взгляд на ситуацию извне», «смена ситуаций», «секвентность», «изменение», «единичность (однократность) обозначаемой ситуации», «история» фрагмента мира, «целостность», «ограничение действия пределом» и др.

Все, что мы знаем сегодня о различиях в семантике форм перфектива в разных языках, о заметных расхождениях его содержательных проявлений даже в пределах одного языка, свидетельствует о том, что в основе перфективности, скорее всего, нет единого универсального семантического признака. В то же время в аспектологии широко известно авторитетное мнение Ю.С. Маслова о том, что семантической основой противопоставления форм совершенного и несовершенного видов в русском и других славянских языках «является противопоставление достигнутой : недостигнутость внутреннего предела глагольного действия» [1. С. 33]. По В.В. Виноградову, «основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса, на его пределе» [2. С. 394]. В соответствии с позицией авторов «Русской грамматики» (1980) предел действия определяется как категориальное значение совершенного вида, как некая критическая точка, «по достижении которой действие, исчерпав себя, прекращается» [3. Т. 1. С. 583]².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

² Не все исследователи единодушны в признании предела в качестве инвариантного признака СВ. В частности, В.В. Гуревич, рассматривая пример «Он уже пришел – Он уже приходил», делает

Противоречие снимается идеей, лучше всего сформулированной в работе Е.В. Петрухиной: «Существующие в аспектологии определения категориальной семантики совершенного вида ('достижение предела', 'завершенность', 'результат', 'смена ситуации', 'возникновение новой ситуации', 'начало новой ситуации', 'целостность') отражают разную интерпретацию одного концепта, имеющего для русского вида категориальный статус, – концепта предела как временной границы действия» [6].

В ленинградской аспектологической школе Ю.С. Маслова этот подход развивался последовательно: в разных языках существует множество аспектуальных оппозиций, различающихся формально и семантически, соответственно, и семантическая сфера аспектуальности не является однородной [7]. В типологических работах неоднократно поднимался вопрос о существовании различных содержательных типов предела действия: обобщая типологические особенности результативных конструкций в разных языках, В.П. Недалков и С.Е. Яхонтов указывают на 3 типа предела действия: переход из одного состояния в новое состояние или приобретение качества (*сесть, забыть, созреть*), соответствующие каузативы (*посадить, повалить, сломать*), а также целенаправленное действие, которое не может далее продолжаться после того, как цель достигнута (*сварить*) [8. С. 6–7]. В.А. Плунгян, исследуя семантику перфективности в типологическом ракурсе, выделяет три возможных семантических признака: мгновенность / краткость (пунктивность), достижение естественного предела (комплетивность) и вложенность в более протяженный временной интервал (у В.А. Плунгяна – лимитативность). Пунктивная перфективность указывает на очень малую протяженность (краткость) или почти полное отсутствие длительности (как в *стукнуть, курнуть*). Комплетивность также обозначает событие, но такое, которое всегда является частью, определенной критической точкой в составе другой длительной ситуации. Это может быть момент завершения (как в *построить*) или начала ситуации (как в *зацвести*). По мнению В.А. Плунгяна, этот второй семантический тип является главным в славянских языках. Третий тип («лимитативность») базируется на семантическом признаке вложенности в более протяженный интервал. Существенно для него само наличие временных границ ситуации (как в *посидеть, прогулять (весь день)*), а не ее аспектуальная характеристика, как в первых двух типах. Важно то, что в язы-

вывод, что оба действия несомненно достигают «внутреннего предела», а следовательно, этот признак не может быть различительным: это только частное значение СВ. В качестве инвариантного значения СВ он предлагает признак *секвентность*, т.е. свойство выражать связь «с предыдущим и последующим действием (моментом времени)» [4. С. 74]. Внутренняя неоднородность признака предела стала причиной дальнейших поисков семантической основы видовых оппозиций. О неудачности выбора этого признака для описания аспектуальной системы пишет М. Гиро-Вебер: «...сам термин «предел» становится при этом двусмысленным: имеется ли в виду та критическая точка, к которой естественно направлены некоторые действия и которая завершает их протекание во времени, или внешняя граница, не имеющая ничего общего с типом действия или состояния?». Исследовательница предлагает в качестве альтернативного варианта признак «изменение», но, что симптоматично, определяет его снова через понятие предела: изменение – семантический признак глагольной ситуации, который «обозначает некую модификацию, касающуюся субъекта или объекта действия, вызванную достижением предела действия (разрядка наша. – Е.П.) и, следовательно, его завершением» [5. С. 103–105].

ках обычно представлены в разных пропорциях все три типа перфективности [9. С. 375–378].

В.Г. Гак, анализируя семантику и средства выражения завершенности в русском и французском языках, указывает на дифференциацию значений перфективности. Он отмечает, что в разных языках завершенность может реализоваться в разных семантических вариантах, и предлагает следующие значения внутри этого общего понятия: а) исчерпано время, отведенное на данное действие (*поработать часок*); б) достигнута цель действия (*решить задачу*), в) исчерпан сам предмет (*истребить дичь*). Сравнивая соответствующие грамматические средства (формы глагольного вида в русском и французские глагольные формы *passé simple* и *passé composé*), исследователь замечает, что в русском языке выражается прежде всего «идея внутренней завершенности действия, достижения искомого результата», а во французском «понятие о внешней его завершенности... ограниченности времени, отведенного на его существование» [10. С. 52–53].

Для неблизкородственных языков такое положение дел, в общем, представляется вполне естественным. Но выясняется, что аспектальная семантика может различаться даже внутри славянских языков и что вид – как специфическая славянская глагольная категория – и на славянском языковом пространстве семантически неоднороден. Одно из первых наблюдений по этому поводу принадлежит С. Иванчеву. В 1961 г. он писал о заметных различиях в семантике и функционировании глагольного вида в западно- и восточнославянских языках. В частности, по его наблюдениям, в западнославянских языках (чешском, реже – в польском и словацком) имперфективы могут выражать последовательности действий, для чего в восточнославянских языках обычно используются перфективные глаголы [11].

О несовпадении перфективных значений в славянских языках идет речь во многих работах А. Барентсена (см., например: [12, 13]). По его мнению, предельность в широком понимании – это «включение представления об определенных пределах – разграничивающих точках – в само понятие действия». Говоря о разных типах предельности, он подчеркивает важность таких факторов, как дуративный или моментальный характер исходной / результирующей ситуации, а также самого действия [12. С. 47]. Различие между разными типами предельности заключается «в степени “растяжимости” ситуации»: 1) действие может допускать представление некоторой длительности развития, постоянного накопления каких-то качеств; по достижении конечного предела действие прекращается и наступает новое состояние; 2) продолжительное действие по достижении предела продолжает развиваться, момент предела связан не с качественными, а с количественными изменениями. Момент «воспринимается как граница только потому, что для такого сравнения нужно в этот момент “остановиться”» (*из бочки уже вытекло пол-литра вина...*); 3) действие не обладает «признаками растяжимости во времени и внутреннего развития, <...> глагол СВ воспринимается как обозначение “скачкообразного” перехода» (*очутился*) [13. С. 5–9]. Эта мысль доказывается и в работах итальянской исследовательницы Р. Бенаккьо: изучая употребление глагольного вида в императиве в современных славянских языках, она обнаруживает регулярную экспансию СВ и сужение сферы НСВ в славянских

языках с востока на запад для выражения вежливости, особенно для выражения многократного (и узуального) значения. Это происходит за счет «сокращения употребления НСВ в южно- и западнославянских языках по сравнению с языками восточнославянской группы <...>. Экспансия СВ получила максимальное развитие в словенском и серболужицком языках, по всей вероятности, в силу тесных контактов с немецким «безвидовым» языком». Причины этого явления исследовательница видит в грамматической эволюции системы глагольного вида в восточнославянских языках [14. С. 181–183].

Е.В. Петрухина пишет о различии в употреблении глаголов СВ при обозначении узуальных повторяющихся действий в чешском и русском языках: сфера употребления СВ в чешском оказывается значительно шире и не связана с контекстуальными ограничениями, типичными для русского языка [15. С. 57–60]. В более поздней работе она говорит о том, что в русском языке важна идея границы, а в других славянских языках – точечность, квантовость действия. По ее наблюдениям, при обозначении событийных и процессуальных явлений для носителей русского языка особо значимой является категория темпоральной границы, которая репрезентируется в видовых формах, способах глагольного действия, лексическими средствами и т.д. Это подтверждается, в частности, тем, что в русском языке много глаголов тех способов действия, которые эксплицитно выражают темпоральную границу действия [16].

Н.Ю. Шведова разграничивает внутренний предел глагольного действия, характерный для глаголов с предельной основой, и временной предел. Внутренний предел действия определяется как некая критическая точка, к которой стремится действие, по достижении этой точки действие прекращается, исчерпав себя. Этим признаком могут обладать только предельные глаголы (достижение этого предела или стремление к его достижению). Временной предел характеризует непарные глаголы совершенного вида, действие которых ограничено только внешними временными рамками (начало действия (*запеть*), окончание действия (*отговорить*), временной отрезок его протекания (*полежать*), ограничение действия одним актом его совершения (*прыгнуть*)), и выражается с помощью аффиксов, которые присоединяются к не-предельной основе [3].

А.В. Бондарко, описывая особенности предельности, выделяет два типа этой категории: тендентивный и нетендентивный. Тендентивная предельность связана с внутренним пределом – направленностью действия к «реальному достижению того и только того предела, на который направлено действие («естественного результата», процесс с «одной степенью свободы», по А.А. Холодовичу)» [17. С. 200]. Внутренний предел (тендентивная предельность) может быть потенциальным и реальным, эксплицитным и имплицитным, абсолютным и относительным. Кроме того, А.В. Бондарко говорит о контролируемой и неконтролируемой тендентивной предельности, а в сфере контролируемой предельности могут быть выделены конативный и неконативный ее варианты. Нетендентивная предельность обусловлена внешними по отношению к действию факторами, когда «фиксируется предел, не предполагающий в качестве предпосылки направленность на его достижение»; такая предельность «связана со «скачком в новое» при отсутствии какого-

либо указания на ведущий к этому процесс». Нетендентивная предельность менее характеризованна, в сфере предельности она занимает периферийное положение, а ее результат – грамматическое значение «формального» характера. Временной предел характеризует непарные глаголы совершенного вида, действие которых ограничено только внешними временными рамками: начало действия (*запеть*), окончание действия (*отговорить*), временной отрезок его протекания (*полежать*), ограничение действия одним актом его совершения (*прыгнуть*) [17. С. 197–203].

М.А. Шелякин, анализируя семантику перфективных глаголов русского языка, выделяет три семантических типа предела глагольного действия: результативный (достижение естественного результата, обусловленного природой самого действия, например: *переходить* – *перейти*), одноактный (действие совершается «в один прием», «одним движением», например: *булькнуть*, *вздрогнуть*) и количественно-временной (действие ограничено определенной внешней, временной границей, например: *посидеть*, *закричать*, *продудеть*) [18]. Ученый различает два типа: результативно-целевую направленность действия и количественный (временной, интенсивный) предел [18. С. 161]. Эта классификация коррелирует с изложенными выше типологическими разновидностями семантики перфективности в разноструктурных языках, сформулированными В.А. Плунгяном.

Все эти идеи дают возможность по-новому подойти не только к определению сущности инварианта славянского глагольного вида, но и к решению проблемы славянского отглагольного имени. Дело в том, что восточно- и западнославянские языки различаются не только аспектуальными функционально-семантическими свойствами глаголов, но и заметно разным количеством, а также функциональными возможностями отглагольных имен действия, таких как *повторение*, *изучение* и т.п. В частности, в русском языке, по результатам нашей сплошной выборки из [19], их насчитывается около 5 500 единиц, в украинском – около 8 000, а в польском – более 12 500, причем без учета залоговых форм. Например, приведенному выше русскому отглагольному имени действия *повторение* соответствуют в украинском языке две формы, различающиеся по видовым свойствам: *повторення* / *повторювання*, а в польском – четыре (кроме видовой дифференциации есть еще и залоговая): *powtórzenie* / *powtórzenie się* / *powtarzanie* / *powtarzanie się*. На первый взгляд эти факты могут показаться никак не связанными между собой, но проведенный нами сплошной анализ продуктивности глаголов определенных семантических групп по отношению к именам действия в русском, украинском и польском языках показывает четкую зависимость между определенным типом предела действия, выражаемого глаголом, и способностью этого глагола номинализироваться. Мы считаем, что есть связь между доминирующим в языке содержательным типом предела и определенными «предпочтениями» в выборе средств для выражения значения действия. Причина запрета на номинализацию ряда глаголов заключается не в перфективности глагольной формы как таковой, а в типе выражаемого ею предела: результативном, одноактном или количественно-временном. Этот фактор, с одной стороны, влияет на продуктивность глаголов разных семантических групп по отношению к именам действия внутри одного языка, а с другой – определяет

некоторые межъязыковые различия. Рассмотрим это на конкретных языковых фактах.

Результативный тип предела действия реализуется в русских глаголах специально-результативных способов действия. Эти глаголы называют действие, направленное на достижение результата, который соответствует их качественной природе и является для них пределом. Как показывает количественный анализ продуктивности глаголов специально-результативных способов действия по отношению к именам действия¹, никаких жестких семантических ограничений в данном случае нет. Например, от 225 «репродуктивных» глаголов образовано 167 имен действия (как *переписывание, перебелка*). Абсолютное большинство глаголов других специально-результативных способов действия (комплетивно-партитивного, отделительно-партитивного, чрезмерно-нормативного, недостаточно-нормативного, результативно-аннулирующего и т.п.) имеют соотносительные именные образования (*подкармливание, откручивание, выбеливание, отформовка, подсыпание, докармливание, переедание, недосыпание, дезорганизация* и т.д.). Иными словами, семантический признак результативного предела действия является релевантным для именной формы выражения действия и легко транспонируется в девербативы.

Другой содержательный тип предела – одноактный – эксплицитно выражается в глаголах одноактного способа действия (и образованных от них девербативах), которые обозначают одну микроситуацию по отношению к множеству повторяющихся таких же ситуаций (*глотать* → *глотание, глотнуть* → *глоток*). Одноактный тип предела действия семантически не препятствует образованию имен от глаголов, содержащих этот признак: от 200 одноактных глаголов в русском языке образовано около 50 имен действия. Небольшое количество одноактных имен действия в русском языке можно объяснить причинами стилистического порядка. Дело в том, что большой процент одноактных глаголов имеет в своей структуре дополнительное эмоционально-экспрессивное значение и стилистическую окраску разговорности или просторечия, а русское отглагольное имя действия, напротив, характеризуется склонностью к книжности. Возможно, именно это противоречие является основным фактором, препятствующим более широкому образованию одноактных имен действия. Этот разряд девербативов любопытен еще и тем, что словообразовательный именной суффикс (-ок) аспектуально маркирует действие, причем совершенно однозначно (слова *зевок, кивок* или *хлопок* в форме единственного числа не могут обозначать кратные действия), и такие одноактные девербативы иногда образуются даже от глаголов, не имеющих одноактной формы: *звонить* – *звон* – *звонок*; *грести* – *гребля* – *гребок*.

Третий тип предела – количественно-временной – указывает на временную границу действия: границу его начала или конца, определенную длительность, крайнюю границу интенсивности или повторяемости [18. С. 163]. К наиболее продуктивным, эксплицитно выражающим семантику количественно-временного предела действия, относятся делимитативные глаголы.

¹ Материал исследования – сплошная выборка отглагольных имен действия и глаголов определенных способов действия из [19].

Делимитативное (ограничительное) значение характеризует проявление действия в недлительные ограниченные промежутки времени. К нему относятся одновидовые глаголы с префиксами *по-*, *про-*, *при-*, *вз-*, *пере-*. Сплошной анализ словообразовательных возможностей более чем 300 делимитативных русских глаголов с префиксом *по-* (*позубрить*, *покипеть* и т.п.) показал, что отглагольные имена от них не образуются. Исключения составляют несколько имен типа *посиделки*, *постой*, которые не могут претендовать на глагольное значение делимитативности (*посиделки* ≠ *посидеть*), поскольку это имена целых ситуаций, в семантической структуре которых отсутствует акцент на временных границах и, соответственно, отсутствует значение количественно-временного предела действия. Если же глагол содержит в своей структуре результативное значение (таких глаголов с *по-* в нашей картотеке 40), то имя действия обычно образуется, но только от результативного ЛСВ: *погашение*, *погром*, *погрузка*, *порез*, *порезка*, *построение* и т. д. Проверка употребительности подобных имен по Национальному корпусу русского языка [20] дала отрицательный результат.

Чтобы проверить предположение, что эксплицитно выраженный количественно-временной предел действия препятствует номинализации глагола, мы проанализировали соответствующие глаголы и образованные от них дeverбативы в украинском и польском языках. Поскольку в этих языках имена действия являются гораздо более продуктивным классом, чем в русском, и образуются от подавляющего большинства глаголов, для настоящего исследования были выбраны именно те глагольные группы, которые, согласно изложенной выше гипотезе, не должны мотивировать имена действия. В данном случае объектом анализа стали делимитативные глаголы.

Модель с префиксом *по-* и делимитативным значением в украинском языке является очень продуктивной, в разговорной речи делимитативы можно образовать практически от любого глагола. В результате сплошной словарной выборки из академического словаря украинского языка [21. Т. 6, 7] мы обнаружили 515 соответствующих глагольных лексем (типа *посмакувати* 'поесть что-то вкусное'¹, *побавити* 'поразвлекать, позабавить', *пограти* 'поиграть', *полежати* 'полежать') и всего 10 производных от них имен действия (*погуляння* 'гулянка, гуляние, прогулка', *побігеньки* 'побегушки', *побрехеньки* 'побасенки, анекдоты', *побрідки* 'бродяжничество', *пошум* 'несильный шум', *посиденьки* 'посиделки', *покрик* 'резкий вскрик, призыв' и др.). Так же, как и в случае с русским *посиделки*, эти имена действия не наследуют от глагола значение временного предела и, соответственно, не выражают этой семантики в речи.

Проверка употребительности таких имен действия в делимитативном значении по данным корпуса текстов украинского языка [22] дала отрицательный результат: ни в одном из употреблений такое имя действия не выражает временной границы действия. Типичные примеры употребления в узуальном (1) и в событийном значениях (2):

¹ Здесь и далее перевод с украинского и польского языков – наш.

(1) *Нічні **посиденьки** з друзями у соцмережах, пізнє вставання і пристрасть до нездорової їжі доведеться відкласти* (О. Білик «Дзеркало тижня» 2015) – ‘Ночные **посиделки** с друзьями в соцсетях, поздние вставания и страсть к нездоровой пище придется отложить’.

(2) *На урочистих **посиденьках** виступив президент і ошелешив усіх заявою, що 12 років – це віха* (Л. Костенко. Записки українського самашедшого) – ‘На торжественных **посиделках** выступил президент и ошарашил всех заявлением, что 12 лет – это веха’.

Симптоматично, что в случаях, если глагол совмещает делимитативные и результативные ЛСВ, имя действия обычно образуется, но исключительно от результативных ЛСВ: *пограбувати* ‘ограбить’ и ‘пограбить’ (результативное и делимитативное значение) – *пограбування* (только результативное), *побрататися* ‘побрататься’ (результативное и делимитативное значение) – *побратання* (только результативное) и т.п.

Анализ польского материала особенно интересен, поскольку польская система отглагольных имен действия еще существеннее отличается от русской. Прежде всего, это касается регулярности образования: считается, что в польском языке имена действия образуются практически от любого глагола и активнее используются в речи, сохраняют многие глагольные свойства и грамматические значения, в частности возвратность, вид, залог и некоторые другие [23]. Но несмотря на это, способность к номинализации некоторых семантических типов польских глаголов, а также полное семантическое тождество глаголов и производных имен действия вызывают сомнения.

В польском языке, так же как в русском и в украинском, весьма продуктивной глагольной группой являются делимитативы. Они образуются с помощью префикса *po-* и указывают на ситуацию, происходящую в ограниченный период (*Pobawił na wsi przez całe lato* ‘побыл (провел) в деревне целое лето’). Ц. Перникарский утверждает, что они образуются от подавляющего большинства глаголов с небольшими ограничениями и являются одним из наиболее регулярных глагольных разрядов [24. С. 116–118]. О высокой продуктивности этой модели свидетельствует наличие значительного количества таких глаголов в словаре новых слов и значений, о чем пишет Я. Ставницка [25. С. 109]. Таким образом, делимитативы в польском языке образуются по продуктивной словообразовательной модели, часто используются говорящими — и в то же время содержат интересующий нас семантический признак количественно-временного предела действия. Для удобства и формализации словарного поиска польских глаголов с делимитативным значением мы учитывали наличие в словарной статье адвербиальных указателей *jakiś czas* – ‘какое-то время’ или *pewien czas* – ‘определенное время’, например: «*pogadać pot. «spędzić pewien czas na gadaniu, rozmowie, porozmawiać swobodnie przez jakiś czas» <...> rzecz. pogadanie*» – ‘поболтать «провести некоторое время, разговаривая, беседуя»’. Была сделана сплошная выборка из словарей С. Дубиша [26] и В. Дорошевского [27] объемом 236 глагольных лексем. Как выяснилось, восемь из них не имеют соотносительных имен действия (*poboleć I* – ‘поболеть’, *poboleć II* – ‘поболеть’, *pobyć* – ‘побыть’, *pochorować* –

‘похворать’, *pokropić* – ‘покапать’¹, *poszaleć* – ‘пошалеть, подурить’, *postać II* – ‘постоять’, *poszumieć* – ‘пошуметь’). Таким образом, по результатам анализа словарных статей, у большинства делимитативных глаголов есть соответствующие именные образования.

Однако проверка употребительности словарно зафиксированных «делимитативных» девербативов в речи по данным Национального корпуса польского языка [28] дает результаты, подтверждающие даже самые смелые ожидания: 141 девербатив этой группы (из 228, по данным словарей) в корпусе отсутствует. Это, например, *pobadanie*, *poigranie*, *popykanie*, *pokoszenie*, *pobeczenie* и под. Заметим, что их бесприставочные варианты (типа *badanie* – ‘исследование’, *beczenie* – ‘бегание (овец)’) могут быть весьма востребованными в речи, ср. имя действия *badanie* – около 37 тысяч вхождений.

Остальные имена действия (87 единиц) имеют разное количество вхождений в корпусе (от 1 до нескольких сотен), однако при анализе контекстов выяснилось, что эти девербативы и мотивирующие их глаголы семантически не равны. Мы выявили три возможных варианта: сужение (редукция) глагольных значений, семантический дрейф в сторону субстантивности и окказиональное употребление девербатива для создания стилистического эффекта. Рассмотрим их последовательно.

Самым распространенным оказалось сужение глагольной семантики. Если имя действия образовано от многозначного глагола, одно из значений которого – делимитативное, то, скорее всего, мы не обнаружим в корпусе соответствующих вхождений с такой аспектуальной семантикой: среди реализованных значений делимитативное практически не встречается (таких девербативов в нашей выборке около 50). В то же время, как кажется, запрета на реализацию результативных, дистрибутивных, кратных, аттенуативных и других аспектуальных компонентов нет. Например, словарь С. Дубиша [26] содержит две статьи, описывающие глаголы *ponosić I* (результативный глагол) и *ponosić II* (делимитативный глагол). В обеих словарных статьях приводится именная форма *ponoszenie*. Корпус дает 4 808 вхождений этого девербатива, при этом **ни в одном** случае его значение не соответствует делимитативному *ponosić II*. Заметим, что словари не указывают на ограниченный семантический объем таких имен действия. Типичный пример употребления:

(3) *Pogorszenie sytuacji środowiskowej musi doprowadzić do ujawnienia się barier fizycznych (np. <...> braku wody), co wywoła poważne perturbacje gospodarcze i konieczność **ponoszenia** dużych kosztów na naprawę strat środowiskowych* (S. Kozłowski, Ekorozwój: wyzwanie XXI wieku 2000) — ‘ухудшение экологической обстановки должно привести к возникновению физических ограничений (напр., <...> нехватке воды), которые приведут к серьезному экономическому кризису и к необходимости **понести** большие расходы на восстановление окружающей среды’.

Второй вариант: семантический дрейф в сторону субстантивности. Как правило, это происходит в результате утраты живых словообразовательно-

¹ Имя действия *pokropienie* отсутствует в словаре С. Дубиша [26], но зафиксировано у В. Дорошевского [27].

семантических связей «делимитативных» девербативов с мотивирующим глаголом. В словаре С. Дубиша такие лексемы поданы в отдельных словарных статьях, поскольку в современном польском языке их семантика значительно ближе к существительному, чем к глаголу: они могут приобретать предметные значения, указывать на стабильные состояния, называть целые ситуации типа *posiedzenie* 'заседание' или *poruszenie* 'воодушевление'. Хороший в этом смысле пример – юридический термин *pożycie* (более 1100 вхождений), который образован от глагола *pożyć*. В словаре описаны три значения этого глагола: «прожить определенное время», «прожить некоторое время определенным образом», «прожить с кем-то некоторое время». В корпусе обнаруживаем именно терминологизированную лексему, которая в словаре представлена как имя существительное в отдельной словарной статье (а не как именная форма глагола): «*wspólne życie z kimś* <...>, *obcowanie fizyczne dwojga ludzi, zwłaszcza w małżeństwie*» – 'совместное проживание с кем-либо <...>, физическое сожительство двух людей, чаще в супружестве':

(4) ...*duża różnica wieku nie stanowiła dla nich żadnej przeszkody we wspólnym **pożyciu*** (B. Zalot, Tygodnik Podhalański nr 49 1997) – '...большая разница в возрасте не являлась для них препятствием для **совместной жизни**'.

Мы обнаружили также несколько единичных окказиональных употреблений имен действия в значении, близком к делимитативному (непродолжительного состояния или процесса). Интересно, что в большинстве случаев такое слово берется в кавычки, что указывает на его необычность, непривычность для носителя языка. Полагаем, что такие редкие формы являются, скорее, средствами языковой игры:

(5) *Ostatnio na sprzedaż w domu aukcyjnym w Teksasie został wystawiony fotel **bujany**, kiedyś należący do Kennedy'ego. Ten stary mebel to prawdziwa gratka dla kolekcjonerów. Chociaż za «**pobujanie** się» na nim trzeba zapłacić ponad 100 tys. dolarów, chętnych do jego kupna nie brakuje* (Super Express 2006) – '...на аукцион было выставлено кресло-качалка, которое когда-то принадлежало Кеннеди... Хотя за «**покачивание**» на нем нужно было заплатить более 100 тыс. долларов, в желающих его купить недостатка не было'.

Таким образом, хотя в польском языке девербативы образуются от огромного количества глагольных лексем и практически без ограничений образуют «видовые» оппозиции, есть группы польских глаголов, аспектуальная семантика которых системно препятствует номинализации (см. об этом подробнее [29]). Соотносительные с ними девербативы чаще всего зафиксированы в словарях, но фактически не употребляются в речи, что находит подтверждение в сплошном анализе корпусных данных. Изложенные наблюдения свидетельствуют еще и о том, что идея предела обнаруживает свою значимость на разных языковых уровнях, в том числе – на словообразовательном, поскольку именно тип предела оказывается релевантным для продуктивности глаголов по отношению к именам действия. Кроме того, находит

дополнительное подтверждение мысль о неоднородности семантической сферы аспектуальности, несовпадении семантики перфективности в славянских языках, ее онтологической гетерогенности.

Итак, если учесть данные, представленные в работах С. Иванчева, С. Дики, А. Барентсена, Р. Бенаккьо и других аспектологов, если принять во внимание убывание количества отглагольных имен действия с запада на восток, а также различия в «легкости» выражения ими определенных видовых значений и если все эти факты соотнести со строгим запретом на образование имен действия от глаголов, содержащих признак количественно-временного предела, то можно сделать вывод, что в глагольной аспектуальной семантике с запада на восток на системном уровне усиливается семантический признак количественно-временного предела. Это не означает, разумеется, того, что в русском языке все глаголы СВ выражают значение количественно-временного предела, а в польском они его выражать не могут. Это означает, что данный признак проявляется в русских глаголах чаще и сильнее, что русский язык располагает большим арсеналом средств для его внутрисловного выражения. Именно эта особенность русского языка является одной из важных причин «трудностей» с номинализацией русских глаголов и исчезновения у них (когда-то существовавшей) явной аспектуальной дифференциации. Есть основания полагать, что одной из причин уменьшения количества отглагольных имен действия с запада на восток (польский → украинский → русский) является усиление в семантической структуре глагольного совершенного вида количественно-временного предела действия, который плохо совмещается с субстантивной формой. Идея времени, доминирующая, по всей видимости, в семантике количественно-временного предела, конфликтует с категориальной семантикой имени существительного.

Список условных сокращений

СВ – совершенный вид
НСВ – несовершенный вид
ЛСВ – лексико-семантический вариант

Литература

1. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 21–304.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972.
3. Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.
4. Гуревич В.В. О значениях глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе. 1971. №5. С. 73–79.
5. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // Вопр. языкознания. 1990. № 2. С. 102–112.
6. Петрухина Е.В. Дискуссионные вопросы изучения русского глагольного вида // Международный сб. ст. в честь В. Гладрова «Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow» Berliner Slawistische Arbeiten 33. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 2008.
7. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 305–364.
8. Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект / [отв. ред. В.П. Недялков]; Академия наук СССР. Институт языкознания. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983.

9. Плузгян В.А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 370–381.
10. Гак В.Г. Семантическое поле конца // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 50–55.
11. Ivančev S. Kontekstovo obuslovena ingresivna upotreba na glagolite ot nesvâršen vid v českija ezik. Godišnik na Sofijskija universitet, Filologičeski fakultet 65/3, 1961.
12. Барентсен А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения / ред. М.Ю. Черткова. М., 1998. С. 43–58.
13. Барентсен А. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида I / отв. ред. С. Кароляк. Krakow. 1995. С. 1–26.
14. Бенакьо Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ. München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010.
15. Петрухина Е.В. О функционировании видового противопоставления в русском языке в сопоставлении с чешским (при обозначении повторяющихся действий) // Русский язык за рубежом. 1978. № 1. С. 57–60.
16. Петрухина Е.В. Концепт ПРЕДЕЛА в грамматике и лексике // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.: труды и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. М., 2014. С. 689.
17. Бондарко А.В. Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // Изв. Академии наук СССР. Сер. лит. и яз., 1991. Т. 50, № 3. С. 195–206.
18. Шелякин М.А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола (теоретические основы). Таллин: Валгаус, 1983.
19. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / ред. В.И. Чернышёв. М.: АН СССР, 1948–1965.
20. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.10.2015).
21. Словник української мови: в 11 т. АН УРСР. Інститут мовознавства / І.К. Білодід (ред.). Київ, 1970–1980.
22. Корпус текстів української мови / Лабораторія комп'ютерної лінгвістики Інституту філології КНУ ім. Т. Шевченка. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209> (дата обращения: 25.1.2015).
23. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / pod red. R. Grzegorzczkovej, R. Laskowskiego, H. Wróbla. Warszawa: PWN, 1998.
24. Piernikarski C. Tendencje rozwojowe aspektu czasownika w języku polskim // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 7, Warszawa: PWN, 1967. P. 65–74.
25. Stawnicka J. Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słotwórczą Aktionsarten w języku rosyjskim i polskim. Tom I. Czasowniki z formantami modyfikacyjnymi. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2009.
26. Uniwersalny słownik języka polskiego // pod red. S. Dubisza. PWN SA, wersja elektroniczna, 2004.
27. Słownik języka polskiego // pod red. W. Doroszewskiego. PWN SA, 2000. URL: <http://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 03.01.2014).
28. Korpus Języka Polskiego (NKJP). URL: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/> (дата обращения: 03.01.2014).
29. Пчелинцева Е.Э. Грамматический статус польского отглагольного имени действия и семантика делимитативности // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 164–172.

TYPE OF PERFECTIVE MEANING AND NOMINALIZATION OF VERBS IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND POLISH

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 57–70. DOI: 10.17223/19986645/40/4
 Pchelintseva Elena E., Cherkassy State Technological University (Cherkassy, Ukraine), Institute for Linguistic Studies (ILI) RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: pchele@gmail.com
Keywords: verbal noun, nomina actionis, aspectual semantics, quantitative-temporal limit of action.

The article investigates some problems of the verbal perfective semantics typology. Regarding this issue, some theoretical aspects of verbal noun derivation are discussed. The influence of the type of limit on the productivity of delimitative verbs in relation to verbal nouns in Russian, Ukrainian and Polish is analysed.

The meaning of the perfective aspect is not identical in all Slavic languages. While in East Slavic the idea of limit is more important, in West Slavic the semantic features of pointness, quantumness and totality of the action dominate. This feature corresponds well to the differences in amounts and functional scopes of verbal nouns in Slavic languages: the fact is that these amounts, as well as the verbal properties of nomina actionis, decrease significantly from West to East. The author's hypothesis is that the prohibition of nominalization for some verbs is caused not by the perfectivity of the verbal form as such, but by the type of limit expressed, namely resultative, one-act, or quantitative-temporal. The solid analysis of the productivity of certain verb semantic series in relation to nomina actionis in Russian, Ukrainian and Polish shows clear relationship between the particular type of limit expressed by verb and the ability of the latter to nominalization.

In Russian, for instance, nouns may be easily derived from verbs with a resultative and one-act type of limit, but this is impossible in the case of verbs with a quantitative-temporal one. Despite the much larger number of action nouns in Ukrainian, the same semantic restrictions may be seen. The Polish verbal noun is known as a regular verb form which virtually has no restrictions for forming aspectual pairs. Nevertheless, the author has found a group of Polish verbs, the aspectual semantics of which systematically prevents nominalization. Corresponding deverbatives may be found in dictionaries, but are not actually used in speech, which has been proved by a solid analysis of corpus data.

It is reasonable to believe that one of the grounds of the amount of nomina actionis decreasing from West to East (Polish → Ukrainian → Russian) is that the quantitative-temporal limit of action increases in the semantic structure of perfective verbs in the same direction. The quantitative-temporal type of limit is also poorly compatible with the substantive form as such. The concept of time dominating in the semantics of quantitative-temporal limitedness is very likely to conflict with the categorical semantics of the noun.

References

1. Maslov, Yu.S. (2004) Oчерки po аспектиологии [Essays on aspectology]. In: Maslov, Yu.S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykovedenie* [Selected Works. Aspectology. General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. The grammatical teaching of the word]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Gurevich, V.V. (1971) O znacheniyakh glagol'nogo vida v russkom yazyke [The meanings of the verbal aspect in the Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole*. 5. pp. 73–79.
5. Guiraud-Weber, M. (1990) Vid i semantika russkogo glagola [Aspect and semantics of the Russian verb]. *Voprosy yazykovovedeniya*. 2. pp. 102–112.
6. Petrukhina, E.V. (2008) Diskussionnye voprosy izucheniya russkogo glagol'nogo vida [Discussion of the study of Russian verbal aspect]. In: Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow. Berliner Slavistische Arbeiten 33 [Language and Society. Studies in honor of Wolfgang Gladrow. Berlin Slavonic Works 33]. Frankfurt; Berlin: Peter Lang.
7. Maslov, Yu.S. (2004) K osnovaniyam sopostavitel'noy aspektologii [On comparative reasons of aspectology]. In: Maslov, Yu.S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykovedenie* [Selected Works. Aspectology. General Linguistics].
8. Nedyalkov, V.P. (ed.) (1983) *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktiv: rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt* [Typology of resulting constructions: resultative, stative, passive, perfect]. Leningrad: Nauka.
9. Plungyan, V.A. (1998) Perfektiv, komplektiv, punktiv: terminologiya i tipologiya [Perfective, completive, pointive: terminology and typology]. In: Chertkova, M.Yu. (ed.) *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of the aspect: problems, searches, solutions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Gak, V.G. (2002) Semanticheskoe pole kontsa [Semantic field of the end]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. The semantics of the start and the end]. Moscow: Indrik.
11. Ivančev, S. (1961) *Kontekstovo обусловлена ingresivna upotreba na glagolite ot nesvâršen vid v českiya ezikz*. Godišnik na Sofijskija universitet, Filologičeski fakultet 65/3. (In Bulgarian).
12. Barentsen, A. (1998) Priznak "sekventnaya svyaz" i vidovoe protivopostavlenie v russkom

yazyke [The feature “sequential connection” and aspectual opposition in the Russian language]. In: Chertkova, M.Yu. (ed.) *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of the aspect: problems, searches, solutions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

13. Barentsen, A. (1995) Trekhstupenchataya model' invarianta sovershennogo vida v russkom yazyke [A three-stage model of the perfect form invariant in the Russian language]. In: Karolyak, S. (ed.) *Semantika i struktura slavyanskogo vida I* [Semantics and structure of the Slavic aspect I]. Krakow: WSP.

14. Benacchio, R. (2010) *Vid i kategoriya vezhlivosti v slavyanskom imperative. Sravnitel'nyy analiz* [Aspect and the category of politeness in the Slavonic imperative. Comparative analysis]. München; Berlin: Verlag Otto Sagner.

15. Petrukhina, E.V. (1978) O funktsionirovaniy vidovogo protivopostavleniya v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim (pri oboznachenii povtoryayushchikhya deystviy) [On the functioning of aspectual opposition in the Russian language in comparison with Czech (when referring to repetitive actions)]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 57–60.

16. Petrukhina, E.V. (2014) [The concept of limit in grammar and vocabulary]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Historical Destiny and the Present]. V International Congress of Russian Language Researchers. Proceedings and materials. Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. 18–21 March 2014. Moscow: Moscow State University. p. 689. (In Russian).

17. Bondarko, A.V. (1991) Predel'nost' i glagol'nyy vid (na materiale russkogo yazyka) [Limitativeness and verb form (in Russian)]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR, "Seriya literatury i yazyka"*. 50:3. pp. 195–206.

18. Shelyakin, M.A. (1983) *Kategoriya vida i sposoby glagol'nogo deystviya russkogo glagola (teoreticheskie osnovy)* [The category of aspect and methods of Russian verb verbal action (theoretical bases)]. Tallin: Valgaus.

19. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17-ti t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Moscow: USSR AS.

20. The Russian National Corpus. [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 01 October 2015). (In Russian).

21. Bilodid, I.K. (ed.) (1970–1980) *Slovník ukraïns'koï movi: v 11 tt.* [Dictionary of Ukrainian language: in 11 vols]. Kiev: Naukova dumka.

22. The Ukrainian Text Corpus. [Online]. Available from: <http://www.mova.info/corpus.aspx?11=209>. (Accessed: 25 January 2015). (In Ukrainian).

23. Grzegorzczakowa, R., Laskowski, R. & Wróbel, H. (1998) *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia* [Grammar of Contemporary Polish. Morphology]. Warsaw: PWN.

24. Piernikarski, C. (1967) Tendencje rozwojowe aspektu czasownika w języku polskim [Development trends of the aspect of the verb in Polish]. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. 7. pp. 65–74.

25. Stawnicka, J. (2009) Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słowotwórczą Aktionsarten w języku rosyjskim i polskim [A comparative study of the category of semantic and word-formation action types in Russian and Polish]. Vol. 1. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego.

26. Dubisz, S. (ed.) (2004) *Uniwersalny słownik języka polskiego* [Universal Dictionary of Polish]. PWN SA, e-version.

27. Doroszewski, W. (ed.) (2000) *Słownik języka polskiego* [Dictionary of Polish]. PWN SA. [Online]. Available from: <http://doroszewski.pwn.pl/>. (Accessed: 03 January 2014).

28. National Corpus of the Polish Language (NKJP). [Online]. Available from: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>. (Accessed: 03 January 2014). (In Polish).

29. Pchelintseva, E.E. (2014) The grammatical status of the Polish verbal noun of action and the semantics of delimitativity. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*. 2. pp. 164–172. (In Russian).

УДК 81.373.611

DOI: 10.17223/19986645/40/5

С.К. Соколова

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ПОЛИМОТИВАЦИИ ДЕРИВАТА ОТ ПРОДУКТИВНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)¹

В статье развиваются идеи о системности полимотивации, которая рассматривается как стратегия речемыслительной деятельности носителя языка, направленная на раскрытие смыслового потенциала производного слова. На материале психолингвистического эксперимента доказывается положение о зависимости интенсивности проявления полимотивации от продуктивности словообразовательного типа, к которому относится интерпретируемый дериват.

Ключевые слова: полимотивация дериватов, продуктивность словообразовательного типа, детерминанта речемыслительной деятельности.

1. Постановка проблемы. Структурная детерминанта полимотивации

Несмотря на то, что проблема полимотивации активно обсуждалась в рамках структурно-системной лингвистики, она так и осталась дискуссионной, и на современном этапе, с позиций новой научной парадигмы, исследователи вновь обращаются к рассмотрению данного явления. Это обусловлено тем, что полимотивация в лингвистике рассматривается неоднозначно: с одной стороны, полимотивация воспринимается как явление, дестабилизирующее языковую систему (что находит отражение в традиционном подходе к полимотивации), с другой – как явление, отражающее динамизм языка (что реализуется в функционально-ориентированных версиях изучения полимотивации). Так, в кемеровской дериватологической школе в конце XX в. разрабатывается когнитивная теории полимотивации, автором которой является П.А. Катышев. Полимотивация в рамках данной теории определяется как «стратегия речемыслительной деятельности носителя языка», направленная «на раскрытие смыслового потенциала словообразовательной формы» и осуществляемая «по принципу замены дериватемы множеством конкретизаторов, включенных как в одно, так и в несколько мотивирующих суждений» [1. С. 12].

Системное изучение зависимости процесса идентификации производного слова в рамках когнитивной теории полимотивации способствовало выделению основной и сопутствующих детерминант полимотивации (более подробно об этом см. в работах [2, 3, 4, 5]).

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ по проекту № 14-14-42005 «Региональные аспекты русской дериватологии» по конкурсу «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном – 2014» (Кемеровская область).

Особый интерес представляет структурная детерминанта [6], изучение которой позволило сделать предположение о зависимости речемыслительной деятельности носителей языка от свойств структуры деривата; в частности, была выявлена зависимость интенсивности полимотивации от агглютинативности/фузионности морфологической структуры [7], от степени членимости [8] и поли/мономорфемности производного [9]. Данная работа представляет отдельные результаты диссертационного исследования С.К. Соколовой «Полимотивация деривата в аспекте влияния его структурных свойств на речемыслительную деятельность носителей русского языка» [10]. В статье развиваются идеи системного видения полимотивации и показывается зависимость интенсивности проявления полимотивации от продуктивности словообразовательного типа, к которому относится интерпретируемый дериват.

2. Описание экспериментального исследования

Для исследования структурной детерминанты полимотивации проведено отдельное экспериментальное исследование, целью которого было выявление зависимости особенностей речемыслительной деятельности носителей русского языка от структурных характеристик производных слов-стимулов [10]. Для этого испытуемым – школьникам гимназии № 21 г. Кемерово (6-е классы) в количестве 45 человек и студентам КемГУ в количестве 81 человека – предъявлялись установочный текст и задание, базовая функция которых заключается в создании условий, настраивающих продуцентов на внимательное отношение к определенным словам и творческое их осмысление. См. текст-установку и задание:

Каждое лето мы со студентами выезжаем на диалектологическую практику. Как правило, для этого мы выбираем какую-нибудь глухую деревеньку, расположенную вдали от цивилизации, где люди живут в гармонии с природой, придерживаясь издавна заведенных традиций, доставшимся им от предков. В одну из таких экспедиций встретилась нам бабушка Аграфена, местная травница. Жила она на краю деревни, прямо около самого леса, но каждый в деревне знал, как ее найти. Ведь если случилась беда: заболело что, корова не телится или еще какая напасть, то все обращались к ней за советом и помощью. Уж очень она много знала, но лучше всего Аграфена разбиралась в травах: и как трава называется, и где ее найти можно, когда трава цветет и когда ее нужно собирать, чтобы для пользы она послужила, а когда уже и толку в этом никакого нет, и что в каком растении брать нужно (где листочек сорвать, где цветочек, а где корешок выкопать), и как отличить вредную траву от полезной, и какую траву при каких недугах надо использовать, а также как правильно отвар или настой приготовить, и как ее перед этим засушить, чтобы все нужные свойства сохранить, а от вредных избавиться. А рассказывать об этих травах она страсть как любила, и так красочно, так захватывающе у нее это получалось, что заслушаться можно было. Иногда засидишься у нее за чашкой травяного чая и не заметишь, как уже коровы с выпаса домой идут. А когда мы с Аграфеной гуляли по полям и лесам, там уж она ни одной травинки, ни одного листочка не пропускала - о каждой что-нибудь да расскажет.

*И особенно меня поразил рассказ Аграфены о таких травах, как **красно-головник, медуница, девятильник, рекостав и свербигуз**, которые мы*

встретили во время одной из наших прогулок по лесу. Так удивительно она о них рассказывала, все-то о них знала: и почему их назвали, и для чего они нужны и т.д.

Задание: напишите рассказ травницы Аграфены об этих растениях.

Данный эксперимент является направленным психолингвистическим экспериментом, который способствует изучению процесса идентификации. Важно отметить, что процесс идентификации рассматривается не в узком смысле (как процесс опознания слова), а в широком – как познавательная деятельность носителей языка, направленная на осмысление языкового знака. Иными словами, процесс идентификации – это познавательный процесс, направленный на осмысление языкового знака, или речемыслительная категоризация, «т.е. установление связи между звучанием и значением познаваемого слова, погружающегося в систему языковых категорий (и лексических, и грамматических), актуальных для языкового сознания познающего субъекта» [11. С. 90]. По сути дела, идентификация – это понимание или, обращаясь к терминологии В. фон Гумбольдта, момент «инстинктивного установления» (прояснения, прозрения) внутренней формы слова.

В связи с вышеуказанными особенностями процесса идентификации в эксперименте, помимо производных слов, которые являются непосредственными стимулами, в качестве дополнительного (направляющего) стимула вводится установочный текст, восприятие которого создает предпосылки для сознательного осмысления знака и настраивает продуцентов на внимательное отношение к деривату. Таким образом, направленный на раскрытие смысло-исполненности словообразовательной структуры познавательный процесс, положенный в основу экспериментального изучения, активизируется за счет проблемной ситуации (а именно необходимости раскрытия смыслового потенциала словообразовательной структуры слова «с опорой на установленный стимул и провоцируемый модус восприятия знака» [1. С. 87]).

При этом в текст-установку включаются стимулы, обуславливающие интенсивное создание и раскрытие познаваемого языкового образа и оптимизирующие наблюдения экспериментатора за тенденциями влияния знаковой структуры на текстопорождение. К таким стимулам можно отнести:

(1) погружение продуцентов в мир субъекта речи (*травницы Аграфены*);
(2) выбор фитонимов (названий растений) как знаков с многопризнаковой семантической структурой, по заданным признакам которой (*место произрастания, время цветения и сбора, целебные части, характер использования, лечебное действие* и т.д.) требуется охарактеризовать специфику наименований;

(3) выбор в качестве стимулов производных фитонимов, обеспечивающих более пристальное отношение продуцентов к словообразовательной структуре производных (производные фитонимы, с одной стороны, являются частью наивной картины мира информантов, с другой – в силу недостаточной компетенции испытуемых конкретные названия растений могут быть незнакомы современному носителю языка, что сближает их с агнонимами (ср. «агноним – слово родного языка, значение и правила употребления которого неизвестны современному носителю языка, непонятны или малопонятны» [12.

С. 84]). При этом идентификация незнакомого или малознакомого слова замедляется, а аналитико-синтетическая (расчленяющая и создающая) деятельность усиливается [13. С. 109–110], что обуславливает повышенный интерес к словообразовательной структуре исходных стимулов и приводит к самостоятельному и зачастую усиленному поиску опознавательных опор);

(4) указание на определенную речевую форму (*рассказ*), приводящую к включению характеристик растений в некоторую описательную текстовую структуру.

Гипотетически самостоятельную предпосылку осуществления речемыслительной деятельности испытуемых представляют вводимые в установочное задание структурные параметры означающих. Пять производных (*красногловник, медуница, девятильник, рекостав* и *свербигуз*), предложенных информантам в качестве слов-стимулов, имеют разные структурные свойства, которые могут способствовать выбору стратегии раскрытия языкового образа познаваемого слова. Такие характеристики, как агглютинативность / фузионность его морфонологической структуры, членимость основы, многоморфемность / одноморфемность, способ словообразования, ономазиологическая структура производного, особенности словообразовательного типа и гнезда, к которым относится дериват, а также степень его мотивированности взаимодействуют и влияют на устойчивость / ослабление использования полимотивации.

3. Анализ результатов эксперимента. Фактор отнесенности деривата к продуктивному словообразовательному типу

В результате проведенного корреляционного анализа, отражающего взаимодействие свойств дериватов и полимотивации, было также выявлено, что одним из дополнительных факторов (по отношению к членимости производного), увеличивающим возможность многократного использования созвучных по основе конкретизаторов при идентификации языкового знака является такая характерная черта производного, как отнесенность к продуктивному словообразовательному типу.

В современной дериватологии большое внимание уделяется изучению словообразовательного типа (Л.А. Араева, В.В. Виноградов, В.Н. Виноградова, Б.Н. Головин, М. Докулил, И.В. Евсеева, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Г.С. Зенков, И.И. Ковалик, Е.С. Кубрякова, К.А. Левковская, В.В. Лопатин, А.И. Моисеев, Т.В. Попова, В.Н. Троицкий, И.С. Улуханов, М.В. Черепанов, Н.А. Янко-Триницкая, М.Н. Янценецкая и др.). Наиболее последовательно понятие словообразовательного типа, а также особенности семантической структуры типа представлены в работах М.Н. Янценецкой и ее учеников (см.: М.Н. Янценецкая, Л.А. Араева, Л.Г. Ким). При этом анализ словообразовательных типов с когнитивных позиций [14–17] позволил определить тип как ментально-языковую категорию с пропозиционально-фреймовой организацией составляющих ее членов (производных и производящих) [14, 17]. В диссертационной работе А.А. Шумиловой отмечается, что «в свете современного когнитивного подхода словообразовательный тип представляется как ментально-языковая категория, организованная по принципу поля, и рассматривается как одна из упаковок языкового материала в долговременной памяти человека» [18. С. 57].

Следует отметить работы И.В. Евсеевой, в которых словообразовательный тип понимается как «сложно структурированный постоянно модифицирующийся формально-семантический блок долговременной и кратковременной памяти человека, который представлен в языке» [15. С. 21]. При этом изучение и анализ когнитивных процессов, проявляющихся в рамках словообразовательного типа и детерминирующих специфику его семантической организации осуществляется через построение пропозиционально-фреймовой модели [19]. Особое место в работах автора занимает вопрос соотносительности полимотивации и структуры словообразовательного типа, в результате изучения которого И.В. Евсеева приходит к выводу, что полимотивация является одной из напряженных точек словообразовательного типа, посредством которой происходит размывание его границ, перетекание одного словообразовательного типа в другой на уровне одной производной леммы.

При изучении словообразовательного типа большое внимание уделяется выявлению критериев системной продуктивности словообразовательного типа. В качестве основного критерия внутритиповой системной продуктивности выделяется «полевой принцип семантической организации словообразовательного типа» [20. С. 22]. В производных, относящихся к продуктивным типам, носители языка без труда выделяют формантную часть, что способствует высвобождению и отсылочной части слова, а соответственно, увеличивает возможность ее интенсификации в процессе речемыслительной деятельности, т.е. приводит к использованию полимотивации.

В свою очередь, Л.Г. Ким отмечает, что производные слова, относящиеся к центральной семантической теме, имеют наиболее высокую степень членности (ассоциируются у носителей языка как с однокоренными, так и с одноструктурными мотивирующими), а производные, относящиеся к периферийной семантической теме, могут утрачивать связь со словообразовательным типом, что способствует лексикализации [21. С. 49–56]. Данный факт еще раз подчеркивает взаимозависимость всех структурных характеристик языкового знака.

Таким образом, на возможность выделения и, далее, интенсивного осмысления отсылочной части производного слова влияют, с одной стороны, характеристики словообразовательного типа, к которому относится производное (особенно его системная продуктивность), а с другой – место производной единицы в структуре словообразовательного типа (принадлежность к центральной или периферийной семантической теме).

Рассмотрим с этой точки зрения использованные в эксперименте словастимулы.

По данным «Русской грамматики», производное **красноголовник** относится к типу «существительные с суф. -ник, называющие предмет (одушевл. или неодушевл.), относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе». Тип продуктивен, нов.: *вышколомонтажник*; окказ.: *первоэтажники* (жильцы первого этажа) (газ.), *белобрючники* (газ.)» [22]. Л.А. Араева, анализируя продуктивность словообразовательных структур на диалектном материале, пишет, что «словообразовательный тип «С+ник» является абсолютно продуктивным (т.е. соответствует всем критериям системной продуктивности)» [20. С. 22]. Кроме

того, в работе приводятся статистические данные, свидетельствующие об отнесенности данного производного к центральной семантической теме, так как оно обозначает «характеризующий натурфакт по объекту» (см. схему 1 «Конкретные суффиксальные отсубстантивы сквозь призму семантической организации словообразовательных типов») [Там же. С. 64]. Данные характеристики обусловили интенсивность осмысления отсылочной части деривата, в некоторых случаях дополненную формантными конкретизаторами:

Красн/о/голов/ник: *красн/о/головн/ик* конкретизируемое ← {кустарник: ярко-красный: голова: головная} конкретизирующее

Красноголовник – это маленький кустарник с ярко-красными горькими ягодами. Если их собирать летом, то они абсолютно бесполезны. Собирать их нужно после морозов, да щедро посыпать сахаром, поставить в погребок на всю зиму. А если вдруг заболит голова – съешь ложечку с чаем, и уходит головная боль. Отсюда и пошло название – **красноголовник**.

Экспериментальные данные показывают, «что при идентификации этого деривата испытуемые опирались на обе корневые морфемы (красн-, -голов-), входящие в состав слова, что обусловлено прозрачностью словообразовательной структуры. В 103 из 118 случаев актуализировался корень **красн-**: **красн/оголовник** конкретизируемое ← {красный(-ая, -ые): ярко-красный: бордово-красный: оранжево-красные: красненький: красноватого: краснеют: по-краснел: **красноголовый**: **Красноголовушка**: **краснуха**} конкретизирующее. В 36 контекстах при идентификации исходного слова продуценты обращались к корню **-голов₁-** – (в значении: «голова человека»): **красн/оголов/ник**: **красно/оголовн/ик** конкретизируемое ← {голова: головокружение: головной(-ая, -ые): головка} конкретизирующее. 20 испытуемых в процессе идентификации слова обратились ко второму значению корня **-голов₂-** – («верхняя часть растения, соцветие»): **красно/голов/ник**: **красно/оголовн/ик** конкретизируемое ← {голова: головка: головушка: головница} конкретизирующее.» [10. С. 120].

Кроме того, в одном контексте используется производное, выступающее одновременно конкретизатором как отсылочной, так и формантной части:

Красн/о/голов/ник конкретизируемое ← {цветочки **красного** цвета: бело/**го/голов/ник**} конкретизирующее

Красноголовник – это лечебный цветок, из него готовят травяной чай (перед приготовлением сушат), у него цветочки **красного** цвета, прикрепленные к стеблю, в высоту он достигает около 60 см (есть также в полях **белоголовник**).

Производное **медуница** образовано по модели «С + ица». Так, в «Русской грамматике» отмечается: «...существительные с суф. -иц(а)/-овиц(а) называют предмет, характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом. Морфема -иц(а) выступает после парно-мягких согласных (кроме заднеязычных) и шипящих; морф -овиц(а), орфогр. также -авиц(а)- после парно-твердых. Сюда относятся: а) названия растений, животных, частей одежды: пух – пушица, свекла – свекловица, нога – ноговица, рука – рукавица, мед – медуница,

пядь – пяденица, в двух последних соответственно морфы *-униц(а)* и *-ениц(а)»* [22. § 349].

По результатам эксперимента было получено 117 реакций. В большинстве реакций дериватема интенсифицировалась за счет однокоренных мотивирующих; информанты использовали всего 4 слова (49 участников эксперимента включили в свои контексты слово *мед*, 12 привлекли прилагательное *медовый(-ая)*, один испытуемый использовал композит *медовосладкий*, также были актуализированы диахронные связи фитонима – 2 раза упоминалась единица *медведь*). Всего 60 продуцентов при раскрытии оязыковленного образа фитонима *медуница* использовали созвучные по основе конкретизаторы.

При этом ряд взаимодействующих факторов: 1) архаичность и непродуктивность типа; 2) особенности морфонологической структуры фитонима (наличие гласной старой *-и-* основы: *медуница*), затрудняющие членение производного, и 3) взаимодействие словообразовательного типа «С + *ица*» с более продуктивным типом «С + *ница*» – способствует привлечению следующих формантных конкретизаторов:

Медуница конкретизируемое ← *бессонница* конкретизирующее

Медуница обладает сладковатым запахом. Это растение на невысоком стебельке желтого цвета. А лучше всего собирать медуницу в солнечную погоду, когда ее желтые цветки хорошо различимы на лесной поляне. Сладковатый запах настоявшихся трав медуницы помогает от бессонницы, ее следует употреблять перед сном для наилучшего эффекта.

Медуница конкретизируемое ← *травница* конкретизирующее

Медуница – заваривается с чаем и дает эффект кратковременного опьянения, так как в этом растении содержатся наркотические вещества, сходные с веществами, содержащимися в мухоморах, ЛСД и морфии гидрохлориде, говорила *травница* Аграфена.

В одном случае выделенные факторы обусловили появление такого контекста:

Медуница конкретизируемое ← {*меду* + *Ница*} конкретизирующее

Медуница! посмотрите какое красивое растение. Название получило от названия крепостной крестьянки, *Ницы*. Однажды у барина заболела голова, и он попросил у служанки: «*Меду, Ница!!!*». Но хитрая крестьянка знала, что *мед* не поможет, и дала понюхать ему это растение, после чего у барина прошла головная боль. Так крестьянка *Ница* освободилась от крепостной зависимости.

Девятильник. В результате того, что данное производное образовано путем усечения (*девятильник* от *девятиельник*, в составе которого выделялись следующее компоненты: *девять-* + *и* + *-ил-* + *-ник*), выделение форманта *-ник* становится затруднительным (только в 1 случае было отмечено использование одноструктурного мотиватора, относящегося к тому же типу: *девятиль/ник* – мне кажется, это цветок по виду похожий на тысячелистник...). В связи с этим в процессе идентификации деривата не происходит осознания отнесенности данного производного к словообразовательному ти-

пу «существительные с суф. -ник, называющие предмет (одушевл. или неодушевл.), относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе». Это обуславливает появление метатекстов, в которых информанты при раскрытии оязыковленного образа опирались в большей степени на собственные представления о причинах возникновения данной номинации. В качестве подтверждения можно привести следующие примеры:

*А это, сынок, **девятнадцать**. Давным-давно не было еще ароматизаторов в машине. Бывало, выедет русский человек на своей «**девятке**» в чисто поле, лапти в машине снимет и задыхается. Но однажды, крестьянин Иван Истулов взял охапку трав и в машину положил, и от того стало легко и приятно на душе, да и в машине тоже. Так получил свое название **девятнадцать**.*

***Девятнадцать** – трава, которую используют знахари в белой магии. При прочтении определенных молитв и варении травяного чая на основе **девятнадцатника** очень многие люди попали под амнистию в тюрьмах, вообще понесли очень легкое наказание и виновные были оправданы. С чем было связано название, Аграфена объяснила, что одному человеку, который применил эту траву, дали **девять** лет лишения свободы вместо двадцати одного. Так и прозвали эту травку **девятнадцатником**.*

При идентификации слова-стимула установлено, что в одном случае были использованы конкретизатор **светильник** и в двух реакциях присутствует дериват **кипитильник**¹, что свидетельствует об ориентации информантов на словообразовательный тип «Г + ильник». Актуализация типа, к которому не относится слово-стимул, стала возможной в результате низкой степени членности деривата и свидетельствует о том, что привлечение данных конкретизаторов было продиктовано, прежде всего, их формальным сходством с фитонимом **девятнадцать**.

*Далее мы видим **девятнадцать** – это смесь **светильника** и **кипитильника** в девятой степени. Нужен он для освещения палатки и кипячения чая, рассчитан на 9 чашек.*

Общее же количество реакций на данное производное составило 109 текстов. В большинстве случаев при раскрытии оязыковленного образа информанты использовали созвучные по основе конкретизаторы – таких реакций 71. При этом помимо числительного **девять**, в качестве конкретизаторов были использованы прилагательное **девятнадцатный**, существительное **девятка** (как сокращенное обозначение серийного номера модели автомобиля ВАЗ 2109) и окказиональное имя собственное **Девятник**.

Фитоним **рекоства** относится к типу, в который входят существительные со значением «действие, названное основой глагола и конкретизированное в первой основе». В качестве опорного компонента выступают беспрефиксальные глагольные основы, а первого компонента – основы существительных: *ледоход, сенокос, водопой, солнцек, буревал, ветровал, мордобой (прост.),*

¹ Сохранено авторское написание слова.

мясоед, самотек, икромет, новотел, глазомер и т.д. С использованием такой же глагольной основы, как у деривата **рекостав**, образовано производное **ледостав**. Нужно отметить, что у слов происходит наращение основы глагола *стать* за счет согласной [в]. Продуктивность типа ограничена образованиями, возникающими по образцу слов с компонентом *-пад*: *неплопад* (спец.); *оказ.*: *горный дождепад* (Шаг.); *Не снегопад - снеговал* (газ.); *сентябрьского листопада протяжный свист* (Есен.; по образцу слова *листопад*) [22, § 580].

Ограниченность продуктивности словообразовательного типа, поддерживаемая низкой степенью членимости, приводит к сокращению количества контекстов, в которых использованы однокоренные мотивирующие, и увеличению числа нетривиальных реакций. Общее количество реакций, полученных на слово-стимул **рекостав**, составило 104 текста, из них только в 43 реакциях использовались однокоренные конкретизаторы: в 39 слово **река**, в одном тексте было использовано производное **речка** и 3 раза при идентификации данного фитонима продуценты привлекали альтернант **речушка**.

Примером нетривиального осмысления слова-стимула является следующий метатекст:

Рекост/ав конкретизируемое ← **Рекост** конкретизирующее

*А вот две травы – девятильник и **рекостав** – всегда вместе используют. Да и растут они рядом всегда. Почему? Да есть одна легенда, что жили два друга. Сильная у них дружба была, и не хотели они расставаться, и свою жизненную силу и дружбу на века сохранить. Пришли к колдунье одной, попросили совета, мол, помоги, подскажи. Она их и превратила в травку. Звали-то друзей: Девятик и **Рекост**, отсюда и название у травок – девятильник и **рекостав**. Эти две травы и цветут с весны самой, еще снежок не растает, и до осени поздней, а потом под снежком спят. При болезнях сердца они помогают. Засушить их на солнышке надо, да и заварить тут же. Тогда и сердечко болеть и колоть перестанет. А все из-за травок этих хороших, дружных.*

Производное **свербигуз** относится к непродуктивному сегодня в русском литературном языке типу (дериват относится к словообразовательному типу, в котором опорным компонентом выступает существительное с предшествующей частью, омонимичной форме повелительного наклонения глагола), что затрудняет формулирование его индивидуально-мотивационного значения в дискурсивной деятельности носителей языка, поэтому при идентификации данного знака происходит опора, прежде всего, на звукобуквенный комплекс производного.

4. Результаты исследования. Выводы

Таким образом, на актуализацию полимотивации при идентификации дериватов, т.е. на возможность выделения и далее интенсивного осмысления отсылочной части производного слова, влияют, с одной стороны, характеристики словообразовательного типа, к которому относится производное (особенно его системная продуктивность), а с другой – место производной единицы в структуре словообразовательного типа (принадлежность к центральной или периферийной семантической теме). Так, если словообразователь-

ный тип, к которому относится производное, является системно-продуктивным, а языковой знак, образованный по его модели, относится к центральной семантической теме, то данные характеристики способствуют осознанному восприятию словообразовательной структуры производного, а также четкой выраженности лексико-словообразовательного значения деривата в метатекстах информантов. Соответственно, в процессе идентификации такого слова-стимула увеличивается возможность привлечения созвучных по основе конкретизаторов. Так, по результатам эксперимента полимотивация использовалась в 44 случаях по отношению к производному *красноголовник*, который относится к продуктивному типу, соответствующему всем критериям системной продуктивности, в 21 – по отношению к деривату *медуница*, в 11 – при идентификации фитонима *девятильник*, 12 раз – относительно производного *рекостав* и всего 6 раз – *свербигуз*. Кроме того, продуктивность словообразовательного типа определяет типизированность реакций, как в случае с фитонимом *красноголовник*. Отнесенность производного к непродуктивному словообразовательному типу приводит к увеличению нетривиальных контекстов; ср. приведенные выше примеры относительно производных *девятильник*, *рекостав*, *свербигуз*. Следует отметить, что непродуктивность словообразовательного типа, к которому, например, относится производное *медуница*, может компенсироваться его взаимодействием с более продуктивным типом, что обеспечивает достаточно высокую степень членимости производного, с точки зрения участников эксперимента, и способствует появлению полимотивации.

Литература

1. Катыхов П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
2. Катыхов П.А. Полимотивация – проявление детерминанты русского языка (на материале дискурсивной деятельности носителей диалектного и русского языка) // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 488–494.
3. Катыхов П.А. Полимотивация в свете системной лингвистики // III Международные Бодуэновские чтения. Казань, 2006. Т. 2. С. 59–61.
4. Катыхов П.А. Полимотивированность деривата в системологическом освещении // Язык в контексте гуманитарных знаний. В. Новгород, 2008. С. 37–47.
5. Катыхов П.А., Оленев С.В. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики // Сиб. филол. журн. 2010. № 4. С. 191–199.
6. Соколова С.К. Структурная детерминанта полимотивации производных фитонимов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 327. С. 31–33.
7. Соколова С.К. Агглютинативность / фузионность как структурная детерминанта полимотивации деривата // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34. Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 110–118.
8. Соколова С.К. Степень членимости деривата как детерминанта полимотивации // Сиб. филол. журн. 2009. № 4. С. 131–136.
9. Соколова С.К. Поли-/мономорфемность как детерминанта полимотивации дериватов // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2012. № 4, т. 4. С. 155–159.
10. Соколова С.К. Полимотивация деривата в аспекте влияния его структурных свойств на речемыслительную деятельность носителей русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. 230 с.

11. Оленев С.В. Экспериментальное исследование механизмов осмысления незнакомого слова (к вопросу о взаимовлиянии синтактики языка и языковой личности) // *Вопр. когнитивной лингвистики*. Тамбов, 2010. № 1 (022). С. 88–98.
12. Морковин В.В., Морковина А.В. Русские агнонимы: Слова, которые мы не знаем. М., 1997.
13. Оленев С.В. Моделирование динамики русской языковой личности. Томск: Изд-во Том. пед. ун-та, 2008.
14. Араева Л.А. Словообразовательный тип. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
15. Евсеева И.В. Словообразовательный тип: антропоцентрический подход. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2005.
16. Евсеева И.В. Словообразовательный тип: когнитивное моделирование / *Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева*. 2011. Т. 2, № 3. С. 70–75.
17. Проскурина А.В. Внутренняя форма словообразовательного типа (на материале русских народных говоров). Кемерово, 2010.
18. Шумилова А.А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка). Кемерово, 2010.
19. Евсеева И.В. Явление полимотивации в структуре словообразовательного типа // *Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманит. науки*. Красноярск, 2000. № 2. С. 96–99.
20. Араева Л.А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1990.
21. Ким Л.Г. Словообразовательный тип и значение производного слова // *Производное слово и способы его формирования*. Кемерово, 1990. С. 49–56.
22. *Русская грамматика* [Электронный ресурс]. URL: // <http://rusgram.narod.ru/>

ON DEPENDENCE OF POLYMOTIVATION OF THE DERIVATIVE ON EFFICIENCY OF THE WORD-BUILDING TYPE (ON THE MATERIAL OF A PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 71–83. DOI: 10.17223/19986645/40/5

Sokolova Svetlana K., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: sokolova.82@list.ru

Keywords: derivative polymotivation, efficiency of word-building type, determinant of speech activity.

The article develops the idea of the systemic nature of polymotivation. Polymotivation is seen as a strategy of speech activity of subjects which is aimed at disclosure of the semantic potential of the derived word. This strategy is realized through the replacement of an initial derivative with a set of other words which can enter both one and several judgments. It is noted that the nature of speech activity directed on the disclosure of the semantic potential of the derivative word depends on the main and accompanying determinant. The structural determinant is allocated as one of accompanying determinants. Studying this determinant allowed making an assumption of the dependence of native speakers' speech activity on the properties of a derivative structure. Research is conducted on the material of a psycholinguistic experiment whose purpose was to determine the dependence of features of Russian native speakers' speech activity on structural characteristics of derivative word stimuli. Five derivatives (krasnogolovnik, medunitsa, devyatilnik, rekostav and sverbiguz) offered to informants as word stimuli have different structural properties which can promote the choice of the strategy of disclosure of a language image of the cognizable word. In the article such a structural characteristic of the derivative as specifics of the word-building type this derivative belongs to is considered. Results of the research show that characteristics of the word-building type the derivative belongs to (especially its system efficiency) and the place of the derivative unit in the structure of the word-building type (belonging to the central or peripheral semantic theme) influence the actualization of polymotivation when identifying derivatives, i.e. the possibility of identification and intensive comprehension of the referential part of the derivative word. Thus, if the word-formation type the derivative belongs to is systemically productive, and the language sign formed by its model belongs to the central semantic theme, these characteristics promote conscious perception of the word-building structure of the derivative. Respectively, in the course of identification of such a derivative the possibility of polymotivation use as the main speech strategy increases.

References

1. Katyshev, P.A. (2005) *Polimotivatsiya i smyslovaya mnogomernost' slovoobrazovatel'noy formy* [Polymotivation and semantic multidimensionality of the word-building form]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Katyshev, P.A. (2006a) Polimotivatsiya – proyavlenie determinanty russkogo yazyka (na materiale diskursivnoy deyatel'nosti nositeley dialektного i russkogo yazyka) [Polymotivation as a manifestation of the determinant of the Russian language (on the material of the discursive activity of dialect and Russian language speakers)]. In: *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian philology]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. Katyshev, P.A. (2006b) [Polymotivation in the light of systemic linguistics]. *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya* [III International Boduen Readings]. Vol. 2. Kazan. pp. 59–61. (In Russian).
4. Katyshev, P.A. (2008) Polimotivirovannost' derivata v sistemologicheskom osveshchenii [Polymotivation of the derivative in systemological light]. In: *Yazyk v kontekste gumanitarnykh znaniy* [Language in the context of humanitarian knowledge]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University.
5. Katyshev, P.A. & Olenev, S.V. (2010) Vliyanie sintaktiki yazyka na yazykovuyu lichnost' kak problema ritoricheskoy kritiki [Effect of language syntactic on the language personality as a problem of rhetorical criticism]. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal – Siberian Philological Journal*. 4. pp. 191–199.
6. Sokolova, S.K. (2009) The structural determinant of polymotivation of the plant name derivative. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 327. pp. 31–33. (In Russian).
7. Sokolova, S.K. (2009a) Agglutinativnost' / fuzionnost' kak strukturnaya determinanta polimotivatsii derivata [Agglutinative / fusional features as a structural determinant of polymotivation of the derivative]. *Vestnik Chelyabinskogo gos.universiteta. Filologiya. Iskuststvedenie*. 34. pp. 110–118.
8. Sokolova, S.K. (2009b) Stepen' chlenimosti derivata kak determinanta polimotivatsii [The degree of dividedness of the derivative as polymotivation determinant]. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal – Siberian Philological Journal*. 4. pp. 131–136.
9. Sokolova, S.K. (2012) Simplicity / complexity of the morphemic structure as a determinant of derivatives' polymotivation. *Vestnik Kemerovskogo gos.universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4–4 (52). pp. 155–159. (In Russian).
10. Sokolova, S.K. (2011) *Polimotivatsiya derivata v aspekte vliyaniya ego strukturnykh svoystv na rechemyslitel'nyu deyatel'nost' nositeley russkogo yazyka* [Polymotivation of the derivative in the aspect of its influence on the structural properties of the speech and thinking activity of Russian speakers]. Philology Cand. Diss. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
11. Olenev, S.V. (2010) Eksperimental'noe issledovanie mekhanizmov osmysleniya neznakomogo slova (k voprosu o vzaimovliyani sintaktiki yazyka i yazykovoy lichnosti) [An experimental study of mechanisms of understanding unfamiliar words (on the interaction of language syntactic and language personality)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (022). pp. 88–98.
12. Morkovkin, V.V. & Morkovkina, A.V. (1997) *Russkie agnonimy: Slova, kotorye my ne znaem* [Russian agnonyms: Words that we do not know]. Moscow: Astra sem'.
13. Olenev, S.V. (2008) *Modelirovanie dinamiki russkoy yazykovoy lichnosti* [Modeling the dynamics of the Russian language personality]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
14. Araeva, L.A. (2009) *Slovoobrazovatel'nyy tip* [The word-building type]. Moscow: LIBROKOM.
15. Evseeva, I.V. (2005) *Slovoobrazovatel'nyy tip: antropotsentricheskyy podkhod* [Word-building type: an anthropocentric approach]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
16. Evseeva, I.V. (2011) *Slovoobrazovatel'nyy tip: kognitivnoe modelirovanie* [Word-building type: cognitive modeling]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2:3. pp. 70–75.
17. Proskurina, A.V. (2010) *Vnutrennyaya forma slovoobrazovatel'nogo tipa (na materiale russkikh narodnykh govorov)* [Internal form of the word-building type (based on the Russian folk dialects)]. Kemerovo.
18. Shumilova, A.A. (2010) *Sinonimiya kak mental'no-yazykovaya kategoriya (na materiale leksicheskoy i slovoobrazovatel'noy sinonimii russkogo yazyka)* [Synonymy as a mental-linguistic category (based on lexical and derivational synonyms of Russian)]. Kemerovo.

19. Evseeva, I.V. (2000) Yavlenie polimotivatsii v strukture slovoobrazovatel'nogo tipa [Polymotivation in the structure of a word-building type]. *Vestnik KrasGU. Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 96–99.
20. Araeva, L.A. (1990) *Paradigmaticheskie otnosheniya na slovoobrazovatel'nom urovne* [Paradigmatic relations in the word-building level]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
21. Kim, L.G. (1990) Slovoobrazovatel'nyy tip i znachenie proizvodnogo slova [Word-building type and meaning of the derivative]. In: Yantsenetskaya, M.N. (ed.) *Proizvodnoe slovo i sposoby ego formirovaniya* [Word derivative and ways of its formation]. Kemerovo: Kemerovo State University.
22. Russian Grammar. [Online]. Available from: <http://rusgram.narod.ru/>. (In Russian).

УДК 81'366.58

DOI: 10.17223/19986645/40/6

Т.И. Стексова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СЕМАНТИКОЙ НАПРАСНОСТИ)

Статья посвящена одной из малоизученных факультативных модусных категорий. Предметом исследования является частный случай проявления субъективного смысла в высказывании – напрасности. Рассматриваются место этой категории в кругу смежных, а также частные значения напрасности, способы их выражения и особенности функционирования данной семантики в высказываниях. Цель статьи – выявить и проанализировать закономерности взаимодействия частного значения напрасности и грамматической глагольной категории времени. Приводятся статистические данные частотности употребления маркеров субъективного смысла в сочетаниях с глаголами в разных формах. Высказывается и обосновывается утверждение о том, что прагматика обуславливает выбор формы глагола. Фиксируется жанровая ограниченность высказываний с семантикой напрасности.

Ключевые слова: высказывание, грамматика, семантика, модусная категория, прагматика, взаимодействие, функционирование.

Как известно, высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоит в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности соединится с информацией субъективной – идущей от говорящего и момента общения. Поэтому внимание современных лингвистов привлекает субъективный аспект высказывания, или, используя терминологию Ш. Балли, модус [1]. В русистике уже была предпринята вполне успешная попытка выделить все возможные субъективные смыслы, которые формируют модус-потенциал высказывания, систематизировать их, представив в виде комплекса обязательных и факультативных модусных категорий [2, 3]. Многие субъективные смыслы, в первую очередь обязательные (авторизация, персуазивность), уже подробно исследованы в русском языке [4]. Описаны в лингвистической литературе и некоторые факультативные модусные смыслы: оценочность [5], странность [6], невольность осуществления [7], вынужденность действия [8] и др. Уже отмечалась принципиальная возможность разных способов взаимодействия диктума с факультативными модусными категориями.

Некоторые из них, такие как странность, оценочность, образуют модальную рамку, внутри которой сообщается диктумная информация: *Странно, что он не позвонил. Хорошо, что он пришел.* В других случаях модусная квалификация информации, такая как невольность осуществления или вынужденность действия, не образуя модальной рамки, может встраиваться внутрь диктума [9].

К подобным модусным смыслам относится и **напрасность**, под которой мы понимаем квалификацию говорящим события или мнения как совершенно-

го/совершающегося **напрасно, зря**. Он *напрасно* позвонил ей. Пропозиция действия: X позвонил Y. Лексема *напрасно*, встраиваясь в диктумное содержание, выражает субъективное отношение говорящего к названному объективному событию, т.е. выражает субъективный модальный смысл. Итак, **напрасность** рассматривается как факультативная кваликативная модусная категория, более подробное обоснование такого понимания изложено в работах [10, 11].

Этот модальный смысл связан с понятием деятельности как таковой и действия в частности. А.Н. Леонтьев указывает на два обязательных компонента любой деятельности человека: наличие мотива и цели, причем подчеркивает, что «деятельности без мотива не бывает; «немотивированная» деятельность – это деятельность не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом» [12. С. 48]. Целенаправленное действие в норме всегда целесообразно, так как предполагает, что субъект этого действия предпринимает определенные усилия, чтобы действие успешно осуществилось. Употребление говорящим лексем, которые указывают, что «этап обдумывания действия был пройден субъектом неадекватно» (неосторожно, неосмотрительно, опрометчиво и под.), и лексем, «констатирующих, что выбранный субъектом способ достижения желаемого является неверным» (бессмысленно, бесполезно, бесперспективно), свидетельствует о нецелесообразности действия [13. С. 63]. Значение целесообразности/нецелесообразности действия выделяется не всеми лингвистами по той причине, что оно чаще всего синкретично с другими модальными значениями [14. С. 13]. Представляется, что категория нецелесообразности действия тесно связана и с модусным значением напрасности. Однако понятие нецелесообразности гораздо шире понятия напрасности. Любое напрасное действие является нецелесообразным, в то время как не всякое нецелесообразное действие оказывается напрасным.

Действие, оцененное говорящим как напрасное, может являться таковым по разным причинам. Описывая лексическое значение лексемы «напрасно», Анна А. Зализняк [15, 16] выделяет три частных случая:

- неэффективность действия, безрезультатность;
- ошибочность мнения;
- оценочность.

Ср. примеры:

1. *Томительно-призывно и напрасно*

Твой чистый луч передо мной горел;

Немой восторг будил он самовластно,

Но сумрака кругом не одолел (А. Фет). Напрасно, т.е. безрезультатно.

2. «*Напрасно не предложил вдвоём поехать в санаторий*», – *выходя из комнаты, укорил себя Павел Алексеевич* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый мир, 2000] Напрасно, т.е. ошибочно.

3. *Напрасно!*

Куда ни взгляну я, встречаю везде неудачу,

И тягостно сердцу, что лгать я обязан всечасно;

Тебе улыбаюсь, а внутренне горько я плачу,

Напрасно (А. Фет).

Представляется, что значение оценочности – неотъемлемая составная часть всей семантики напрасности (хотя и не равная ей по объему), поэтому выделение третьего случая, на наш взгляд, неправомерно.

Отметим, что если в первых дух примерах семантика напрасности выражена наречиями, то в последнем – предикативом (словом категории состояния). Семантика напрасности может выражаться большим кругом языковых средств, в качестве маркеров можно назвать синонимичные лексемы: *понапрасну, даром, зря, впустую, безрезультатно, бесполезно, тщетно, бесплодно, попусту* и др., а также различные фразеологические сочетания с той же семантикой: *псу под хвост; метать бисер перед свиньями* и под. В статье же ограничимся анализом только трех наречий: **напрасно, тщетно, зря**, которые представляются ядерными, основными средствами выражения.

С точки зрения используемой Е.М. Вольф классификации типов существующих оценок высказывания с семантикой напрасности могут трактоваться как высказывания с интеллектуально-логической оценкой, так как говорящий всегда опирается на какие-либо собственные или социальные стереотипы [5. С. 15]. Итак, если под действием (физическим или ментальным) понимать «процесс, подчиненный сознательной цели» [12. С. 48], то действие, не достигшее нужной цели или не принесшее ожидаемого результата, будет оцениваться говорящим как напрасное, безрезультатное. Действия, а также неконтролируемые состояния могут постфактум оцениваться как ошибочные.

Семантическим стержнем напрасности является понятие результативности действия. Напрасное действие, всегда имеющее отрицательную коннотацию, отсылает нас на противоположный полюс шкалы результативности, т.е. к антирезультативности и безрезультатности. Понятие антирезультативности имеет более широкое значение и в этом смысле понимается как показатель нарушенной результативной фазы [17, 18]. Под результативной фазой понимается процесс протекания любого действия от своей начальной точки до какого-либо результирующего состояния, которое может возникнуть или не возникнуть. Соответственно, нарушение результативной фазы может произойти в разных моментах протекания действия. Поэтому частные значения напрасности напрямую зависят от результата того или иного действия, а также момента его квалификации говорящим. В условиях определенной коммуникативной ситуации происходит актуализация того или иного значения. Подобная актуализация может происходить по двум параметрам: для говорящего оказывается важнее подчеркнуть сам процесс действия как не имеющий достаточных оснований, причин (т.е. ошибочный) или же оценить его результат с точки зрения достижения/недостижения поставленной цели (т.е. безрезультатность). Одним из вариантов безрезультатной ситуации является значение конативной безрезультатности. Под конативностью понимается стремление, попытка достичь положительного результата действия [19]. В высказываниях семантика конативной безрезультатности очень часто подчеркивается языковыми средствами, принадлежащими к разным частям речи с семой «попытка», «усилие»: существительными (*попытка, усилие*), глаголами (*пытаться, силиться, тщиться*), а также глаголами с отрицанием (*не удалось*), наречиями (*безрезультатно, бесполезно*). Безрезультатность не всегда сопровождается конативным значением. Если актуализации конативности не про-

исходит, на первый план выходит мотивировка безрезультатного действия: *К Лебедеву отсылать бесполезно – все равно отфутболит обратно* (А. Митьков). Вторая предикативная единица называет причину, по которой действие, названное в первой предикативной единице, представляется говорящему безрезультатным.

О семантике напрасности нельзя говорить без учета грамматического аспекта. На взаимодействие модальных, субъективных смыслов с другими категориями лингвисты неоднократно уже указывали [20]. Рассматривались проблемы, связанные с условиями реализации отдельных модусных значений; взаимосвязь модальности с другими функционально-семантическими категориями (субъектностью, таксисом, темпоральностью и др.).

Сбор языкового материала с семантикой напрасности производился с помощью Национального корпуса русского языка. Анализ этого материала показал, что синонимы **напрасно**, **тщетно**, **зря** функционируют по-разному, отличаются частотностью употребления в сочетаниях с глаголами в разных формах времени и лица. Поэтому возник вопрос: чем обусловлены эти различия в функционировании? Как взаимодействуют семантика и грамматика? В статье [21] рассматриваются варианты соотношения субъекта речи, субъекта действия и субъекта модусной квалификации действия как напрасного. Высказывается предположение о частотности несовпадения субъекта действия и субъекта оценки и о связи частного значения с объектом квалификации.

В данной статье рассмотрим взаимодействие с категорией времени. Национальный корпус русского языка дает следующую статистическую информацию:

- 1 439 примеров в 1017 документах, где наречие *напрасно* сочетается с глаголом в настоящем времени;
- 197 примеров в 176 документах, где данное слово сочетается с глаголом в будущем времени;
- 2 295 вхождений в 1 332 документах, где *напрасно* сочетается с глаголом прошедшего времени.

Такая статистика вполне закономерна. Оценить какое-либо действие, положение дел в действительности как безрезультатное или ошибочное можно постфактум. Именно поэтому наиболее частотным является сочетание с глаголами в прошедшем времени. Причем значение безрезультатности чаще всего реализуется в сочетаниях с глаголами в прошедшем времени:

Напрасно уверял и успокаивал себя – ибо в душу уже вселилась тревога [Анатолий Азольский. Лопушок // Новый Мир, 1998].

Реже, но вполне допустима реализация этого значения в сочетаниях с глаголами в будущем времени:

- *Но напрасно будем мы искать в книге Ростопцкого упоминание о Мейерхольде* (Ю. Елагин. Темный гений, 1998).
- – *Только лошадь напрасно заморит...* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат, 1895].

Эта возможность будущего времени объясняется тем, что данные высказывания представляют собой предупреждение или предостережение, говорящий знает, предвидит и предупреждает о безрезультатности планируемого действия. В первом примере говорящий точно знает, что в книге нет упоминания

нения о Мейерхольде (он ее уже прочитал, и хотя используется местоимение *мы*, говорящий предупреждает своих читателей), во втором – говорящий опирается на свой жизненный опыт, позволяющий предполагать развитие событий в подобных ситуациях в будущем. Таким образом, использование формы будущего времени прагматически обусловлено. Хотя в словарях лексемы *предупреждение* и *предостережение* толкуются одно через другое (МАС: предупреждение – 2. *То, что заключает в себе предостережение*), жанры предупреждения и предостережения все-таки различаются. Предупреждать можно как о каком-то позитивном событии, так и о событии, которое оценивается говорящим негативно. Предостережение же всегда связано с негативной оценкой предстоящего события. Так, Л.А. Бирюлин включает в число императивных высказываний со стандартной семантикой побуждения высказывания со значением превентива, в которых выражается предостережение, адресованное некоторому лицу, предложение проявить осмотрительность и не совершить действие, способное нанести ущерб или вред этому лицу или каким-либо третьим лицам [22].

Значение ошибочности реализуется в высказываниях с глаголами во всех временных формах, возможно и настоящее время:

- *Напрасно говорят, что гольф, мол, элитный вид спорта и в него играют только богатые* (Николай Зуев. Девчонки, которых клюшки не пугают, 2002 // «100% здоровья». 2002. 11 нояб.).

- *В результате, считают экономисты, страна напрасно тратит как минимум 600 миллионов долларов, что составляет треть бюджета высшего образования* (Ирина Мельникова. Школа выживания, 2003 // Итоги, 2003. 2 нояб.).

В первом примере говорящий оценивает речевое действие как необоснованное, ошибочное. В подобных случаях трансформация временной формы глагола (*говорят – говорили – будут говорить*) не меняет модусного значения. Второй пример и подобные ему также реализуют семантику необоснованности, ошибочности действия, которое может быть названо глаголами и настоящего, и прошедшего времени. Ошибочность действия можно зафиксировать как в процессе этого действия, так и после его завершения.

Таким образом, взаимодействие модусных значений с глагольной категорией времени можно схематично представить следующим образом:

Значение	Настоящее время	Будущее время	Прошедшее время
безрезультатность	–	+	+
ошибочность	+	+	+

Если сопоставить эти данные со статистическими данными Национального корпуса русского языка, то бросается в глаза некоторое несоответствие: при том, что сочетание *напрасно* + *Vfut* может выражать и безрезультатность, и ошибочность, оно наименее частотное. Представляется, что этот факт можно объяснить жанровой ограниченностью: такие сочетания возможны только в жанрах предупреждения и предостережения.

Оба частных значения напрасности имеют отрицательную коннотацию в сознании говорящего. Интересно отметить, что в словарной статье «Русского

ассоциативного словаря» (2002) реакции на слово *напрасно* связаны чаще всего с глаголами, которые обозначают действия с определенными усилиями: *стараться, пытаться*, т.е. со значением безрезультатности. Стимулы же, вызвавшие в качестве реакции лексему *напрасно*, – глаголы *обещать, ждать, надеяться, тратить*, которые связываются в сознании говорящих с обманом, неоправданными надеждами, т.е. чаще реализуют семантику ошибочности.

Тщетно

Наречие *тщетно* является синонимичным наречию *напрасно* в первом значении (безрезультатно): *Зубр крутил бинокль, тщетно пытаясь что-то высмотреть* (Даниил Гранин. *Зубр*, 1987). Но в функционировании этих синонимов есть существенные различия.

В Национальном корпусе русского языка зафиксировано 748 примеров сочетания данного наречия с глаголом в наст. вр.: *Алексей Алексеевич, я тщетно прошу вызвать из Казани Вайснэпир, она незаменимый специалист по ядерной фотографии*. (Василий Гроссман. *Жизнь и судьба*. Ч. 2).

33 случая сочетаний с глаголом в буд. вр.: *На таких лампах вы **тщетно** будете искать выключатель — они загораются сами, «чувствуя» приближение хозяина*. (Мария Русанова. *До лампочки*, 2004) // *Парадокс*, 2004. 5 янв.].

1258 примеров сочетаний с глаголом в прош. вр.: *После Арнольда я тщетно пытался найти режиссёра* (И.Э. Кио. *Иллюзии без иллюзий*, 1995–1999).

Безоговорочное преобладание сочетаний с глаголами в прош. вр. вполне логично: действие оценивается как безрезультатное после его совершения. Также вполне объяснимо и малое количество сочетаний с глаголами в буд. вр. жанром предостережения. Интерес представляют примеры с глаголами в наст. вр. С одной стороны, нельзя считать действие безрезультатным до его завершения, с другой стороны, статистика показывает большую частотность таких сочетаний по сравнению с буд. вр. Анализ примеров позволяет предположить, что сочетание *тщетно* + глагол в наст. вр. возможно в тех случаях, когда речь идет о неоднократном действии: *тщетно прошу* = безрезультатно просил несколько раз и продолжаю просить.

Ср.: *Все люди виноваты перед матерью, потерявшей на войне сына, и **тщетно пробуют** оправдаться перед ней на протяжении истории человечества* (Василий Гроссман. *Жизнь и судьба*. Ч. 1).

Наст. вр. не имеет в таких примерах значения актуального настоящего.

Итак, если наречия *напрасно* (в знач. «безрезультатно») и *тщетно* одинаково легко сочетаются с глаголами в прош. вр., возможность сочетания с глаголами в наст. вр. зафиксирована только для наречия *тщетно*.

Значение	Настоящее время	Будущее время	Прошедшее время
безрезультатность	+	+	+

Зря

Лексема *зря* реализует семантику напрасности в двух значениях: и безрезультатность, и ошибочность. Ср:

Вчера пошли узнать про курсы англ. около дома – так Ваня всю дорогу твердил – запишите меня – ходить не буду, учить не буду, вы зря потратите деньги... (Наши дети: Подростки, 2004) = безрезультатно.

А пиено можно продать военным, железнодорожникам, на горючее обменять. Так что рушилку зря отдаёте. Чем так торговать, как говорится, лучше уж воровать (Борис Екимов. Пиночет, 1999) = ошибочно.

По данным Национального корпуса русского языка данное наречие сочетается с глаголами в формах наст., прош. и буд. вр.

Так, на сочетание с глаголом наст. вр. зафиксировано 702 примера; с глаголами прош. вр. – 875 примеров; с глаголами буд. вр. – 98 примеров.

Сочетания с глаголом в наст. вр. реализуют семантику и безрезультатности, и ошибочности.

– Но, кажется, я зря сотрясаю воздух. Ты меня не слушаешь (Мариам Петросян. Дом, в котором... 2009) = безрезультатно.

Симпатичная стюардесса не стала призывать его к порядку, а лишь мило улыбнулась: – Вы зря спешите. Трап подадут минуты через три. (Сергей Романов. Парламент, 2000) = ошибочно.

Сочетания с глаголами в прош. вр. чаще реализуют семантику ошибочности:

Всё хорошо прошло, только зря я волновалась (Наши дети: Подростки, 2004).

Пригорюнившийся Женовач и ещё более пригорюнившаяся театральная Общественность решили, что хорошего много не бывает. Зря решили. Дружную «свою» команду Женовач неожиданно нашёл в Малом, что почти чудо (Ольга Романцова. Сергей Женовач. Театр не может быть индивидуальным, 2003) // Известия, 2003. 30 янв).

Реализация семантики безрезультатности в прош. вр. менее частотна:

Ей-то бы не пришло в голову упрекать, судить, казнить себя за то, что зря потратила свою жизнь (И. Грекова. Фазан, 1984).

Более частотны примеры сочетания с этой семантикой с отрицанием:

Сочинить раз в жизни такую песню – тогда можно было бы и умереть: не зря жил. (И. Грекова. Фазан, 1984).

Сочетания с глаголами в буд. вр. способны выразить и безрезультатность, и ошибочность: *Нет, сейчас не надо ехать на вокзал, только зря скатаюсь, лучше завтра* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки, 2004) = безрезультатно.

– Нет, лучше пусть меня обманут, чем я зря обижу кого-то, – настаивала Панкратова, которая с младенчества привыкла в интернате к тому, что ее любят только тогда, когда она ко всем добра и «хорошо себя ведет» (Петр Акимов. Плата за страх, 2000) = ошибочно.

Небольшое количество зафиксированных примеров можно объяснить тем, что данная форма жанрово ограничена, она функционирует только в жанре предположения или предостережения.

Значение	Настоящее время	Будущее время	Прошедшее время
безрезультатность	+	+	(+)
ошибочность	+	+	+

Таким образом, можно отметить, что семантика напрасности определяет возможность и частотность сочетания с глаголами в разных временных формах. Синонимичные лексемы *напрасно*, *тщетно* и *зря*, являющиеся маркерами модуса напрасности, имеют свои особенности в функционировании: так, для обозначения безрезультатности действия используются маркеры *тщетно* и *зря* в сочетании с глаголами в форме настоящего, будущего и прошедшего времени, а маркер *напрасно* только в сочетании с глаголом в форме настоящего и будущего времени. Значение ошибочности действия маркируется наречиями *напрасно* и *зря* в сочетании с глаголами во всех временных формах. Прагматическая обусловленность выбора глагольной формы проявляется, в частности, в жанровой ограниченности высказывания.

Литература

1. Балли Ш. Язык и жизнь. М., 2003.
2. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск, 1988.
3. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
6. Пушкарева О.В. Модальность странного: взгляд сквозь призму авторского сознания Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
7. Стеклова Т.И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002.
8. Лесонен Н.В. Высказывания с семантикой вынужденного действия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008.
9. Стеклова Т.И. Внутрипропозиitivность модальной семантики «невольность осуществления» // Вopr. русского языкознания. Вып. 12: Традиции и тенденции в современной грамматической науке. М., 2005.
10. Стеклова Т.И. «Напрасность» как факультативная модусная категория // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: сб. ст. Всерос. науч. конф. Т. 1. Уфа, 2012.
11. Стеклова Т.И. Высказывания с семантикой напрасности в русском языке // Croatica et Slavica Iadertina VIII/II. Zadar, 2012.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
13. Труб В.М. Лексика целесообразной деятельности // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993. С. 58–66.
14. Романова В.Н. Выражение модального значения целесообразности/нецелесообразности действия в односоставных глагольных предложениях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
15. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, М., 2003.
16. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вopr. языкознания. М., 2002. С. 20–45.
17. Плунгян В.А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. М., 2001. Вып. 1. С. 111–151.
18. Плунгян В.А. К определению результата // Вopr. языкознания. 1989. № 6. С. 124–149.
19. Баранова Н.А. Средства выражения конативной безрезультатности в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.

20. *Модальность* в ее связях с другими категориями: межвуз.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.

21. Стеклова Т.И. Соотношение субъекта действия и субъекта модусной квалификации в высказываниях с семантикой напрасности // Урал. филол. вестн. Вып. 4: материалы Всерос. семинара с междунар. участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей». Екатеринбург, 2015.

22. Бирюлин Л.А. Семантика превентива // Функциональный анализ языковых единиц. М., 1989. С. 54–71.

THE INTERACTION OF GRAMMATICAL AND SEMANTIC CATEGORIES IN SENTENCES WITH THE SEMANTICS OF VAIN

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 84–93. DOI: 10.17223/19986645/40/6

Steklova Tatiana I., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: steklova@inbox.ru

Keywords: utterance, grammar, semantics, modus category, pragmatics, functioning, interaction.

The article is devoted to one of the little-known modus optional categories. The subject of research is a special case of manifestation of subjective meaning in the sentence – vain. The author considers this subjective meaning as an optional qualification category which can be expressed in the sentence by various lexical means. The feature of this category is that it does not form a modal framework, and is embedded inside of dictum. The category under study is directly related to the concepts of intellectual and logical negative assessment and the appropriateness / inappropriateness of the action. The semantic core of **vain** is the notion of the effectiveness of the action. In the article the author analyzes the main means of expression (lexemes *vainly*, *futile*, *in vain*) and reveals the particular meanings of **vain**: the failure and the fallacy of actions, ways of their expression and functioning of this semantics in statements.

In an earlier article the author considers the correlation of the subject of speech, the subject of the action and the subject of the modus of qualification of the action as vain. The author suggested that the frequency mismatch of the actor and the subject of assessment corresponds with the qualification object.

The purpose of the article is to identify and analyze patterns of interaction between the private value of vain and the grammatical category of time. The author gives statistical data of the frequency of use of markers of subjective meaning in combinations with verbs in different forms according to the Russian national corpus (ruscorpora.ru). Unconditional predominance of combinations with verbs in the past tense is logical: the action is assessed as inconclusive or wrong after its commission. The small number of combinations with verbs in the future tense is also quite understandable, since the forms of the future tense of the verb are possible only in the genre of caveats. The combination with verbs in the present tense is only possible in the case when we are talking about a repeated action, or when there is a neutralization of time. Synonymous lexemes, which are the markers of the modus of vain, have their own characteristics in the functioning. To indicate the futility of the action markers **tshchetno** and **zrya** are used in combination with verbs in the present, future and past tense, and the marker **naprasno** is used only in combination with the verb in the present and the future.

The meaning of the error of the action is marked by adverbs **naprasno** and **zrya** in combination with verbs in all temporal forms. The author expresses and substantiates the claim that pragmatics determines the choice of verb forms. The author captures the genre limitations of statements with the semantics of vain.

References

1. Bally, Ch. (2003) *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Translated from French. Moscow: URSS.
2. Shmeleva, T.V. (1988) *Semanticheskiy sintaksis: tekst lektsiy* [Semantic syntax: lectures]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
3. Shmeleva, T.V. (1995) *Sub'ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya* [Subjective aspects of a Russian utterance]. Philology Dr. Diss. Moscow.
4. Zolotova, G.A. (1973) *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka.
5. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation].

Moscow: Nauka.

6. Pushkareva, O.V. (1998) *Modal'nost' strannogo: vzglyad skvoz' prizmu avtorskogo soznaniya Pushkina* [Modality of the strange: a look through the prism of the author's consciousness of Pushkin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.

7. Steksova, T.I. (2002) *Semantika nevol'nosti v russkom yazyke: znachenie, vyrazhenie, funktsii* [Semantics of non-liberty in the Russian language: meaning, expression, functions]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

8. Lesonen, N.V. (2008) *Vyskazyvaniya s semantikoy vynuzhdenного deystviya v sovremenном russkom yazyke* [Statements with the semantics of forced actions in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

9. Steksova, T.I. (2005) *Vnutripropozitivnost' modal'noy semantiki "nevol'nost' osushchestvleniya"* [Internal positivity of the modal semantics of "non-liberty of implementation"]. *Voprosy russkogo yazykoznanija*. 12.

10. Steksova, T.I. (2012) ["Vain" as an optional modus category]. *Prioritety sovremennoy rusistiki v osmyslenii yazykovogo prostranstva* [Priorities of contemporary Russian studies in understanding the language space]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Vol. 1. Ufa: Bashkir State University. (In Russian).

11. Steksova, T.I. (2012) *Vyskazyvaniya s semantikoy naprasnosti v russkom yazyke* [Statements with the semantics of vain in the Russian language]. *Croatica et Slavica Iadertina*. VIII/II.

12. Leont'ev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.

13. Trub, V.M. (1993) *Leksika tselesoobraznoy deyatelnosti* [Vocabulary of purposeful activities]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: mental'nye deystviya* [Logical analysis of language: mental actions]. Moscow: Nauka.

14. Romanova, V.N. (2008) *Vyrazhenie modal'nogo znacheniya tselesoobraznosti/netsellesoobraznosti deystviya v odnosostavnykh glagol'nykh predlozheniyakh* [Expression of the modal meaning of expediency / in expediency of actions in mononuclear verb sentences]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

15. Zaliznyak, A.A. (2003) *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Ambiguity in the language and methods of its presentation]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

16. Zaliznyak, A.A. (2002) *Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisaniya* [The ambiguity phenomenon and ways to describe it]. *Voprosy yazykoznanija*. pp. 20 – 45.

17. Plungyan, V.A. (2001) *Antirezul'tativ: do i posle rezul'tata* [Anti-resultative: before and after the result]. In: Plungyan, V.A. (ed.) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Plungyan, V.A.]. Vol. 1. Moscow: Russkiye slovari.

18. Plungyan, V.A. (1989) *K opredeleniyu rezul'tativa* [Defining the resultative]. *Voprosy yazykoznanija*. 6. pp. 124–149.

19. Baranova, N.A. (2005) *Sredstva vyrazheniya konativnoy bezrezul'tatnosti v nemetskom yazyke* [Means of expressing conative futility in German]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.

20. Matkhanov, I.P. (ed.) (1992) *Modal'nost' v ee svyazyakh s drugimi kategoriymi* [Modality in its relations with other categories]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.

21. Steksova, T.I. (2015) *Sootnoshenie sub'ekta deystviya i sub'ekta modusnoy kvalifikatsii v vyskazyvaniyakh s semantikoy naprasnosti* [The ratio of the subject of the action and the subject of modus qualification in utterances with the semantics of vain]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik*. 4.

22. Biryulin, L.A. (1989) *Semantika preventiva* [Semantics of the preventive]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Funktsional'nyy analiz yazykovykh edinits* [Functional analysis of linguistic units]. Moscow: Institute of Linguistics, USSR AS.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882

DOI: 10.17223/19986645/40/7

И.А. Айзикова

ОБРАЗ ПАЛЕСТИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)¹

В статье представлена первая попытка систематического исследования образа Палестины в творчестве В.А. Жуковского. Хотя русский романтик никогда не бывал в Святой земле, мотивы и образы, связанные с Палестиной, постоянно присутствуют в его стихотворных и прозаических текстах. Они встречаются уже в его ранних переводах из Руссо и Шатобриана, но особенно важное место занимают в позднем творчестве 1840-х – начала 1850-х гг., прежде всего в поэме «Странствующий жид». Изучение этих и других «палестинских» материалов творчества Жуковского позволяет уточнить особенности поэтики и жанрово-стилевой системы его творчества, исследовать неизвестную страницу в истории культурных контактов Палестины и России XIX в. и проследить влияние Жуковского на формирование образа Святой земли в русской литературе XIX в.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, романтизм, Палестина, русская литература, Библия, мотив, образ.

Пережив «эпоху романтических манифестов», отмеченную увлечением философией и эстетикой раннего немецкого романтизма, опытами в лиро-эпическом роде, продолженным движением от лирики к эпосу в 1830-е гг., которое происходило на фоне формирования системы общественных, педагогических взглядов, Жуковский вошел в 1840-е гг., явившиеся новым периодом его жизни и творчества. «Предметом» его поздних сочинений становятся философия, религия, эстетика, политика, история, воспитание. Характер отношения к философским, социально-политическим, историческим, нравственно-этическим проблемам определялся основными идеями Жуковского-художника – идеями синтеза и жизнестроения. Духовно-нравственные и художественные искания времени заостряют для Жуковского проблему философичности как одной из важнейших сторон художественного произведения, выдвигают на первый план в его творчестве, как и у многих русских писателей, созерцание действительности, отражающей онтологическую, сущностную реальность. Проблему позднего творчества Жуковского, особенно 1840-х гг., невозможно решать и без учета нарастающего с годами интереса писателя к вопросам веры и религии. Попытка писателя решать проблемы бытия человеческого с христианской точки зрения заметно расширяет и углубляет его взгляд на мир и личность, ее связи с историей, обществом, веч-

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ – совместный конкурс научных проектов РГНФ – Императорское Православное Палестинское Общество 2015 года, грант № 15-64-01001.

ностью. Кроме того, это повлекло за собой утверждение особой авторской позиции, суть которой во многом определяет категория души. Вместе с Гоголем Жуковский видит цель искусства в «водворении в душу стройности и порядка» (Гоголь), достигаемого постижением глубинных смыслов бытия в процессе «внутренней христианской жизни».

В соответствии с поздними общественно-философскими и эстетическими позициями Жуковского претерпел определенную эволюцию и образ Палестины в творчестве писателя 1840-х гг. В этом плане показательны такие произведения, как «Повесть об Иосифе Прекрасном», повесть «Египетская тма» и поэма «Странствующий жид», которые не являлись предметом специального исследования в аспекте интересующего нас образа и тесно связанных с ним религиозно-философских и эстетических исканий позднего Жуковского и его роли в диалоге России с другими культурами.

Стихотворная «Повесть об Иосифе Прекрасном» датируется мартом – июнем 1845 г. Она должна была войти в цикл «Библейских повестей», который, в свою очередь, должен был быть включен в задуманную в это время «Книгу повестей для юношества». Повесть представляет собой стихотворное переложение легенды о любимом сыне Иакова Иосифе (Бытие. Гл. 37, 39–41) и продолжает эстетику и поэтику прозаических библейских повестей, созданных Жуковским в конце 1810-х гг., о которых речь шла в первой статье. Вместе с тем в 1840-е гг., как указывает А.С. Янушкевич, «закрепление понятия “повесть” прежде всего было связано с экспериментами Жуковского в области “повествовательной”, “безрифменной” поэзии» [1. Т. 4. С. 385], которая рождалась из переложения прозы на язык поэзии. Кроме того, «Повесть об Иосифе Прекрасном» продолжает поиски Жуковского в области воспитательного эпоса, начатые в «Библейских повестях» 1810-х гг.

Образ Палестины репрезентирует здесь «богатая Хананейская земля» времен библейских патриархов, известная как «земля обетованная», и такие ключевые личности, как внуки Исаака, сыновья Иакова. Младший из них, Иосиф, родившийся Иакову «под старость», является главным героем повести, органично вписывающимся в общий пафос «Книги повестей для юношества», с ее установкой «на создание “героической летописи”», в которой «Жуковский-поэт, мыслитель и Жуковский-педагог, воспитатель выступают... в едином облике» [1. Т. 4. С. 389].

Разветвленный сюжет, придающий тексту повествовательность, тесно связан с перемещениями Иосифа по Святой земле и за ее границами, и все они, с одной стороны, спровоцированы грехопадением его братьев, испугавшихся снов, которые видит Иосиф. С другой стороны, маршрут героя и точки его остановок выстроены в соответствии с обетованием Бога (рефрен повествования – «Но был с Иосифом Господь»), которое дано провидеть только Иосифу. Хананейская земля: луга в Сихеме, Хевронская долина, Дофаим, находящийся на караванном пути в Египет, и Египет – вот путь, проделанный Иосифом в повести. Этим пунктам территории свойственны и специфические символы и знаки, и общие: земля, вода, плодородие и деньги, грех, вражда братьев – важнейшие концепты, маркирующие Ханаан; золотые монеты, грех, темница, последовательная смена «великого плодородия» и бесплодия земли – всё это характеризует Египет. Связующим звеном Ханаана и

Египта и вместе с тем принципиально отличающим их друг от друга является мотив перемещения Иосифа и его рода по пути исполнения обетования Господа о возвращении потомков Исаака и Иакова на Святую землю. Обозначенный в повести линейный тип пути Иосифа и его рода, уводивший их как будто всё дальше от земли патриархов, закрепляет образ Палестины как места, куда высшей волей предначертано вернуться обновленным, искупившим свои грехи страданием, преодолевшим все преграды. Это центр, куда стекаются все дороги, какой бы центробежной силой они ни были наделены. Не случайно, например, для Иакова, обманутого сыновьями, Иосиф вообще остался навсегда в Сихеме, в лесу, растерзанном «любим зверем» – так рассказали ему сыновья о брате. Неутешный отец мечтает об одном: «Хочу я в землю! К милому хочу я сыну!» Характерно в связи с этим и то, как легко переносит все испытания Иосиф, не переживающий потерю родины, необходимость жить на чужбине. Иосиф чужд соблазнам и грехам, осаждающим и Святую землю, и Египет, и он уводит свой род, свято веруя в Бога и его помощь, его волю и обетование вывести богоизбранный народ «в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову» (Быт., 50:24).

В августе 1846 г. было создано еще одно стихотворное переложение ветхозаветного сюжета – о предпоследней казни египетской, о «густой тьме», распростершейся на три дня над всей землей Египетской, таковым было наказание Господа фараону, не подчинявшемуся воле Божьей и не отпускавшему израильтян, с которыми был восстановлен завет, заключенный с их отцами. Одновременно это должно было послужить тому, чтобы Египтяне узнали о Боге. Как указывает Д.В. Долгушин, переложение было сделано с церковнославянского перевода 17-й гл. книги Премудрости Соломона, т.е. по Елизаветинской Библии. Эта глава, в свою очередь, является комментарием ст. 21–23 гл. 10 книги Исход.

Назвав в подзаголовке повесть «Египетская тма» «опытом подражания Библейской поэзии», Жуковский описывает египетское царство, используя древнейший образ тьмы. Оно представлено пространством греха и Божьего суда, «ожесточения сердца» как испытания, посылаемого Богом, которое израильтянам предстоит покинуть, чтобы вернуться в Святую землю, обетованную им Богом. Не верящие в Бога египтяне, «возмнившие» к тому же «притеснить святой народ», изображены ввергнутыми Господом в помешательство, каковым называется желание «укрыться от вечной мудрости»: «под мрачной пеленою / Забвения они укрыться мнили / С своими темными грехами...» [1. Т. 4. С. 264].

Глаголы «мниться», «слышаться» становятся лейтмотивными в описании состояния египтян, на которых была ниспослана тьма: *таились, мя укрыть-ся; укрыться мнили; им слышались неведомые шумы; мнили видеть; слышались ему звериный бег, змеиный свист; мечтались бегущие за ними страшилща*. Египтяне теряют свободу действий, ясность видения и понимания того, что с ними происходит. Страх, ужас, «неутешимое сердце», невозможность видеть свет небесный, сияющий по всей земле, – всё это признаки «болящей души», которая не знает Бога и даже не хочет смотреть в его сторону, которая делает человека абсолютно беспомощным, бессильным, лишенным свободы выбора своих поступков. Такая жизнь во тьме безверия называется «смятен-

ным сном», который завладевает целым народом, включая его руководителя. Глубоко символичны предпоследние 2 стиха повести, возвещающие о приближении, по воле Господа, открытой Моисею, другой, «великой ночи, которой нет конца», ночи первой Пасхи и последовавшего за нею исхода израильтян из Египта, где они приняли на себя многие страдания, «в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мёд, в землю Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев» (Исх. 3: 8).

* * *

Итоги осмысления образа Палестины были подведены Жуковским в его поэме «Странствующий жид», несмотря на то, что она осталась незаконченной. Сам поэт, посвятивший работе над произведением последние месяцы и дни жизни (с 8 июля 1851 г. по 31 марта 1852 г. по старому стилю, однако замысел поэмы исследователи относят к началу 1840-х гг.), называл ее своей «лебединой песнью» (из письма П.А. Плетневу от сентября 1851 г. [2. Т. 6. С. 601]). Многоплановая по своему содержанию, поднимающая многие нравственно-философские и общественно-исторические проблемы, поэма уникальна своим библейским контекстом, охватывающим, как указывает Д.В. Долгушин, период «с первых лет христианской эры» [1. Т. 4. С. 540] до современности. Незадолго до смерти Жуковский говорил И.И. Базарову о том, что он написал поэму. «Это “Странствующий жид” в христианском смысле» [3. С. 453]. Кроме того, как свидетельствуют библиотека писателя и его архивы, работа над поэмой пробудила в нем большой интерес к истории и географии Святой земли.

Комментатор поэмы, опубликованной в Полном собрании сочинений и писем Жуковского, Д.В. Долгушин справедливо указывает на то, что «оригинальность в воплощении Жуковским вечного сюжета видна прежде всего в религиозно-мифологическом осмыслении материала», что «об этом свидетельствует библейская основа поэтики “Странствующего жиды”, проникнутого цитатами и реминисценциями из Священного Писания» [1. Т. 4. С. 543]. Добавим к этому и мысль о том, что неповторимость трактовки Жуковским средневековой легенды об Агасфере и связанной с этим архитектоники поэмы, несомненно, обусловлены образом Палестины, концепция которого складывалась в сознании поэта с самого начала творчества.

Знаковой точкой, представляющей Палестину, в поэме является Иерусалим, небольшой ханаанский городок, который стал столицей израильского государства и сердцем Святой земли, внесшим в мировую историю один из самых богатых вкладов. В «Странствующем жиде» создано, по крайней мере, три образа Иерусалима, каждый со своим религиозно-мифологическим и философским потенциалом и типом взаимосвязи. Действие поэмы начинается в Иерусалиме в момент пути Иисуса Христа на Голгофу. Город описан автором-повествователем. Важнейшими семиотическими конструктами образа Иерусалима оказываются следующие, взаимодействующие друг с другом. Во-первых, Иерусалим представлен пространством греха, грехопадения отдельного человека и целого народа. Этим мотивом начинается поэма: ведомый на казнь Христос остановился «у Агасверовых дверей, дабы, / К ним

прислонившись, перевесть на миг / Дыханье», и Агасвер оттолкнул Его «от них безжалостно» [1. Т. 4. С. 266]. Во-вторых, Иерусалим – это пространство рождения принципиально нового мира и мировидения, происходящего через полное разрушение старого. Агасвер, оттолкнувший от себя Христа, не понимавший, что с ним случилось и что означали слова Иисуса о его вечной жизни, стоял «оцепенелый», «недвижим», в то время как в его душе уже началась скрытая от него самого работа: «Слова, которых каждый звук свинцовый / Буквой в мозг его был вдавлен, и там, / Сидел неисторжим, не слышен уху, / Но страшно слышен в глубине души» [1. Т. 4. С. 266–267]. Это наиболее часто выдвигаемые в поэме идеи, связанные с образом Иерусалима как земного пристанища человека и его будущей небесной отчизны.

В связи с этим Иерусалим чаще всего интерпретируется повествователем, от имени которого ведется рассказ о городе в начале поэмы, как постоянно разрушающийся, погружающийся во тьму, наводящий на человека страх, и одновременно через оппозиции внешней разрухи и внутреннего созидания, тьмы и света, шума и тишины, передающие конфликт небесной и земной ипостаси человека, важнейшей для философии и поэтики Жуковского. Сгущающуюся тьму в ночь после казни Христа Агасвер со страхом заметил сначала над горой Мориа, над Иерусалимским храмом, над ним же он увидел крест-накрест разразившуюся молнию. В этот же момент им был услышан грянувший гром и ответствовавший ему «чудный отзыв в глубине святилища», «как будто там разорвалась завеса». Напомним, что образ завесы для Жуковского всегда был связан с проникновением человека за границы земного бытия. Далее взгляд Агасфера фиксируется на иерусалимской панораме: «Ерусалим затрепетал – и весь / Внезапно потемнел, лишенный солнца; / И в этой тьме земля дрожала под ногами; / Из глубины ее был голос» [1. Т. 4. С. 267].

Обозначенные оппозиции и внутренняя конфликтность образа Иерусалима в целом содержат в себе массу символов, знаков, мифологем, мотивов, складывающихся в богатую смысловую систему. Это, например, знакомая по балладам Жуковского ситуация «на отлете», когда всё происходящее в Иерусалиме после казни Христа воспринимается как в последний раз, т.е. чрезвычайно обостренно, с подробными деталями. Описание картины Иерусалима, покинутого Сыном Божьим, завершается описанием тяжелого сна, усиливающего поэтический эффект мотивов наступающей мглы, грохота, черноты, нарушенного порядка: «утих Ерусалим. Во мгле громадой безобразной зданья / чернели. Жители все затворились / В своих домах, и все тяжелым сном / Заснуло» [1. Т. 4. С. 267]. Одновременно вводится образ неожиданно появившихся над Иерусалимом звезд как «открывшихся “окон”, через которые небесный свет проливается на землю» [1. Т. 4. С. 533] и расчистившегося неба. Установившаяся над городом тишина теперь была «невывразима и неизглаголанна», «и слуху сердца слышалось там, как от звезды к звезде перелетали / Их стражи – ангелы, с невыразимой / Гармонией блаженной чудной вести» [1. Т. 4. С. 268]. Над Элеонской горой встает заря («звезда денницы подымалась»).

Показателен характер передвижений Агасвера по ночному Иерусалиму после казни Христа – это хаотичные перемещения в пространстве, где разру-

шены и вертикальный, и горизонтальный векторы движения: сначала героя влечет за собой толпа обезумевших иерусалимцев, потом он бесцельно ходит по городским улицам в одиночестве, однако, в конце концов, терзаемый страхом и тоской, он «вдруг очутился за стенами града, перед Голгофой», на месте казни Христа, у трех крестов, чернеющих на фоне чистого неба. Именно здесь, за границами города, вертикальный и горизонтальный ракурсы видения окружающего, позволяющие человеку ориентироваться в мире, восстанавливаются: взгляд героя с крестов (вертикальная ось) переходит на вход в пещеру, задвинутый «великим камнем», где был погребен Иосифом Иисус Христос (горизонтальная ось), у входа «две женщины сидели, устремив / Глаза – одна на камень гроба, а другая / на небеса» (перекрещивание осей) [1. Т. 4. С. 268].

Образ Святой земли в поэме введен автором в широкий историко-культурный контекст. В частности, он сопоставлен с описанием острова Св. Елены, которое дано повествователем с помощью практически тех же эпитетов, что и оставленный Христом Иерусалим: «пустынный», «черный», «сумрачный», «уединенно-мрачный», со всех сторон он окружен океаном, характеризующимся эпитетом «беспредельный» и образами хаоса и бездны. Остров «подъемлется из бездны океана», кажется «всемирного хаоса господином». На фоне беспредельных вод и неба, в «сияньи дня» он напоминает «уединенно-мрачного пустытника», «сумрачного отверженца создания», а во время бури «на него со всех сторон из бездны / Бросаются, как змеи, вихри волн, / А с неба молнии в его бока / Вонзаются, их ребр не сокрушая» [1. Т. 4. С. 269]. Здесь Агасвер встречает Наполеона в тот момент, когда бывший «страх царей, теперь царей колодник», с «обиженной душою», испытывая «отвращение к себе и к жизни», решает броситься со скалы в безбрежный океан, манящий его безбрежной свободой, к которой он стремился всегда и которую безвозвратно потерял. Трагические образы острова Святой Елены и его узника, соединившие в поэме далекие друг от друга эпохи, оказали на Агасвера сильнейшее эмоциональное воздействие. Оно вызвало его возглас: «Куда, Наполеон!», которым было остановлено падение последнего в бездну океанских вод и начата исповедь перед великим полководцем, считающаяся всеми исследователями кульминацией поэмы.

Характерно, что попытка героя проникнуть в самые сокровенные глубины своей духовной жизни была сделана им далеко от Святой земли, что усиливает напряженное звучание темы самоанализа, осознания человеком своей греховности, на подготовку к которому потребовались столетия. Центральным в исповеди героя оказывается образ Иерусалима. Этот образ описан Агасвером, причем по памяти, таким, каким он его запомнил (по сути, сформировал для себя за долгие годы скитаний, размышлений, воспоминаний) после смерти Христа.

Ключевыми словами в этом образе Святого города, выступающего репрезентантом Святой земли, являются *страх, подозрительность, злоба* и «*предтишье*» в ожидании будущего: «всё было знаменьем чего-то страшно / Постигнувшего всех, чего-то, страшно / Постигнуть всех грозящего» [1. Т. 4. С. 274]. Однако в атмосфере общего предчувствия беды Агасвер был озабочен лишь разгадкой сказанных ему Иисусом слов, в его душе кипит ярость

против Него, «который ядом слов так жизнь мою убил»; злоба против «всех Его избранных» и надежда на то, что слова Иисуса – обман, что приговор Его не имеет никакой силы. Вместе с тем через столетия герой пронес в своей памяти образы слуг Иисуса Назарея, выделявшихся среди иерусалимцев отсутствием тревоги, «смирненным видом, светлым взором». Они ежедневно вспоминали Христа, «без страха, в домах, на улицах, на площадях благую весть о Нем провозглашали», их пенье во славу Бога Сына слышалось «посреди ерусалимской смутной жизни». «Весь город злобствовал на них, незлобных; / И эта злоба скоро разразилась / Гонением, тюремным заточеньем / И наконец убийством» [1. Т. 4. С. 275]. Жуковский вновь использует в описании Святой земли, жизни земного Иерусалима мотив грехопадения и преступления. Агасвера в этой атмосфере, по его собственным словам, радовала смерть первых мучеников за Христа, Стефана, «побитого камнем» жителями Иерусалима, убитого Иакова Зеведеева и сброшенного с храма Иакова Праведного. Слух о мученической смерти апостолов Петра и Павла вселил в него надежду на то, что «в них, свидетелях Его, и память о Нем погибнет».

С именами Петра, распятого Нероном в Риме, Павла, принявшего смерть мученика также по приказу Нерона, в поэму входит образ Рима и Римской империи, воспринимавшийся православными как «земная историческая ступень к Иерусалиму новому, причем переход от одного к другому, – указывает А.В. Моторин, – должен, в соответствии с “Откровением”, осуществиться через выворачивание естественного земного порядка жизни, через обращение времени в вечность. По отношению к старому Иерусалиму Рим выступил как попущенный Богом разрушитель и как преемник в роли священного центра мира, а также как необходимое условие будущего полного воскрешения Иерусалима к вечной жизни» [4. С. 63–64].

В этом плане очень характерен период жизни Агасвера, пришедшийся на I в. до н. э. – I в. н. э., когда Палестина являлась римской провинцией. Рожденный в Иудее «при Ироде-царе», т. е. при иудейском царе Ироде I, герой, по его словам, «видел всё время Августа», т. е. римского императора Октавиана Августа, потом пережил трех следующих римских императоров: Тиберия, Калигулу и Клавдия, которых запомнил как «зверей, кровавой властью» обесславивших Рим. В этот же ряд встает в сознании и памяти Агасвера и римский император Нерон, вошедший в историю как деспот и гонитель христиан. Характерно, что параллельно разрушительным действиям Римской империи продолжается разрушительный период жизни Агасвера, который самому себе кажется «надгробным камнем», стоящим меж могил своих детей, внуков и правнуков. Оставаясь «ни стар, ни молод», он «с невыразимым горем и бешенством» прощается со своими родными, уходящими от него навсегда и оставляющими его на земле в полном одиночестве. Ключевыми в Агасверовом описании Палестины времени ее вхождения в Римскую империю являются слова «разрушение», «гибель», «бунт»: «Палестина вся горела бунтом», – вспоминает герой, имея в виду римского императора Веспасиана, в 66 г. начавшего подавление Иудейского восстания, и римского императора Тита, который в Иудейскую войну в 70 г. разрушил Иерусалим. Конструируемый памятью Агасвера образ Иерусалима передан мотивами мора, голода,

«буйства, убоицы, безвластья, безначалья, владычества разбойников, извне прокликанных своими на своих» [1. Т. 4. С. 276].

Ломаная линия движения Агасвера, с возвращением в прошлое, спровоцированным встречей с Наполеоном, символом настоящего и будущего всей Европы, предопределила особый взгляд героя на давно покинутый им погибающий Иерусалим. Описываемая им перед Наполеоном картина гибнущего Иерусалима включает в себя такие знаковые детали, как разрушение главного храма города от рук внешних и внутренних грабителей, убийства первосвященников в храме, сопровождающиеся «бесстыдных оргий хохотом», «развратом песен»; «безоблачно пылающее» небо, способствующее распространению в городе «заразы», и выходящие ночью звезды, «окна в небеса», пророчащие Иерусалиму гибель. Кульминацией «ужасного боя» в Иерусалимском храме (в изложении Агасвера, это было высшей степенью отхода от нормы) стало то, что храм запылал в тот самый миг, когда «под святотатной / Рукою скиния открылась, стало / Нам видимо невиданное оку / Дотоль – ковчег Завета... и в скинию пожар / Ворвался» [1. Т. 4. С. 278]. В этих событиях герой впервые увидел, как сбывается предсказанное Иисусом, он даже цитирует фрагмент Его пророчества: «Благо будет / Сошедшим в гроб, и горе матерям / С младенцами грудными, горе старцам / И юношам, живущим в граде, горе / Из града не ушедшим в горы девам» [1. Т. 4. С. 276]. Именно лицезрение обломков на месте бывшего Иерусалима, распада целого на мелкие части и неожиданно блеснувшее на высоте Голгофы заходящее солнце открывают герою, по его словам, веру в то, что пророчество Иисуса и о нем («Я буду жить, пока Он не придет») безусловно сбудется, причем в понимании пророчества акцент впервые был поставлен на его второй части (Он придет), и вопросов от этого прозрения, вспоминает герой, оказалось еще больше, и все они – сущностные, общечеловеческие, вечные: «Как жить?.. Кто Он?.. Когда придет?..».

Эмоциональное и семантическое наполнение образа Иерусалима начинает меняться у Агасвера благодаря лицезрению звезды, взошедшей «над высотой Голгофы» и влившей в его душу первую за многие годы «тайную отрады каплю», которую он выпивает вместе с «смертоносным питием хулы и проклинанья». Образ этой звезды, запомнившейся Агасверу и пронесенный им через столетия, достраивает образ Иерусалима в душе героя до целостного: не осознавая того, он уже начинает строить в самом себе Новый Иерусалим на месте разрушившегося в тот миг, когда он оттолкнул от себя Иисуса. Однако осознание значимости этого события приходит к герою намного позже и за пределами Святой земли.

Опорной точкой выстраиваемого героем по памяти образа Иерусалима оказывается и Гимн св. Амвросия Медиоланского: «Тебя, Бога, хвалим. Тебе едиными устами в смертный час исповедуем...». Пение этого гимна, не раз слышанное Агасвером в Иерусалиме «на праздничных собраниях христиан», пронзило его «внезапным вдохновеньем» спустя многие годы в Веспасиановом амфитеатре, где он оказался на гладиаторском бое, когда предавали «зверям на растерзание» христиан. Агасверу довелось присутствовать на «зрелище», во время которого старец Игнатий Богоносец, епископ Антиохийской церкви, считавшейся одним из самых крупных центров христианства, «льву

ливийскому на пищу в присутствии Траяна» был предан вместе с 12 христианами. Это было добровольное принятие мученической смерти, сопровождавшееся тихим пением упомянутого выше Гимна св. Амвросия Медиоланского. Воздействие на героя звуков тихого гимна, славящего Бога, льющегося из уст добровольно пришедших на верную смерть людей пение передаются любимыми многозначными мотивами Жуковского: внезапное вдохновение, мгновенное открытие чего-то невыразимого внутри себя, вылившегося в неожиданный для Агасвера поступок: он пытается заслонить собой старца от спущенного льва. Его ответный поступок переломил жизнь героя «надвое»: старец «кротко в сторону рукою» отодвигает Агасвера со словами из Послания священномученика Игнатия к римлянам, суть которых сводится к идее необходимости каждому принять на себя всё посланное Богом, чтобы предстать пред ним чистым. В последнее мгновение перед смертью старец Игнатий перекрестил Агасвера, возведя «взор невыразимый» от него на небо, как бы передавая ему его.

Очень важно, что герой тонко чувствует и долго переживает эти события, воспринимая случившееся с ним как животворящее воздействие на его душу. Через многие века пронес он в своей памяти «небесного блаженства полный взгляд» умирающего и благословляющего его священномученика Игнатия, его слова: «Поди в свой путь, смирись, живи и жди» и «могущество великого мгновенья» его встречи с христианством, с вечным бытием (в отличие от вечной жизни, ставшей его наказанием). Сцена со старцем соткана из образов-символов, значение которых усложняется переключкой с этими же образами, употребленными при описании Агасвера на Святой земле в начале поэмы: это и отступающий в страхе от Агасвера лев, скрывающийся в своем «заклепе»; ворота амфитеатра, из которых «беспреградно» выходит плачущий Агасвер, стремящийся как можно скорее удалиться от «места крови»; это образ небес и светлой звезды, которая напомнила герою другую, некогда блеснувшую ему с Голгофы; наконец, это взгляд старца, напомнивший герою «прискорбно-кроткий» взгляд Иисуса, произносившего ему приговор. Выделяемые Агасвером детали, их сопоставление, сравнение по памяти своих ощущений «тогда» и «сейчас», в Палестине времен казни Христа и Палестине времен правления римских императоров подчеркивает не только перелом, произошедший в герое, но и полное осознание им смысла этого перелома, произошедшее на острове Святой Елены во время исповеди.

На пути «неодолимого влечения» Агасвера «в край отечества... к горам Ерусалима» уже как к воображаемому пространству идеала встает еще один остров – Патмос, к которому буря прибывает корабль, что самим героем воспринимается как Промысл Господний. На этом острове, бывшем местом ссылки у римлян, происходит его встреча с апостолом Иоанном Богословом, который был сослан на Патмос «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 1: 9) и написал там Апокалипсис. Рассказ героя о встрече с апостолом, любимым учеником Христа и его благовестителем передается Наполеону со слезами на глазах, «в тоске раскаяния», «с глубокой печалию, с невыразимо-грустной любовью» и молитвой. Сам Агасвер, мысленно переносясь в Иерусалим, сравнивает себя в эти минуты с «разбойником на кресте,

к ногам обиженного мной, с смиренным сердцем» упавшим и восклицавшим: «Помяни меня, когда во царствие свое придешь!»).

Строительство Нового Иерусалима в душе Агасвера продолжается на Патмосе с помощью Иоанна Крестителя, открывшего ему значение уже прожитого и приподнявшего «покров с того, что было, есть и будет». На Патмосе над Агасвером были совершены таинства крещения и его первого причастия, проведенные апостолом Иоанном. Этот день запомнился герою как «незаходимый», «вечный день», причем теперь его не пугают и не раздражают понятия вечности и бесконечности, так как они понимаются по-новому, в связи с верой в Бога. Благословенный евангелистом, корабль с Агасвером направляется в Палестину: теперь «стал дуть» «попутный плаванью» ветер, корабль движется «под звездным небом полупрозрачной ночи» или в «полуденной прохладе», море «гладкое» и даже не колышется, и герой впервые за долгие столетия засыпает спокойным сном, в котором он видит ангела, явившего «в образах» все то, что рассказал герою апостол Иоанн, и самого апостола. Далее в поэме следует переложение Апокалипсиса.

* * *

Переложение Апокалипсиса, сделанное Жуковским для «Странствующего жид», имеет несколько вариантов, выполненных в сентябре 1851 – феврале 1852 г. В процессе работы поэт обращался к протоиерею Иоанну Базарову за помощью в правильном, церковном толковании событий Откровения святого Иоанна Богослова, желая передать его точно, но поэтически. Видения Апокалипсиса созерцаются Агасфером во сне, хотя и по рассказу Апостола Иоанна, чем мотивировано то, что пересказ Откровения – далеко не буквальный. Подробный комментарий к истории создания всех вариантов переложения Апокалипсиса, их сравнительный анализ, а также сопоставление текстов Жуковского с каноническим текстом Откровения и переведенным поэтом Новым Заветом, выполненные Д.В. Долгушиным [1. Т. 4. С. 549–550, 587–599], освобождают нас от необходимости его полного анализа. Сосредоточимся, в соответствии с проблематикой статьи, на образе Нового Иерусалима, центральном в переложении Откровения, сделанном Жуковским для поэмы «Странствующий жид». Образ Нового Иерусалима в поэме имеет несколько «информационных источников» – это Откровение Божье Апостолу Иоанну, данное в двойном переложении (самого Апостола и Агасвера, которому он явился во сне), это сновидение героя и это поэтическая и одновременно идеологическая фантазия автора поэмы Жуковского. Такая множественность источников информации и их общий мистический характер призваны передать особые характеристики и глубоко символический смысл образа Божьего града, высшего воплощения земного Иерусалима как Небесного города.

Переложение Откровения начинается у Жуковского, по сути, с гл. 4, в которой говорится о видении небесного престола (в поэме – трона), о Сидящем

на нем «с семью запечатленной печатями великой книгой»¹. Память Агасфера запечатлела срывание Иисусом Христом, названным здесь, как в Откровении, Агнцем, печатей с Евангелия и одновременное исторжение 4 коней, появление «страшного всадника – смерти» на бледном коне и одновременно раздавшееся «славохваленье» Иисусу и небом и землей. Здесь очевидно подчеркивается амбивалентность, взаимосвязанность понятий смерти и воскресения, идея, очень важная для Жуковского, устремленного к православной вере. Фиксируется также «запечатление печатью живого Бога» двенадцати колен Израилевых, на которых не должны были больше распространяться страдания, и одновременно герой слышит гласящие гнев Божий трубы семи ангелов и голос «Время миновалось», что означало начало Божьего суда, на который «предстало всё создание», и гибель всего дьявольского.

Эсхатологическая картина, своими деталями напоминающая картину разрушения земного Иерусалима и души Агасвера как его зеркала, продолжена лицезрением новых небес и земли и «града святого, от Бога нисходящего, нового Ерусалима», сияющего, как «чистая невеста»². В Новом Иерусалиме³ нет храма Божьего, потому что «здесь Сам Он храм Свой», так же как нет в этом небесном граде смерти, слез и скорби, «и никаких страданий и недугов... понеже миновалось всё прежнее и совершилось дело Господнее». В нем «не нужны ни солнце, ни светлость дня, ни ночи темнота, ни звезды неба», в общем – ничего из того, что приносило радость или страдание в земном Иерусалиме, здесь всё заменяет «сияние славы Господней, и Агнец служит здесь светильником, и Божие лицо спасенные очами видеть будут», ибо сказал Бог, что в небесном граде «Господь жить с человеками отныне будет» [1. Т. 4. С. 292].

Как видим, в описании небесного града Жуковский с особенной силой подчеркивает отсутствие в нем всего присущего земной жизни, в которой человек далеко не всегда может видеть суровое временное пристанище. Небесный рай не предполагает проблемы выбора, ибо Альфой и Омегой, началом и концом всего в этом пространстве является Бог. Другое дело, что войти в него сможет только свято верующий в Бога человек, который вовсе не огражден на земле от пороков и заблуждений, но его свобода выбора поступков

¹ Как отмечает Д.В. Долгушин, Жуковский не учитывает здесь, что в Откровении этот стих относится к Богу Отцу [1. Т. 4. С. 588].

² В первой редакции «Переложения Апокалипсиса» образу великой блудницы отводится гораздо большее место, смысл его разъясняется так: «А воды, где сидит развратница, суть племена. Языки, люди и народы мира. И роги на главе звериной злобно жену-развратницу возненавидят, и разорят ее, и обнажат, и, плоть ея сожрав, ее огнем сожгут, понеже Бог им положил на сердце – волю совершить Его и зверю уступить свою державу, Пока слова Господня не будут исполнены. А зримая тобою жена есть град великий, царь земных царей». [1. Т. 4. С. 342].

³ В первом переложении Апокалипсиса дается более подробное и красочное поэтическое описание Святого Иерусалима, «блистающего, как камень драгоценный» (ср. в Откр. 21:11: светило его подобно драгоценнейшему камню), «стены ж града были из ясписа; сам город был построен из золота, чистейшему стеклу подобного» (ср. в Откр. 21: 18: Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу), «помосты улиц из золота, как чистое сияли стекло» (ср. Откр. 21: 21 – Улицы города – чистое золото, как прозрачное стекло). В поэме Новый Иерусалим представлен прежде всего в своей духовной, нематериальной сути. Второе переложение Апокалипсиса заканчивается стихами о низвержении навеки смерти и ада в «глубь озера пылающего» и о явлении «другого неба и земли» и сошествия с небес нового «Ерусалима, святого града Божьего, светлого, как невеста...» [1. Т. 4. С. 354].

и помыслов им самим добровольно ограничивается Божьими заветами, а грехопадение приводит к глубочайшей внутренней работе, самоанализу, самопознанию и раскаянию, подготавливающему к будущей небесной жизни, осуществляемой по райским законам Бога.

Именно такой путь проделал Агасвер, возвращающийся (как и все, по обетованию Бога) «к брегам Святой земли» очищенным от греха, глубоко верующим христианином, с Новым Иерусалимом в душе, готовым воспринять заветы Христа как фундамент жизни. С «невыразимым чувством» он вступает на Святую землю, «на брег земли обетованной, где уж не было Израиля!». Выбранная Агасвером для этой фразы восклицательная интонация передает «сладостное чувство» освобождения от того душевного груза, с которым у героя ассоциируется прошедшая жизнь в погибшем Иерусалиме.

Конструирование образа Нового Иерусалима – это воплощение идеи искренней веры в Бога, покорения Его воле, и наглядный образец целостности бытия, гармонии, альтернативной земной жизни. Аргументов, подтверждающих такой образ, приведено в поэме немало. Прежде всего, это – поведение Агасвера, взошедшего на Голгофу, описанное с помощью таких символических деталей: он плачет, «простирается в прах» на месте, где был водружен крест, его сердце «трепещет» от терзаний и благодарности. Здесь, на фоне «страшного разрушения земных величий» и всего, что было его «житейским благом», происходит долгожданное очищение от греха и воскресение к новой жизни с Богом в душе, «невыразимое словами человеческими». Спустившись с Голгофы, Агасфер направляется через Кедрон, «по скату Элеонской горы» в Гефсиманский сад, где «вспоминает» слова Христа, которые он не мог слышать ранее, – это слова, произнесенные Им «в смертельной тоске» «на поученье и на подпору всем земным страдальцам». И хотя и после посещения Иерусалима Агасфер всё еще не избавляется от наказания, судьба его не изменилась, по его собственным словам, сам он «уже не тот». Постигший «благую казни» на Голгофе, куда его Господь привел во второй раз, он ощущает, что озлобленность его души переродилась в смирение благодаря божьей благодати, каковым было и посланное ему Богом наказание. Из разрушенного Иерусалима герой отправляется «перерожденный, новый», по собственной воле «взяв на плеча весь груз» своей судьбы и «сокрушенно» своей вины «всю глубину измерив». Свой путь, длиной более чем в тысячелетие, герой отсчитывает от «той границы, на которой мир древний кончился, где на его могиле колыбель свою поставил новорожденный мир» [1. Т. 4. С. 307].

Характерна и такая деталь: услышанное героем тихое – «шепчущее» пение «немногих старцев», женщин и детей, простертых на месте разрушенного храма. «Остатком бедного Израиля» называет их Агасвер, потому что он слышит, что они плачут о былом «Ерусалиме» и о былом Богоизбранном и Богоотверженном Израиле и о его «минувшей славе». Тоже заплакавший «о прежней славе Божьего народа, и о его постигшей казни помышляя», Агасвер уже чувствует чуждость ему и земного Иерусалима, и земной Палестины, и всего земного вообще: «не могло / Его ничто земное ни унизить, / Ни возвеличить». Надежда плачущих израильтян кажется ему ложью, а их вера – бессмысленной. Агасверу же открывается целостность христианского взгляда на историю израильского народа, богоизбранного, чтобы быть «отверженным от

Бога» для воскресения к новой жизни с Богом: «На нем лежит печать благословенья, он / Запечатлен проклятия печатью». «Горькое скитанье по земле», к которому Израиль был приговорен, подобно Агасверу, должно закончиться «нисхождением от неба нового Иерусалима». В упорной слепоте израильский народ ждет того, «что уж свершилось и вновь / Не совершится; он в своем безумстве / Не верует тому, что существует / Им столь желанное и им самим / Отвергнутое благо» [1. Т. 4. С. 294], каковым называется благодать смирения перед волей Бога, «сладость целительной раскаянья печали», любовь к Богу и вера, не требующая доказательств. Отсюда читателю нетрудно сделать проекцию на историю израильского народа и человечества в целом, в том числе и России, такую, как ее видит христианин.

Именно здесь в сознании героя выстраивается важнейшая для позднего Жуковского оппозиция: смиренная и бунтующая воля и формулируется однозначный ответ на вопрос о превосходстве первой над последней. Свободный выбор, совершенный Агасвером и воспринятый им как дар Божий, как спасение, восстанавливает его целостность, гармонию его души, гармонию его отношений с самим собой, с окружающим миром, природой, Богом, к которому он обращается не с «прошеньем», но с «смирным, бессловесным предстояньем / И сладостным глубоким постижением / Его величия» [1. Т. 4. С. 301, 305, 306], и готовит его к принятию Нового Иерусалима, в котором всё земное предаст забвению и заменит Бог. Не случайно после посещения разрушенного Иерусалима Агасвер чувствует себя свободным от страхов, «забот о будущем, сомнений, колебаний»: «Мы своей судьбы властители, понеже власть Тому над нею предали смиренно, Кто один всемогущ, всё за нас, для нас и нами строит, нам во благо»¹.

Показательно возвращение автора в финале поэмы о Вечном жиде к образу Рима, «вечного города на земле», которому, по мысли автора, предназначен долгий земной исторический путь к Новому Небесному Иерусалиму, ему предназначено «стоять до второго пришествия Христа и Страшного суда над миром» [4. С. 61], т.е. принять на себя наказание и испытание, подобные тем, что пережил Агасвер, прежде чем прийти к Богу.

Таким образом, выбор между земным и небесным Иерусалимом, сделанный Агасвером, для читателя абсолютно очевиден и столь же абсолютно характерен для Жуковского и русского романтизма, родоначальником которого, в том числе и поисков русскими романтиками связи с православной идеологией, поэт являлся. В то же время поэма представляется незавершенной, ибо не завершён земной путь ее главного героя, так же как не завершена история Наполеона, история народов, втянутых в наполеоновские войны, в том числе и русского народа. Поэма, таким образом, обнажает еще один ряд функций, выполняемых, в представлении Жуковского, Святой землей и ее

¹ Мировоззрение Нового Иерусалима, в представлении Агасфера, отражает единение христиан в храме во время таинства причащения, когда все, «и царь, и нищий, и счастливый, и скорбный, и свободный, и узник, и все мертвые в могилах, и в небесах святые», приступают с одной на всех верой и «страхом Божиим» к общей «чаше спасения». Уже на земле, по-прежнему гонимый, Агасвер чувствует себя в эти минуты «братом» всех людей, забывая, как и все окружающие, прошлое, не думая о будущем и чувствуя только «блаженное одно всего себя уничтоженье в Божьем присутствии неизреченном».

образом в литературе – здесь имеются в виду сбережение и развитие души и духа человека, его нравственных, духовных возможностей, поддерживающих жизнь на земле и готовящих к жизни по заветам Христа в Новом Иерусалиме. Это ставит образ Нового Иерусалима, замещающего собой в поэме всю Палестину, в наиболее сильную позицию при его очевидной взаимосвязи с двумя другими образами Иерусалима, созданными в произведении. Его можно считать основой репрезентации Палестины как Святой земли, земли обетованной, все его ключевые концепты выстроены вокруг этой семантики. Уникальность Палестины, в понимании Жуковского, состоит в культивировании особых религиозных чувств, привязанных к Святой земле, где люди могут черпать жизненные силы и надежду на спасение, на Новый Иерусалим. Всё это очень созвучно концепции жизнестроения Жуковского, которая изначально была положена в основу его мировоззрения и творчества, претерпев в 1840-е гг. существенные изменения в результате активных и глубоких религиозных и философских поисков писателя. При этом важно отметить, что ни один из созданных в поэме образов Иерусалима как репрезентанта Палестины не является самодостаточным и однозначно выведенным на первый план. Только взятые как единое целое они представляют целостную авторскую концепцию образа Святой земли, ее истории, прошлого, настоящего и грядущего.

Заключая статью, подчеркнем, что Палестина для Жуковского, безусловно, знаковый целостный полисемантический образ, воплощающий сосредоточенность всех первоначал земной истории христианства, с ее двойной символикой, связанной с пониманием проблемы преобразования человека и мира, с комплексами идей искупительных страданий и смерти Христа и его грядущего пришествия. Это в полной мере выразилось в творчестве поэта. Осмысление образа Палестины имеет большое значение для понимания логики развития мировоззрения и творчества первого русского романтика В.А. Жуковского, заложившего определенные основы истории восприятия палестинской темы в русской литературе и русском обществе первой половины XIX в. и шире – межкультурной коммуникации данной эпохи. Важна и связь образа Палестины с педагогическими взглядами и занятиями Жуковского. Она открывает перспективы исследования творческого диалога Жуковского с другими русскими писателями, прежде всего с Н.В. Гоголем.

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–2014.
2. Жуковский В.А. Сочинения: в 6 т. 7-е изд. СПб., 1878.
3. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.
4. Моторин А.В. Образ Иерусалима в русском романтизме // Христианство и русская литература: сб. 2. СПб., 1996.

THE IMAGE OF PALESTINE IN THE WORKS OF V.A. ZHUKOVSKY (ARTICLE II)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 94–108. DOI: 10.17223/19986645/40/7
Ayzikova Irina A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, romanticism, Palestine, Russian literature, the Bible, motif, image.

The article presents the first attempt of a systematic study of the topic of Palestine in the work of V. A. Zhukovsky. Although the Russian romantic had never been to the Holy Land, motifs and images associated with Palestine are constantly present in his poetic and prose texts. Zhukovsky turns to the topic and image of Palestine in two periods: the 1800s–1810s, the time of his “poetic” attitude to faith and the Scripture, and the 1840s, marked by the deep religiosity of the writer. In the 1800s–1810s, Zhukovsky made some prose translations connected with the Palestinian theme: *The Levite of Ephraim* (J.J. Rousseau), “On the Manners of the Arabs”, “The Journey of Chateaubriand in Greece and Palestine” (from *Record of a Journey from Paris to Jerusalem and Back* by R. Chateaubriand), and a prose retelling of several chapters from *The Being*, the first part of the Pentateuch by Moses, compiled under the title “Biblical Stories” (“The Story of Abraham”, “Isaac” and “Jacob and Esau”). In the 1840s Zhukovsky wrote such works connected with the topic and image of Palestine as *The Story of Joseph the Beautiful*, a transversion of the legend of Joseph, a favorite son of Jacob, which continues the aesthetics and poetics of the prose *Biblical Stories* Zhukovsky created in the late 1810s; *The Egyptian Darkness*, a transversion of the Old Testament story of the penultimate plague of Egypt about the “thick darkness” spread out across all the land of Egypt for three days; the poem “A Wandering Jew”, the main events taking place in the Holy Land, and a transversion of the Apocalypse. The study of these and other “Palestinian” materials in Zhukovsky’s oeuvre allows specifying the particular poetics and the genre-stylistic system of his works, exploring the unknown page in the history of cultural contacts of Palestine and Russia in the 19th century and seeing the influence of Zhukovsky on the formation of the image of the Holy Land in the Russian literature of the 19th century. It opens prospects for the study of the creative dialogue of Zhukovsky with other Russian writers, especially with N.V. Gogol. It also stresses the importance of understanding of the theme and image of Palestine to realize the logic of the worldview of the first Russian romantic, who laid some of the foundations of the history of the Palestinian topic perception in the Russian literature and Russian society of the first half of the nineteenth century and, more broadly, intercultural communication of this era. The author of the article finds important the connection of the Palestine topic with the pedagogical vision and practice of Zhukovsky.

References

1. Zhukovsky, V.A. (1999–2014) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 v.]. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.
2. Zhukovsky, V.A. (1878) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. 7th ed. St. Petersburg.
3. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (1999) *V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Nauka, Yazyki russkoy kul’tury.
4. Motorin, A.V. (1996) *Obraz Ierusalima v russkom romantizme* [The image of Jerusalem in Russian Romanticism]. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian literature]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.17223/19986645/40/8

Е.В. Антошина

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1940-х гг. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье рассматриваются культурные практики русской эмиграции в связи с решением проблемы идентификации с родной культурой. Наука, богословие и литература становятся сферами наиболее напряженной рефлексии эмиграции по поводу смыслов прошлого и будущего русской культуры. Классическая литература XIX в. служила материалом для создания мифа о русской культуре. Преодоление мифа связано с развитием потенциально существующих типов идентичности и созданием новых, как, например, в поэзии Б. Поплавского.

Ключевые слова: Б. Поплавский, А.С. Пушкин, русская литература XX в., литература русского зарубежья, культурная идентичность.

Русская литература стала для зарубежной России одним из главных инструментов сохранения национальной и культурной идентичности. Об этом говорят многочисленные факты. Например, в период с 1934 по 1937 г. культурные силы эмиграции были сосредоточены на подготовке выставок, публикаций, изданий, чтений, посвященных памяти А.С. Пушкина. Пушкинские комитеты работали во всех странах, где жили эмигранты, от Парижа до Харбина. Это была последняя перед Второй мировой войной масштабная акция презентации русской культуры и литературы, направленная как на сообщество эмигрантов, так и на окружавшие их культуры. Русская классическая литература стала предметом осмысления в творчестве историков литературы. Помимо исследований разного типа и уровня, посвященных А.С. Пушкину, в эмиграции в разные годы было опубликовано множество работ, посвященных творчеству М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других писателей классиков. Литература, возникшая в среде эмиграции, рассматривалась как часть русской литературы. Глеб Струве в своей книге «Русская литература в изгнании» писал: «Эта зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы» [1. С. 22].

Струве противопоставлял литературу эмиграции советской литературе, отдавая безусловное преимущество первой, осознавая, очевидно, что советская литература, порожденная новым социальным порядком, представляет собой результат поиска идентичности вновь складывавшегося общества. Задачу литературы зарубежья Струве понимал как развитие традиций классической русской литературы XIX в., игнорируя тот факт, что ситуация литературы зарубежья была в определенном смысле аналогична ситуации советской литературы.

Культурное сообщество эмиграции оказалось перед необходимостью адаптации в новой среде и выработало для достижения этой цели несколько путей. Попытки сохранения идентификации с помощью воспроизведения классических тем, образов, сюжетов неизбежно приводили к созданию мифов о русской литературе и культуре XIX в. Создание мифа о национальной культуре явление, обусловленное утратой связи с живым процессом бытования культуры. Г.С. Кнабе в своей монографии «Жажда тождества. Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра» писал: «Там, где идентификация все больше приобретает характер мифа и становится независимой от жизненного материала, все больше опирается на фанатичную верность образу, раз навсегда усвоенному и жизнью не корректируемому, там сплочение и солидарность, растворение в целом, все меньше нуждается в подтверждении жизненным материалом, в логике и размышлении, короче, в духовном развитии человека» [2. С. 13]. Мифологический характер идентификации осознается, по мнению Г.С. Кнабе, в первую очередь, «образованным сословием», интеллигентами, которые, с одной стороны, стремятся слиться со страной и народом, а с другой осознают относительность такой идентификации [2. С. 12]. В дореволюционной России эти процессы были представлены, очевидно, в различных вариантах. Интеллигенция участвовала в создании мифа национальной культуры, но в то же время и разрушала его ради реализации европейского типа идентификации. В эмиграции ситуация изменилась. Представления о Европе в большой степени оказались мифом, который подлежал разрушению. Миф о национальной культуре, напротив, энергично поддерживался, все в большей степени утрачивая связь с «жизненным материалом» и постепенно превращаясь в симулякр. Среди культурных практик зарубежной России литература и богословие были в наибольшей степени сосредоточены на поддержании мифа о национальной культуре.

Среди авторов произведений такого типа можно отметить И.С. Шмелева. Например, в его романе «Няня из Москвы» (1933) воспроизводятся сюжетные черты волшебной сказки, а главной темой является спасительная роль родной, русской культуры, которая, в лице няни из Москвы оберегает героев, позволяя им сохранить идентичность, где бы они ни находились: в Турции, в Америке, в Индии. И.С. Шмелев воспроизводит не только структуру волшебной сказки, но и святочного рассказа, и жития, а также развивает некоторые темы романов Ф.М. Достоевского, в частности тему греха и искупления. Усиление «почвеннического начала» и определение его как доминирующего в классической русской литературе в случае И.С. Шмелева можно рассматривать как создание мифа о русской культуре.

Можно отметить лишь небольшое число писателей, которые не стремились поддерживать миф о русской культуре, а, напротив, осознавали разрушительное воздействие этого мифа на дальнейшее развитие русской культуры в условиях эмиграции, проявляли критичное отношение в противовес «фанатичной верности». Среди них можно назвать имена В.В. Набокова, М.И. Цветаевой, Б.Ю. Поплавского и некоторых других, как, например, рано умершего поэта Н. Гронского, которого М.И. Цветаева считала своим учеником. Трансформацию мифа о русской культуре в симулякр показал в романе «Дар» В. Набоков. Если рассматривать развитие темы идентификации с рус-

ской культурой в романах В. Набокова как движение от мифа к симулякру, то логическим продолжением «Дара» становится роман «Пнин», где показано классическое «imaginary community» (термин Эрика Хабсбаума) эмигрантов, которые воспроизводят игровые формы идентификации с русской культурой.

В большей степени критичным отношением к русской культуре обладали русские ученые-историки, работавшие в эмиграции, которые стремились определить «историческое место России и ее культуры в мировом сообществе» [3. С. 74]. Историки Зарубежной России стремились противостоять не только мифу о национальной культуре и истории, созданному в дореволюционной России усилиями как западников, так и славянофилов [4], но также подвергали критической переоценке мифы идентификации, сложившиеся в эмиграции и Советской России. В 1931 г. в США вышла монография Г.В. Вернадского «Ленин — красный диктатор», в которой он оценивает предреволюционную ситуацию как результат предпочтения мифа национальной идентификации «логике и размышлению»: «Но вместо поисков практических путей подъема российской промышленности, сельского хозяйства и уровня жизни народа, большинство политических лидеров сосредоточились на умозрительных рассуждениях об идеальной системе будущего социального порядка. Кроме того, их больше волновала проблема раздела национального богатства, чем вопросы общего подъема промышленного производства» [5. С. 13].

Последняя оценка деятельности политических лидеров могла восприниматься в среде эмиграции 1930-х гг. достаточно болезненно. Однако исследования, подобные монографии Г.В. Вернадского, сыграли свою роль в формировании нового типа русской культурной идентичности. В.В. Набоков, который в конце 1930-х гг. переписывался с Г.В. Вернадским по поводу своей эмиграции в США, мог опереться на его исследование (как и на книгу М. Алданова «Ленин», вышедшую в 1919 г.) в подтверждение собственных оценок событий русской истории. Эти оценки значительно отличались от принятых в тех кругах эмиграции, которые тяготели к созданию и поддержанию мифа о русской политической истории. Так, например, глава романа «Дар», посвященная жизнеописанию Н.Г. Чернышевского, соответствует рассуждениям Вернадского об умозрительном характере проектов русских политических и общественных лидеров, как прозападного, так и «почвеннического» направлений. Очевидно, такая точка зрения противоречила мифу о значении народничества, которое являлось идеологией эсеров, имевших в эмиграции немало сторонников.

Условия эмиграции требовали не только бесконечного воспроизведения образцовых текстов и суждений о них, поддерживающих тип идентификации с русской культурой, который интеллектуалы Москвы и Петербурга «вывезли» в Европу. В данном случае интерес для нас представляет развитие нового варианта идентичности. Литература на родном языке может стать инструментом развития идентичности. Чтение и истолкование классических текстов позволяет создавать новые типы идентичности, которые порождены не столько воздействием дискурсов и языка чужой культуры, сколько являются новым шагом в самосознании исходной культуры. Спорным моментом может являться атрибуция определенного текста как образца нового типа культурной идентичности. Мы сознаем наличие здесь методологической проблемы,

однако не надеемся разрешить ее в рамках статьи. В данном случае используется метод сопоставления текстов, воспроизводящих мифы культурной идентичности и отличающихся некоторым ритуальным характером тематики, посвященной поклонению «незыблемым святыням», и текстов, в которых можно обнаружить диалог как с родной русской культурой, так и с культурами стран рассеяния. Эти тексты являются доказательствами живого процесса творчества, производства новых смыслов и образов, что отражается также на формировании оригинального стиля автора. На наш взгляд, новый тип культурной идентичности проявляет себя именно как возможность индивидуального творчества, как на родном, так и на неродном языке.

Проблема возможности творчества в отрыве от родной культуры осознавалась эмиграцией и была предметом споров. Эмиграция склонялась к тому, что «молодой», новой русской литературы быть не может, так как нет контакта с живой культурой России. По этой причине большинство критиков эмиграции недоверчиво относились к творчеству В.В. Набокова, постоянно подозревая его в подражании западным писателям. Меньшинство придерживалось иной точки зрения. М.И. Цветаева, которая однажды отозвалась о прозе В.В. Набокова негативно, в случае Н. Гронского утверждала явление оригинального русского поэта в среде эмиграции. В статье «О книге Н.П. Гронского "Стихи и поэмы"» она писала: «Где же, господа, неизбежное эмигрантское убожество тем, трагическая эмигрантская беспочвенность? Все здесь почва: благоприобретенная, пешком исхоженная почва Савойи, почва медонских римских дорог, и в крови живущая отечественная почва тверской земли, и родная, финляндская, и библейская Сиона и Синая, и небесная, наконец Вальгаллы и авионов» [6. С. 229]. Далее Цветаева обращает внимание на то, что приобщение Н. Гронского к западной культуре не привело к слиянию с ней. Он «не только взять сумел, но отстоять сумел: свой образ, свое юношеское достоинство, свою страсть к высотам, свои русские истоки и, во всем его богатстве, мощи и молодости свой язык» [6. С. 229]. Последним аргументом принципиальной возможности контакта с другими культурами без утраты собственной культурной идентичности для М.И. Цветаевой является поэзия и драматургия А.С. Пушкина.

Возвращаясь к личности и наследию А.С. Пушкина, который был для эмиграции центральной фигурой русской культуры, хотелось бы показать, как классические суждения о поэте трансформируются в соответствии с необходимостью выработки новых паттернов идентичности. Одним из наиболее значимых текстов, связанных с оценкой роли творчества А.С. Пушкина в развитии самосознания русской культуры, являлась для эмиграции речь Ф.М. Достоевского, произнесенная в 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности. В частности, в этой речи содержался ценный для эмиграции тезис о «всемирной отзывчивости» Пушкина. Эта мысль привлекала внимание многих публицистов эмиграции, например В. Вейдле. В своей речи Ф.М. Достоевский делает акцент на пророческом характере дара Пушкина проникаться духом чужой культуры. Этот дар Достоевский трактует не как стремление поэта осмыслить ценности европейской культуры, а как проявление глубинной сущности национального характера: «Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное,

а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» [7. С. 58]. Однако «стремление к всечеловечности» русской народности сочетается с глубокой неспособностью явить себя в доступной пониманию европейцев форме. Пушкин, с точки зрения Достоевского, может рассматриваться как единственный русский поэт, который был потенциально способен «разъяснить» европейцам суть русского стремления к «всемирности»: «Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят» [7. С. 60]. Таким образом, Достоевский фиксирует противоречие между стремлением русской культуры к экспансии, способностью проникнуть в сущность чужой культуры и невозможностью обратить европейцев в свою веру «всечеловечности». В своей речи Ф.М. Достоевский активно формирует миф о русской культуре, которая выступает в мессианской роли «собирателя Европы»: «Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и наклонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное» [7. С. 59].

Эмиграция получила уникальную историческую возможность проверить на практике способность русской культуры к «всечеловечности». В статьях о Пушкине, вошедших в сборник «Patriotica. Россия. Родина. Чужбина», П.Б. Струве на первый взгляд сближается с Ф.М. Достоевским. Однако, рассуждая о «всечеловечности» Пушкина, он незаметно сдвигает акценты: «Всему человеческому был открыт дух великого поэта. Пушкин никогда не оставлял пределов России. Но, "сердце укрепив свободой и терпением", он вобрал в это сердце весь мир и в художественных образах, и в "звуках сладких и молитвах", подарил богатство мира своему народу» [8. С. 320]. Если в толковании Ф.М. Достоевского Пушкин предстает как «переводчик» ценностей (которым Достоевский не дает отчетливого определения) русской культуры европейцам, то П.Б. Струве воспринимает Пушкина как проводника в мир европейской культуры и ее ценностей. Струве делает акцент на таких ценностях, как красота, правда и свобода. Эти ценности являются «русскими национальными» и в то же время всечеловеческими, т.е. в данном контексте европейскими. Ряд ценностей, проводником которых явился, с точки зрения Струве, Пушкин, можно дополнить такими, уже вполне европейскими, как

«прозрачность», «ясность», «воплощенная мера»: «Он был до конца прозрачная ясность, всеобъемлющая сила, воплощенная мера... Этой мерной силе было присуще величайшее творческое спокойствие, ей была свойственна спокойная и ясная справедливость» [8. С. 317].

В одном из стихотворений, посвященных А.С. Пушкину, М.И. Цветаева противопоставила пушкинской «всеобъемлющей силе» русскую «косность»: «Преодоление / Косности русской / Пушкинский гений? / Пушкинский мускул / На кашалотей / Туше судьбы / Мускул полета, / Бега, / Борьбы» [9. С. 278]. Это стихотворение 1931 г., вошедшее в цикл «Стихи к Пушкину», на наш взгляд, отражает стремление М.И. Цветаевой осознать и воплотить новые черты собственной идентичности. Так, в том же стихотворении она заявляет, что «мышца» пушкинского сердца есть также и ее собственная. М.И. Цветаева была одним из немногих поэтов эмиграции, которые стремились выразить противоречия прежней и новой складывающейся идентичности. Она была подготовлена к этой задаче всем своим жизненным опытом, однако в ранней лирике поиск альтернативных вариантов идентификации идет через анализ родословной, изучение польских и немецких корней. Можно сказать, что в ранних стихах М.И. Цветаева создавала своеобразный миф о себе. Оказавшись в эмиграции, М.И. Цветаева открыла возможность реализации себя как наследницы вновь понятого Пушкина.

Значение личности и творчества А.С. Пушкина было велико не только для писателей, но и богословов эмиграции. Ф.М. Достоевский в процитированной выше речи определил задачу российской «всечеловечности» в культуре Европы: «...внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову, Евангельскому закону» [7. С. 59]. Мысль Достоевского развил и дополнил И.А. Ильин в статье 1937 г. «Пророческое призвание Пушкина»: «Из его уст раздался и был пропет Богу от лица России гимн радости сквозь все страдания, гимн очевидности сквозь все пугающие земные страхи, гимн победы над хаосом. Впервые от лица России и к России была сказана эта чистая и могучая «Осанна», осанна искреннего, русским Православием вскормленного миро-приятия и Бого-приятия, осанна поэта и пророка, мудреца и ребенка, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский» [10. С. 222].

Однако даже такая сложная сфера духовного опыта, как религиозная вера, подвергается трансформации и нуждается в обновлении. А.С. Пушкин и в этом случае становится моделью, в соответствии с которой строится новый религиозный опыт, выстраивается новая идентичность с родной культурой, теперь уже «принадлежащей» только эмиграции. П.Б. Струве в статье «Живой и растущий Пушкин» рассматривает различные типы религиозности, присущие простым верующим, мистикам и богословам, а затем выделяет еще один тип: «Но может быть и совсем другой вид религиозности. Не погружение в Божество и не Его утверждение мыслью, а "касание мирам иным". Именно не прикосновение, а касание, стыдливое, сдержанное приближение, в котором нет никакого упоения или опьянения, где ясность не утрачивается, а

ясный и трезвый дух только смиренно склоняется перед неизъяснимым. Такова была религиозность зрелого Пушкина» [8. С. 319]. В данном случае творчество А.С. Пушкина становится моделью для развития нового типа религиозной идентичности, актуального, конечно, в большей степени для эмиграции, чем для поэта в его реально-историческом бытии. Новые черты, которые появились в самоидентификации русской эмиграции, могут рассматриваться как продолжение и реализация давно существовавших в культуре подспудных движений. В.К. Кантор в своей монографии называет тип русского человека, явившего себя, в том числе и в культуре эмиграции, «русским европейцем»: «Оказалось, что два века послепетровского воспитания сумели создать русских, которые в Европе оставались русскими, но русскими европейцами» [4. С. 70].

Особое внимание здесь хотелось бы уделить тем текстам, которые отражают новые черты национальной культурной идентичности. Эмиграция и пребывание в среде чужой культуры актуализировали альтернативные дискурсивные цепочки, потенциально присутствующие в родной культуре, что позволило воссоздать альтернативные картины культурных смыслов. Одним из примеров такой альтернативной картины, на наш взгляд, является книга М. Алданова «Загадка Толстого», опубликованная в Берлине в 1923 г. Это переиздание части книги, написанной в 1914 г. В своей книге М. Алданов показывает противоречия между нравственными максимами Л. Толстого и воображаемой жизнью героев его романов. Так, например, М. Алданов показывает, что второстепенные герои «Анны Карениной», совершающие тот же грех, что и Анна, совершенно свободны от осуждения со стороны общества и воздаяния со стороны Бога. При этом Алданов оспаривает мнение одобренного Толстым критика М.С. Громеко, состоящее в осуждении «quasi - либеральной веры» в «достоинство и прочность произвольной смены человеческих страстей». Алданов отстаивает ценности либерализма и свободы личности, а также равенства всех перед законом и отмечает нелогичность Толстого: «Где живут припеваючи Облонские и Тверские, там гибель Анны Карениной трудно представить актом высшей справедливости» [11. С. 34]. Говоря о «Крейцеровой сонате», Алданов пытается выйти за пределы привычных определений тематики повести: «Проблема истинной свободы, проблема Тютчевского "Silentium" занимает в "Крейцеровой Сонате" полускрытое, но огромное место» [11. С. 52].

Можно предположить, что идеи Алданова об истинной свободе личности, о ее внелогической природе имеют отношение к новой идентичности внутри русской культуры, однако так как Алданов не находит подходящих дискурсивных образцов, он обращается к Мопассану и Вольтеру, вовлекая, таким образом, опыт чужой культуры в создание новой идентичности. Тем не менее не происходит «обмена» Толстого на Мопассана. Л.Н. Толстой остается для М. Алданова главной ценностью и объектом рефлексии. Французская культура и литература становятся для Алданова дополнительным инструментом выстраивания нового варианта русской культурной идентичности в условиях эмиграции.

Наиболее драматичные варианты создания новых моделей идентичности связаны с ситуацией, когда на уровне суждений воспроизводится миф о рус-

ской литературе и культуре, а творческая практика презентует процесс формирования нового типа идентичности, что отражается в частности, в экспериментальном использовании поэтического языка. Такая ситуация присутствует в творчестве Бориса Поплавского. В своих статьях и рецензиях Поплавский отмечает ситуации, когда эмиграция способствует возвращению к подлинной русской культуре, ее истокам. Так, например, в рецензии на № 24 и 25 журнала «Путь» он пишет о том, что Россия недооценивала православия, равняясь на Запад, игнорируя ценность идей Хомякова, Леонтьева, Достоевского. В то же время в эмиграции, в сравнении с Христом католиков и протестантов, Христос православия раскрывается с новой силой в традициях милосердия и сострадания: «Христос православный трости надломленной не переломит, он весь в жалости, всегда в слезах, потому-то все, далеко даже отошедшие от церковности, все же никогда с презрением о ней не говорят, а сохраняют навек острую боль разрыва с православием, как Блок» [12. С. 279]. Однако Поплавский принадлежит к тому небольшому ряду писателей и критиков зарубежья, которые отмечали возникновение новых традиций в русской культуре эмиграции в результате контактов с культурой Европы. Так, в заметке, посвященной новому изданию Тургенева, Поплавский отмечает, что русская культура эмиграции постепенно усваивает европейскую традицию чтения одного автора в течение всей жизни, приводя в пример французских «стендалиансов». «Однако русские во Франции живут волей-неволей и дышат аристократическим воздухом французской культуры, и под ее влиянием разбираются постепенно в литературном хаосе, чтобы найти, наконец, “своего” писателя или своих двух-трех писателей, единственно им соответствующих» [12. С. 281].

В качестве примера нахождения новых вариантов идентификации в поэзии, связанных с экспериментальным использованием языка, хотелось бы привести стихотворение Б. Поплавского из сборника «Дирижабль неизвестного направления» (стихи 1925–1926 и 1929 гг.) «Подражание Жуковскому». Стихотворение несет в себе черты дадаистского абсурда, и в этом смысле перекликается со стихотворением А. Введенского «Элегия» (1940), которое по своему жанру и некоторым дискурсивным чертам может быть также отнесено к подражаниям Жуковскому. А.С. Янушкевич в монографии «В мире Жуковского» отмечает, что «С перевода элегии Томаса Грея "Сельское кладбище" начинается отсчет как в поэзии самого Жуковского, так и в истории новой русской поэзии вообще» [13. С. 49]. Таким образом, круг замыкается. В.А. Жуковский, который через обращение к текстам иноязычных литератур создавал новый вариант идентичности в русской культуре, становится объектом подражания с той же целью создания новой идентичности на следующем витке развития русской культуры, уже вне России.

Если в стихотворении Б. Поплавского имеется прямое указание на объект подражания, то стихотворение А. Введенского не столь однозначно указывает на исходный претекст. Однако исследователи [14] отмечают, что поэзия А.С. Пушкина и В.А. Жуковского стала претекстом русского авангарда, в частности некоторых текстов Д. Хармса и В. Маяковского. «Элегия» А. Введенского рассматривалась в контексте поэзии А.С. Пушкина [15]. Много интересных наблюдений содержится в статье А.А. Фаустова [16], который рас-

сматривает некоторые стихотворения А. Введенского, например «Очевидец и крыса», сквозь призму поэзии В.А. Жуковского. Говоря о своеобразии интертекстуализма А. Введенского, А.А. Фаустов отмечает, что «распознаваемые в качестве "цитатных" элементы текста у Введенского отсылают в конечном итоге не к чужим персонажам, образам, мотивам или даже произведениям, а к целым авторским "дискурсным формациям"» [16. С. 200]. Этот вывод вполне приложим к стихотворению Б. Поплавского.

Основной темой подражания для Поплавского становится тема смерти как развоплощения, в том числе культурной и языковой идентификации. Образы стихотворения воспринимаются как абсурдные, слова как бы лишены «памяти» контекста и соединяются в причудливые метафоры: «Он сошел в голубую долину стакана, / Огнедышащий поезд, под ледник и канул», или «Синий мир водяной неопасно ползет, / Тихий вол ледяной удила не грызет» [17. С. 83]. Однако образы развоплощения не являются абсолютно завершенными. Так, одним из образов стихотворения является прозрачность, которая выступает как атрибут таких объектов и субстанций, как стакан, ледник, вода. Отметим, что первоначально стихотворение называлось «Стеклянная дева». Определение «стеклянный» в контексте поэзии Жуковского может соответствовать ситуациям, когда героиня («дева») общается с призраком («Светлана», «Ленора»), сама становится призраком («Эолова арфа»), находится на грани жизни и смерти, в состоянии очарованного сна («Двенадцать спящих дев»). Прозрачность – это вариант не столько развоплощения, сколько существования на грани бытия и небытия, поиска нового варианта воплощения.

Стихотворение Поплавского построено с использованием дискурсивных структур баллад, однако его тематика связана с лейтмотивами, которые были разработаны Жуковским в элегиях «Сельское кладбище» и «Вечер». Как отмечает комментатор, «"Вечер" является первой оригинальной элегией в творчестве Жуковского и, продолжая основные элегические лейтмотивы "Сельского кладбища" (быстротечность времени, бренность бытия, память как воскрешение из небытия, одухотворение природы), преобразовывает их в устойчивый комплекс художественно-эстетических тем, определяющих дальнейшее развитие исповедально-психологической поэзии и творчества Жуковского в целом» [18. С. 465]. Типичные лейтмотивы классической элегии в варианте Б. Поплавского дополнены и частично переосмыслены. Кризисный характер идентификации подчеркнут утратой памяти («Обнаженная дева приходит и тонет»). Одухотворение природы является для нее бременем («Невозможное древо вздыхает в хитоне»). Память культуры заменена беспамятством природы («Синий мир водяной неопасно ползет...»), личность охватывает состояние «фиолетового», «сладостного» сна, тяга к самоуничтожению (Подходи, приходи, неестественный враг, / Безвозвратный и сонный товарищ мой рак.). Тем не менее стихотворение Поплавского запечатлевает переходную стадию существования, когда «утонуть» не означает «умереть». Стихотворение начинается и заканчивается практически одинаково («Обнаженная дева приходит и тонет, / Невозможное древо вздыхает в хитоне»). Повторяющаяся фраза создает ощущение завершения и начала нового цикла. Мир уподобляется шляпе на голове подлеца и пальцу в огромном кольце («Но сей мир все ж как палец в огромном кольце / Иль как круглая шляпа на подле-

це»). И в том и в другом случае у мира есть некая ось, которая нуждается в обнаружении и осмыслении.

Тонущая дева в последних строках стихотворения поставлена в один ряд с названными осями мира. Тонущая, «стекленеющая» дева создает новую опору для мира, она становится его смыслом и предметом печали окультуренной природы («...дерево горько вздыхает в хитоне»). В первых строках стихотворения дерево в хитоне названо «невозможным», в последней строке оно «горько вздыхает», подобно персонажам античной трагедии. Дерево «принимает» новую для себя роль носителя памяти культуры до того момента, пока перерождение «стеклянной девы» не завершится выходом (пробуждением) из призрачного состояния «фиолетового сна». Если проецировать «фиолетовый сон» стеклянной девы в сюжетную сферу баллад Жуковского, то можно обнаружить обязательное условие, которое позволяет «деве» (особенно замысловатый сюжетный вариант возвращения представлен в балладе «Двенадцать спящих дев») вернуться в мир живых. Образ дерева в хитоне можно прочитывать как вариант новой идентичности в ситуации, когда личность, столкнувшаяся с развоплощением культурных схем выстраивания идентификации, ощущает себя частью природы. Хитон может означать возвращение «дерева» к истокам культуры. Образ тонущей девы также можно прочесть как образ поиска новой идентичности, пути к которой идут, с одной стороны, через забвение прошлого опыта (беспамятство природы), а с другой – через обретение прозрачности («обнаженная» и «тонущая» дева может пониматься как «прозрачная»), т.е. переосмысления традиции, которая перестает быть «непрозрачной» для самой себя.

Ситуация кризиса идентичности в стихотворении Б. Поплавского контрастирует с подобной же ситуацией в стихотворении А. Введенского. А. Введенский использует образы природы, переосмысливая типичные лейтмотивы элегии. Однако если в стихотворении Б. Поплавского природа становится временным убежищем частично развоплощенной личности, в стихотворении А. Введенского она равнодушна к страданиям человека («свет звезды бездушной»). «Потеря умов» или утрата идентичности, ведет к разрушению мира культуры. Мотив прозрачности также присутствует в стихотворении А. Введенского. Эта общность мотивов может быть обусловлена ситуацией пограничного существования, которую описывают оба автора. У А. Введенского находим образы «хрустального ручья» и «зеркального коня». Можно увидеть также и ситуацию утопления, ведь всадник изображен в неравном бою с морем, где он «плавает навагой». Если у Поплавского дева тонет без всякого сопротивления, то у Введенского мы находим напряженное отрицание ситуации развоплощения, поиск причин гибели культуры («воспели смерть воспели мерзость / воспомянать мним как дерзость / за то мы и палим»). «Зеркальный конь» в данном случае – это конь небытия, поставленный в один ряд с «хрустальным ручьем», воплощающим внекультурное небытие природы. «Прозрачность» не означает переосмысления культурной идентичности. Если у Поплавского есть возможность «утонуть», погрузиться в «фиолетовый сон», лишиться сознания и рефлексии и затем переосмыслить традицию, то у Введенского дана картина постоянно бодрствующего трагического сознания, которое продолжает анализировать происходящее и фиксировать

сировать утраты. В стихотворении А. Введенского нет альтернативы смерти и развоплощению смыслов культуры и, соответственно, кризису идентификации: «На смерть! На смерть! держи равнение / поэт и всадник бедный» [19. С. 263].

Очевидно, А. Введенский не видел для себя и своей поэзии возможностей идентификации с формирующейся советской культурой. Его стихотворение может рассматриваться как фиксация кризиса идентичности, который невозможно преодолеть в сложившейся культурной ситуации. В этом отношении литература эмиграции дает другие варианты решения проблемы идентичности, среди которых наряду с попытками консервации и создания мифа о национальной культуре и литературе существуют образцы реализации потенциальных вариантов идентичности и создания новых вариантов, связанных уже не с контекстом «национального мира», а с контекстом «русского» как мира отдельной личности.

Литература

1. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; Москва: Русский путь, 1996. 448 с.
2. Кнабе Г.С. Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. 60 с.
3. Тимонин М.И. Национальная культура Русского Зарубежья (1920–1930 гг.). Омск: Изд-во Сиб-АДИ, 1997. 165 с.
4. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: Рос. полит. энцикл., 2001. 704 с.
5. Вернадский Г.В. Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 2000. 320 с.
6. Цветаева М., Гронский Н. Несколько ударов сердца. М.: Вагриус, 2004. 320 с.
7. Достоевский Ф.М. Пушкин // Речи о Пушкине 1889–1960-е годы. М.: Текст, 1999. С. 48–60.
8. Струве П.Б. Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.
9. Цветаева М.И. Сочинения: в.2 т. Т. 1: Стихотворения, 1908–1941; Поэмы; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1988. 719 с.
10. Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Речи о Пушкине 1889–1960-е годы. М.: Текст, 1999. С. 198–223.
11. Алданов М.А. Загадка Толстого. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1923. 127 с.
12. Поплавский Б.Ю. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма. М.: Христианское изд-во, 1996. 512 с.
13. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 524 с.
14. Анисимова Е.Е. От Жуковского и Пушкина к Маяковскому и Хармсу: русская классическая поэзия как претекст литературного авангарда 1920–30-х гг. [<http://www.d-harms.ru/library/ot-zhukovskogo-i-pushkina-k-mayakovskomu-i-harmsu.html>].
15. Буров С.Г., Ладенкова Л.С. «Элегия» А.И. Введенского: мотив смерти в заглавии и в эпиграфе // Новый филол. вестн. 2014. № 4 (31). С. 110–123.
16. Фаустов А.А. След В.А. Жуковского в творчестве А.И. Введенского: несколько наблюдений // Жуковский и время: сб. ст. / ред. А.С. Янушкевич, И.А. Айзикова. Томск, 2007. С. 192–202. (Русская классика: исследования и материалы; Вып. 4).
17. Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Книжница: Русский путь: Согласие, 2009. 560 с.
18. Жуковский В.А. Вечер. Элегия // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. М., 1999.
19. Введенский А.И. Всё. М.: ОГИ, 2011. 735 с.

THE ROLE OF LITERATURE IN THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF CULTURAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN EMIGRATION OF THE 1920S–1940S

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 109–121. DOI: 10.17223/19986645/40/8
 Antoshina Elena V., Tomsk Economical and Legal Institute (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arancia@mail.ru

Keywords: B.J. Poplavskij, A.S. Pushkin, Russian literature of 20th century, literature of Russian emigration, cultural identity.

Russian literature became one of the main instruments of national and cultural identity preservation in the context of Russian emigration of the 1920s–1940s. There are many facts testifying to it. One of the brightest facts was the celebration of Pushkin's anniversary in 1937.

The cultural community of emigration needed a solution of the adaptation problem. It was necessary to preserve cultural identity in the context of foreign cultures. They tried to preserve cultural identity in the way of reproducing themes, images, plots of classical Russian literature. One of the problems this way was the spontaneous development of the myth about Russian culture and literature of the 19th century. The myth about national culture gradually turned into a simulacrum. V.V. Nabokov showed this process in his novels *The Gift* and *Invitation of a Friend*.

In cultural works of the Russian emigration, literature and theology were focused on supporting the national culture myth. Among works of a similar type in literature, one can mark a novel by I.S. Shmelev, *The Nurse from Moscow* (1933). The plot of this novel contains allusions to fairytales and a saint's biography. The main theme of the novel is the salvation role of the native Russian culture, which is emblemized in the image of a nurse from Moscow. The native culture protects the heroes of the novel and allows them to save identity wherever they are: in America, in Turkey, in India.

There was only a small group of writers who did not support the myth about national culture. They understood the destructive influence of the myth on the further development of Russian culture in the conditions of emigration. V.V. Nabokov, M.I. Tsvetaeva, B.Yu. Poplavskij can be included in this group.

The problem of the possibility of creative work without a contact with native culture was the object of debates. For the most part the cultural community of emigration thought that new Russian literature in emigration had no future. Still, there appeared new writers who were successful in the realization of the new types of cultural identity in emigration.

The new traits that appeared in the cultural identity of Russian emigration can be regarded as a result of realization of potential variants of identity. The potential variants of identity started developing as a result of contacts with foreign cultures, or as a result of the crisis of identity.

One of the most interesting and dramatic cases is poetry by B.Yu. Poplavskij. In his articles and reviews Poplavskij wrote about the stimulation role of emigration in the restoring of traditional Russian culture. At the same time, poetry by B.Yu. Poplavskij presented the process of the formation of a new type of identity. The poet experiments with poetic language, creates new poetry images and metaphors.

In the poem "The Imitation of Zhukovsky" B.Yu. Poplavskij came back to the source of Russian poetry and tried to find a new way for developing. A new variant of identity is connected not with the context of the "national world", but with the context "Russian" as the world of an independent individual.

References

1. Struve, G.P. (1996) *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris: YMCA-Press; Moscow: Russkiy put'.
2. Knabe, G.S. (2003) *Zhazhda tozhdestva. Kul'turno-antropologicheskaya identifikatsiya. Vchera. Segodnya. Zavtra* [Thirst for identity. Cultural anthropological identification. Yesterday. Today. Tomorrow]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
3. Timonin, M.I. (1997) *Natsional'naya kul'tura Russkogo Zarubezh'ya (1920–1930 gg.)* [National culture of the Russian abroad (1920s–1930s)]. Omsk: SibADI.
4. Kantor, V.K. (2001) *Russkiy evropeets kak yavlenie kul'tury (filosofsko-istoricheskiy analiz)* [A Russian European person as a phenomenon of culture (philosophical and historical analysis)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
5. Vernadskiy, G.V. (2000) *Lenin – krasnyy diktator* [Lenin as a Red dictator]. Moscow: Agraf.

6. Tsvetaeva, M. & Gronskiy, N. (2004) *Neskol'ko udarov serdtsa* [A few heartbeats]. Moscow: Vagrius.
7. Dostoevsky, F.M. (1999) Pushkin. In: *Rechi o Pushkine 1889-1960-e gody* [Speeches about Pushkin, 1889-1960s]. Moscow: Tekst.
8. Struve, P.B. (2000) *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. St. Petersburg: RkhGI.
9. Tsvetaeva, M.I. (1988) *Sochineniya. V 2-kh t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Il'in, I.A. (1999) Prorocheskoe prizvanie Pushkina [The prophetic calling of Pushkin]. In: *Rechi o Pushkine 1889-1960-e gody* [Speeches about Pushkin, 1889-1960s]. Moscow: Tekst.
11. Aldanov, M.A. (1923) *Zagadka Tolstogo* [The Mystery of Tolstoy]. Berlin: Izdatel'stvo I.P. Ladyzhnikova.
12. Poplavskij, B.Yu. (1996) *Neizdannoe: Dnevniki, stat'i, stikhi, pis'ma* [Unpublished: diaries, articles, poems, letters]. Moscow: Khristianskoe izdatel'stvo.
13. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
14. Anisimova, E.E. (n.d.) Ot Zhukovskogo i Pushkina k Mayakovskomu i Kharmsu: russkaya klassicheskaya poeziya kak pretekst literaturnogo avangarda 1920–30-kh gg. [From Zhukovsky and Pushkin to Mayakovsky and Harms: Russian classical poetry as a literary avant-garde pretext of the 1920–1930s]. [Online]. Available from: <http://www.d-harms.ru/library/ot-zhukovskogo-i-pushkina-k-mayakovskomu-i-harmsu.html>.
15. Burov, S.G. & Ladenkova, L.S. (2014) “Elegy” by A. Vvedensky: Motive of Death in Title and Epigraph. *Novyy filologicheskij vestnik – The New Philological Bulletin*. 4 (31). pp.110–123. (In Russian).
16. Faustov, A.A. (2007) Sled V.A. Zhukovskogo v tvorchestve A.I. Vvedenskogo: neskol'ko nablyudeniy [V.A. Zhukovsky's trace in the works of A.I. Vvedensky: few observations]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy i vremya* [Zhukovsky and time]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Poplavskij, B.Yu. (2009) *Sobranie sochineniy: V 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnitsa; Russkiy put'; Soglasie.
18. Zhukovsky, V.A. (1999) Veчер. Elegiya [Evening. Elegy]. In: Zhukovsky, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
19. Vvedenskiy, A.I. (2011) *Vse* [All]. Moscow: OGI.

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.17223/19986645/40/9

Г.А. Ахметова

ВОЗЗРЕНИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО НА ТЕАТР В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются глубинные истоки театральной эстетики Толстого, лежащие в христианской культуре. Восприятие театра Толстым не оставалось неизменным. В романе «Война и мир» негативное осмысление светского театра несет еще заметный отпечаток руссоизма. В более поздних произведениях писателя, начиная с романа «Анна Каренина», театр «образованного» сословия получает по преимуществу религиозно-этическую оценку. Символика античной зрелищности и маскарада, пронизывающая театральные эпизоды в поздней прозе Толстого, сближает воззрения писателя на театр с религиозной эстетикой К.С.Ф. Тертуллиана, автора трактата «О зрелищах», и Н.В. Гоголя, автора «Выбранных мест из переписки с друзьями». Для Толстого, как и для предшественников, принципиальной становится дилемма искусств: языческого и христианского, чувственно-развлекательного и духовно-созерцательного.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Ж.-Ж. Руссо, Н.В. Гоголь, К.Ф.С. Тертуллиан, театр, символика, Античность, зрелищность, христианство, созерцательность.

Исследований о драматургии и театральной эстетике Льва Толстого достаточно [1–4]. Хорошо изучены теоретические взгляды писателя на театр, изложенные им в поздних работах «О Шекспире и о драме» и «Что такое искусство?» [5]. В целом исследована имплицитная эстетика Толстого – театральные эпизоды, представленные в его прозе. Однако культурный контекст воззрений Толстого на театр, истоки его настороженного, порой резко негативного отношения к зрелищному театру «просвещенного» сословия еще требуют изучения.

Научная традиция связывает философию и эстетику Л. Толстого с учением Ж.-Ж. Руссо [6–9]. Н.И. Ульянов убедительно обосновал мысль о влиянии Ж.-Ж. Руссо на театральные воззрения автора «Войны и мира»: «Описание парижской оперы в «Новой Элоизе» – плоско и бледно в сравнении с изумительными страницами «Войны и Мира», и не Толстому было учиться писать по таким образцам, но идея высмеивания и опорочения оперного спектакля за нарочитость и ненатуральность идет от Руссо. От него же и все прочие взгляды Толстого на театр» [9. С. 104].

Толстой, несомненно, испытал сильнейшее влияние идей Руссо – с этим в значительной мере связано отрицание им «нарочитости и ненатуральности» светского театра. Но соотнесение театральной эстетики Толстого исключительно с философией Руссо, его неприятием театра как «пагубного цветка цивилизации» [9. С. 102] не кажется вполне исчерпывающим. Представляется, что взгляды писателя на театр в поздний период его творчества, начиная с романа «Анна Каренина», имеют более глубокие корни, неотделимы от религиозно-христианской рецепции зрелищного искусства в целом. В частности,

в строгом отношении к театру Толстой предстает как наследник таких христианских мыслителей, как К.Ф.С. Тертуллиан и Н.В. Гоголь.

В произведениях Толстого часто встречаются фрагменты с описаниями или упоминаниями театра – светского спектакля, оперы или маскарада. При этом театральное действо почти всегда дается в восприятии «зрителей» – литературных героев Толстого. Театральные экфрасисы в прозе писателя дают двойной художественный эффект. Они служат средством психологической характеристики персонажей и одновременно формой выражения авторской эстетической рефлексии, достоверно подтвержденной восприятием героев.

Нельзя не согласиться с Н.И. Ульяновым в том, что описание московской оперы в романе «Война и мир» непосредственно восходит к страницам романа Руссо «Новая Элоиза» [9]. Воспринимая театр как наглый символ социального неравенства, автор «Письма к д'Аламберу о зрелищах» и «Новой Элоизы» характеризовал светский театр как фальшивое и безнравственное учреждение. В пародийной манере Руссо описывает в романе театральную сцену: танцы, пение, игру музыкантов. Герой романа, присутствующий на спектакле, воспринимает все происходящее как нелепость [10. С. 259].

Толстой повторяет даже прием нарочито-наивного удивления, свойственный Ж.-Ж. Руссо. В.Б. Шкловский, анализируя эпизод посещения Наташей Ростовой московской оперы, назвал этот прием «остранением» [11. С. 43]. Суть его – в непосредственном, ничем не замутненном взгляде на привычное и общепринятое. Восприятие оперы Наташей Ростовой – пародия в миниатюре. Во время первого акта все происходящее на сцене кажется ей невозможной фальшью, почти абсурдом: «Она не могла следить за ходом оперы, не могла даже слышать музыку: она видела только крашенные картоны и странно наряженных мужчин и женщин, при ярком свете странно двигавшихся, говоривших и певших; она знала, что все это должно было представлять, но все это было так вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совестно за актеров, то смешно на них» [12. Т. 5. С. 340]. Наташа совсем не слышит музыки, которая, видимо, испорчена условиями оперной сцены. Но постепенно магия театра вводит ее в состояние «опьянения»: «Наташа малопомалу начинала приходить в давно не испытанное ею состояние опьянения. Она не помнила, что она и где она и что перед ней делается...» [12. Т. 5. С. 341]. Когда в соседней ложе Элен появляется Анатолий Курагин, «которого она давно <...> заметила на петербургском бале», Наташа неожиданно для себя сама превращается в актрису: «Она даже повернулась так, чтобы ему был виден ее профиль, по ее понятиям, в самом выгодном положении» [12. Т. 5. С. 341]. Наташа невольно сама становится участницей театрального представления, не ограниченного рампой.

Толстой близок Руссо своим негативным восприятием светского театра как фальшивого и легкомысленного действия. Подобно Руссо, Толстой считает театр, особенно оперу, отклонением от жизни, природы, естественности. Он остро воспринимает нравственную опасность, исходящую от театра, для неискушенного зрителя. Театр становится местом серьезного жизненного кризиса Наташи Ростовы. В финале спектакля она окончательно поддается гипнозу оперной сцены. Наташа уже воспринимает ее как нечто вполне натуральное и не чувствует нравственной преграды между собой и Анатолом; ее

восхищает до невозможности обнаженная Элен. То же состояние незащищенности она испытывает в доме Элен, где происходит импровизированное театральное представление. M-lle Georges читает монолог Федры из одноименной трагедии Ж.-Б. Расина: «M-lle Georges строго и мрачно оглянула публику и начала говорить по-французски какие-то стихи, где речь шла о ее преступной любви к своему сыну. Она местами возвышала голос, местами шептала, торжественно поднимая голову, местами останавливалась и хрипела, выкатывая глаза» [12. Т. 5. С. 352]. Манерность актрисы внушают Толстому отвращение, как и сама тема любви мачехи к пасынку. В салоне Элен Наташа окончательно утрачивает понимание того, «что дурно, что разумно и что безумно» [12. Т. 5. С. 352].

Подобно Руссо, Толстой воспринимает светский театр как зрелище, созданное для забавы праздной публики и далекое от естественного состояния. Опасность в том, что зритель, эмоционально «опьяняясь» сценой, забывает об условной природе спектакля и невольно переносит в свою собственную жизнь его фальшивые эмоции и мишуру.

В настороженном отношении к театру Толстой не был одинок и среди русских писателей. Отечественная классика насыщена театральными эпизодами – описаниями опер, спектаклей, сценических представлений. Так, широко известно описание петербургского театра в романе «Евгений Онегин»:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит <...>
Все хлопают. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Все видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел» [13. С. 14–15].

Описание театра в романе А.С. Пушкина важно не только с точки зрения характеристики главного героя. Эпизод значим в контексте традиции восприятия театра высшим обществом. Онегин вначале глядит «на ложи незнакомых дам», раскланяется с мужчинами и лишь затем «...на сцену В большом рассеянье взглянул». Пушкин емко передал особенность светского театра – места, где мало быть зрителем, но нужно «показать» самого себя, сыграть собственную роль. Онегин, например, надевает на себя маску Чайльд-Гарольда. При всей любви к петербургскому театру, балету и удивительному искусству Авдотьи Истоминой поэт понимает, что театр – место, где светское общество наиболее искусственно и, вероятно, аморально.

М.Ю. Лермонтов значительно развил пушкинский мотив, создав образ бездушной маскарадной толпы в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» и одноименной романтической драме. В маскараде Нина Арбенина теряет один из двух парных браслетов и становится объектом светской клеветы и заговора. Арбенин не верит Нине, но верит клевете и дает жене яд. Маскарад предстает в драме как символ жестокости и порочности света под маской блеска и роскоши.

Следует все же заметить, что прямо противоположную функцию театральные эпизоды выполняют в произведениях А.И. Герцена, И.С. Тургенева, А.Н. Островского. Так, в повести Герцена «Сорока-воровка» рассказчик с горечью вспоминает историю невероятно талантливой и не менее несчастной актрисы. Трагическая актриса на сцене, в жизни Анета всего лишь «крепостная девка» князя Скалинского. Застав ее в момент, когда она читает «Коварство и любовь» Шиллера, князь заявляет: «Как к ней идет этот гнев! Да полную роль играть» [14. С. 340]. Однако актриса не способна не только «роль играть» в жизни, ответив на ухаживания князя, но и притворяться на сцене. Сцена для нее и есть подлинная жизнь – только играя в театре, она живет.

Истинной жизнью, почти откровением театр предстает в романе Тургенева «Накануне». В эпизоде посещения Инсаровым и Еленой Стаховой в Венеции оперы «Травиата» сопереживание героев музыке Верди обнажает в них такие чувства, о которых они прежде не подозревали. Опера Верди рождает в душе Елены предчувствие смерти как неизбежной платы за счастье: «Ей стало страшно своего счастья. “А если этого нельзя – подумала она. – Если это не дается даром? Ведь это было небо... а мы люди, бедные, грешные люди... *Morir si giovane...*”» [15. С. 321]. «Травиата» становится для Елены предвестием ее собственной судьбы и судьбы Инсарова.

Сферой подлинной жизни театр предстает в пьесе Островского «Лес». Отвергая пошлое восприятие артиста как комедианта, или шута, трагик Несчастливцев говорит Гурмыжской: «Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты – вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы» [16. С. 124]. Причастность актера к высокой литературе рождает такие же высокие чувства в жизни, способность сострадать, любить по-настоящему.

Восприятие театра русскими классиками неоднозначно. Льву Толстому, несомненно, ближе лермонтовское и отчасти пушкинское отношение к театру как символу ненатуральности и фривольности жизни образованного социального слоя. Но наиболее созвучны Толстому, особенно в поздний период его творчества, начиная с романа «Анна Каренина», воззрения на театр Н.В. Гоголя, автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Путь духовного подвижничества, пройденный Гоголем, всегда волновал Толстого в соотнесенности с его собственным путем. По мысли С.Г. Бочарова, уход Гоголя из литературы и жизни сопоставим с уходом Л. Толстого: «И событие литературное в обоих случаях имело характер

события религиозного. В том и другом случае это было религиозное отречение» [17. С. 11].

В Гоголе-художнике и религиозном проповеднике Толстой находил много близкого своим нравственным исканиям и раздумьям об искусстве. Перечитав «Выбранные места из переписки с друзьями» в связи с намерением написать статью о Гоголе, Толстой в письме к П.И. Бирюкову сообщает: «Очень меня заняла последнее время еще Гоголя «Переписка с друзьями». Какая удивительная вещь! За 40 лет сказано, и прекрасно сказано, то, чем должна быть литература. Пошлые люди не поняли, и 40 лет лежит под спудом наш Паскаль» (5 октября 1887 г.) [12. Т. 19–20. С. 152].

Мысль о Гоголе – непризнанном русском Паскале Толстой выразил также в письме к В.Г. Черткову: «40 лет тому назад человек, имевший право это говорить, сказал, что наша литература на ложном пути – ничтожна, и с необыкновенной силой показал, растолковал, чем она должна быть, и в знак своей искренности сжег свои прежние писания... Пошлость, обличенная им, закричала: он сумасшедший, и 40 лет литература продолжает идти по тому пути, ложность которого он показал с такой силой, и Гоголь, наш Паскаль, – лежит под спудом. Пошлость царствует, и я всеми силами стараюсь сказать то, что чудно сказано Гоголем. Надо издать его выбранные места из его переписки и его краткую биографию в Посреднике. Это удивительная жизнь <...>» (10 октября 1887 г.) [18. Т. 86. С. 89–90].

Толстому глубоко созвучно гоголевское неприятие зрелищного театра. В статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» Гоголь дал критику светского театра и изложил свои взгляды на театр духовный. Ссылаясь на пример подвижника Дмитрия Ростовского, писавшего для сцены, Гоголь выступил в защиту духовного театра перед натиском развлекательного зрелища: «Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек, и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собою, разбирая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра. Отделите только собственно называемый высший театр от всяких балетных скаканий, водевилей, мелодрам и тех мишурно-великолепных зрелищ для глаз, угрожающих разврату вкуса или разврату сердца, и тогда посмотрите на театр. Театр, на котором представляются высокая трагедия и комедии, должен быть в совершенной независимости от всего. Странно и соединить Шекспира с плясуньями или с плясунами в лайковых штанах» [19. С. 268].

Толстой вполне мог бы повторить слова Гоголя о театре – «кафедре», с которой можно «много сказать миру добра». Задолго до Толстого Гоголь противопоставил «мишурно-великолепной» театральной зрелищности христианскую строгость и духовность. «Блестящие балеты и даже оперы» Гоголь отграничил от настоящего искусства: «Частое повторение высоко драматических сочинений, то есть тех истинно классических пьес, где обращено внимание на природу и душу человека, станет необходимо укреплять общество в правилах более недвижных, заставит нечувствительно характеры более устроиваться в самих себе, тогда как всё это наводнение пустых и легких пи-

ес, начиная с водевилей и недодуманных драм до блестящих балетов и даже опер, их только разбрасывает, рассеивает, становится легким и ветреным общество <...> Есть много среди света такого, которое для всех, отделившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству. В том числе может быть и театр, если будет обращен к своему высшему назначению» [19. С. 269].

По мысли Гоголя, театр может быть «незримой ступенью к христианству», средством обращения к Христу. В таком понимании театра – глубокая близость Гоголя Толстому. Хотя есть и различия. Для Гоголя Христос – воплощенный сын Божий, Толстой же имел в виду Учение Христа, которого не воспринимал как Богочеловека. Кроме того, Гоголь не ставил под сомнение классику мировой драматургии: «Шекспир, Шеридан, Мольер, Гёте, Шиллер, Бомарше, даже Лессинг, Реньяр и многие другие из второстепенных писателей прошедшего века ничего не произвели такого, что бы отвлекало от уважения к высоким предметам...» [19. С. 268–269]. Толстой же в своем утверждении духовного театра идет гораздо дальше Гоголя, подвергая критике даже театр Шекспира («О Шекспире и о драме»).

И все же из всех русских писателей именно Гоголь с его пониманием искусства и особенно театра наиболее близок Толстому. Объяснить это можно только одним: глубинные истоки эстетики двух писателей лежат в христианской культуре.

В этой связи не будет натяжкой вспомнить эстетику ранних христианских философов – в той ее части, которая касается зрелищных искусств, особенно театра. Христианские мыслители из всех античных искусств наиболее резко критиковали именно зрелищные, поскольку они в наибольшей степени противоречили этическим и эстетическим принципам новой культуры [20]. Известно, что зрелища были необычайно популярны в Римской империи. Обычно они являлись логическим завершением религиозных праздников и мистерий, но часто устраивались и самостоятельно. «Не меньше, чем мимы, популярностью пользовались в Риме зрелища цирка и амфитеатра». «Римская публика периода Империи требовала зрелищ, наполненных грубой эротикой, убийствами, потоками крови, и она получала их... вплоть до включения в зрелище натуральных боев, убийств, половых актов» [20. С. 171–172].

Одним из тех, кто дал наиболее резкую критику зрелищных искусств, был мыслитель эпохи раннего христианства Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, автор трактата «О зрелищах» («De spectaculis», дата написания: между 198 и 206 гг.). Лев Толстой был знаком с сочинениями Тертуллиана – об этом свидетельствуют ссылки на него в религиозных трактатах писателя и воспоминания современников.

Так, М. Горький передает слова Толстого, цитирующего мысль Тертуллиана о вере, несовместимой с разумом: «...о душе я знаю одно: душа хочет близости к богу. А что такое – бог? То, частица чего есть моя душа. Вот и все. Кто научился размышлять, тому трудно верить, а жить в боге можно только верой. Тертуллиан сказал: “Мысль есть зло”» [21. С. 285].

В «Исследовании догматического богословия» Толстой ссылается на известную мысль философа о душе – христианке по своей природе: «Прислушайтесь, говорил Тертуллиан к язычникам, к свидетельству самой души ва-

шей, которая, несмотря на темницу тела, на предрассудки и дурное воспитание, на свирепство страстей, на рабство ложным богам, когда возбудится как бы от пьянства или от глубокого сна, когда почувствует, так сказать, искру здоровья, невольно призывает имя единого истинного бога и вопиет: великий боже! благий боже! что бог даст! Таким образом, имя его находится в устах всех людей. Душа признает его за судию следующими словами: бог видит, надеюсь на бога, бог воздаст мне. О, свидетельство души по природе христианской (*naturaliter christianae*)!» [18. Т. 23. С. 82].

Трактат Тертуллиана «О зрелищах», несомненно, был известен Толстому – так много созвучного в восприятии зрелищных искусств у христианского мыслителя и русского писателя.

В начале трактата Тертуллиан в полемике с теми, кто считал, что в Священном Писании нет закона, который прямо бы запрещал присутствовать на зрелищах, цитирует псалом царя Давида: «...мы встречаем достаточное на этот счет запрещение в начале первого псалма царя Давида: *Счастлив, кто не ходит на совет нечестивых, кто на пути грешников не стоит, кто на седалище пагубы не сидит (Пс. 1, 1)*» [22. С. 279]. Псалом Давида Тертуллиан толкует широко, как запрет израильтянам на зрелища.

Свой трактат Тертуллиан начинает с истории зрелищ. Исходным тезисом философа становится мысль о том, что игры и зрелища возникли в тесной связи с религиозными обрядами и мистериями. По его словам, древние представления, посвященные тем или иным богам, не что иное, как идолопоклонство. Цирковые и театральные зрелища, скачки, их роскошь и красоту автор трактата прямо связывает с религиозными культами [22. С. 283–285]. Театр при этом несравненно хуже цирка, ибо «является в полном смысле святилищем Венеры». По словам философа, театр посвящен не только Венере, но и Либеру, богу вина: «...эти демоны тесно спелись друг с другом на общей основе пьянства и похоти. Таким образом, театр еще и дом Венеры и Либеры». «И впрямь, сценическим искусствам покровительствуют Либер и Венера. Характерными для сцены изнеженными телодвижениями стараются угодить расслабленной от распутства Венере и расслабленному от пьянства Либеру» [22. С. 284]. Оба эти божества, считает Тертуллиан, питают театральные действия с их непристойными жестами и телодвижениями.

По мысли философа, театр является школой безнравственности – местом, где можно научиться тому, что в обществе официально порицается. Но на порицаемое в обществе с удовольствием смотрят в театре: «...кто на улице посовестился бы задрать рубашку, чтоб справить нужду, тот в цирке без всякого зазрения обнажает срамные части тела. Кто бережет свою дочь от оскорблений, тот сам ведет ее в театр, где она слышит непристойные речи и видит неприличные жесты. Кто на улице остановит разбушевавшегося драчуна, тот спокойно смотрит, как на арене кулачные бойцы избивают друг друга. Кто не выносит вида покойников, тот в амфитеатре с удовольствием смотрит на тело, плавающее в луже крови» [22. С. 289].

Римские зрелища Тертуллиан воспринимал как варварство, отрицание нравственности. Бои гладиаторов, схватки людей с хищниками, эротические сцены стали для римлян захватывающим зрелищем. С точки зрения христиан, такие представления – греховный соблазн, предел бесчеловечности и не-

пристойности: «Разве зрелища эти не подпадают под общий для христиан запрет избегать мирских соблазнов? Подобно похоти к богатствам, почестям, обжорству и удовлетворению плоти бывает похоть к удовольствиям и увеселениям, к которым нельзя не отнести и зрелищ. Я полагаю, что упомянутые в Писании соблазны содержат в себе, как свою разновидность, удовольствия, а в общее понятие удовольствия входят, как частный их вид, зрелища» [22. С. 286].

Осуждая зрелищные искусства, Тертуллиан стремился понять причины их эстетического воздействия на зрителя. По его словам, зрелища будят в человеке волнения души, аффекты, которые вызывают чувство удовольствия, ибо открывают доступ в мир подавленных инстинктов и влечений. Философ осуждал в зрелищах их эмоционально-аффективную природу, способность будоражить низменные инстинкты. Он ясно различал два вида эстетического удовольствия: чувственное, языческое и духовное, философско-бесстрастное. Отношение Тертуллиана к зрелищным искусствам свидетельствует о новом понимании эстетики, отличном от античной эмоциональности и аффективности.

Толстому чрезвычайно близки мысли Тертуллиана о зрелищных искусствах в их оппозиции к искусству христианскому. Не случайно в творчестве Толстого, начиная с романа «Анна Каренина», светский театр предстает как аналог античных жестоких зрелищ.

В романе «Анна Каренина» петербургская опера становится местом нравственно-психологического кризиса в отношениях главных героев. Поездка в оперу, на концерт знаменитой певицы Патти, – причина ссоры, произошедшей между Анной и Вронским. Вронский заранее предвидит острую реакцию высшего общества на появление Анны в свете. Анна же, вопреки здравому смыслу и желанию Вронского, решает бросить вызов свету в самом почитаемом им месте – в театре.

Петербургская оперная сцена и зрительный зал даны в эпизоде через восприятие Вронского, приехавшего в театр после начала спектакля: «Те же, как всегда, были по ложам какие-то дамы с какими-то офицерами в задах лож; те же, бог знает кто, разноцветные женщины, и мундиры, и сюртуки; та же грязная толпа в райке...» [12. Т. 9. С. 126]. Театр предстает как средоточие «фраков», «мундиров», «разноцветных дам». «Пестрое стадо зрителей» жадно тянется к сцене, к оголенной певице. Ирония заключается в том, что свет судит «безнравственность» Анны в том самом месте, где его собственная фривольность проявляется ярче всего – в театре.

Именно в эпизоде посещения Анной оперы впервые с очевидностью обнаруживается непонимание, установившееся между ней и Вронским. Замешательство Вронского, сомнения, нежелание сопровождать Анну в театр подобны предательству. Зная, чем грозит Анне поездка в оперу, он все же отпускает ее одну, как бы сознательно отдает на растерзание светской толпе. Приехав в середине спектакля в театр, Вронский смотрит на сидящую в ложе Анну враждебными, осуждающими глазами – почти так же, как княгиня Карасова, оскорбленная присутствием Анны в соседней ложе и устроившая скандал.

Не найдя поддержки во Вронском, Анна остается один на один с мнением света, которым она посмела пренебречь. Именно она становится героиней жестокого зрелища, к которому не менее жадно, чем к певиче на сцене, приковано внимание публики. Мать Вронского, обращаясь к нему, язвительно говорит о Карениной: «*Elle fait sensation. On oublie la Patti pour elle*» («Она производит сенсацию. Из-за нее забывают о Патти») [12. Т. 9. С. 129]. Жажда зрелищ, отсутствие сострадания сближают театральную публику с античной толпой.

Оперный эпизод в «Анне Карениной» внутренне созвучен другому, на первый взгляд далекому от него эпизоду – скачкам в Царском Селе. Две сцены сближает мотив жестоких зрелищ.

Как заметила В.Е. Ветловская, в эпизоде скачек Толстой неявно уподобляет придворный Петербург древнему Риму [23. С. 29]. Скачки происходят на «гипподроме» овальной формы, рождающем воспоминания об античном амфитеатре. Обстановка скачек – самая пышная и вместе с тем жестокая. На скачках присутствует государь и его окружение. Параллель с древним Римом вводится сначала опосредованно: «Скачки были несчастливы, и из семнадцати человек попадало и разбилось больше половины. К концу скачек все были в волнении, которое еще более увеличилось тем, что государь был недоволен. Все громко выражали свое неодобрение, все повторяли сказанную кем-то фразу: «Недостает только цирка с львами», и ужас чувствовался всеми...» [12. Т. 8. С. 233]. Мотив зрелищ нарастает: возникает уже прямое упоминание о древнем Риме как городе зрелищ. Бетси Тверская, обращаясь к Анне, говорит: «– Нет, я не поеду в другой раз: это меня слишком волнует <...>

– Волнует, но нельзя оторваться, – сказала другая дама. – Если б я была римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка» [12. Т. 8. С. 231].

Так в эпизоде скачек возникает устойчивый в системе романа мотив жестоких чувственных зрелищ, связывающий его с изображением петербургской оперы. Блестящая публика на скачках являет собой ту же безжалостную, жаждущую зрелищ толпу, что и в театральном эпизоде.

Мотив современного язычества объединяет многие важнейшие эпизоды романа. Так, сцены с изображением петербургской оперы и царскосельских скачек внутренне связаны с картиной «Увещание Пилатом» русского художника Михайлова, мастерскую которого посещают Анна и Вронский в Италии. Пилат и Христос на этой картине символизируют полярность культур – языческой и христианской [24].

В контексте оппозиции двух культур воспринимается небольшой, но значимый театальный эпизод в романе «Воскресение». Светский театр дается в восприятии Нехлюдова; эпизод отражает его новый взгляд на мир, к которому он принадлежит по рождению. Уступая настойчивой просьбе Mariette, Нехлюдов посещает ее театральную ложу. На петербургской сцене дают драму «Дама с камелиями» по роману Александра Дюма-сына, не сходившую со сцен русских театров. Болезненно-жадный интерес публики к умирающей от чахотки актрисе на сцене подчеркнут: «...он приехал ко второму акту вечной «*Dame aus camelias*», в которой приезжая актриса еще по-новому показывала, как умирают чахоточные женщины» [12. Т. 13. С. 310].

Нехлюдов приезжает в театр сразу после того, как узнает об утверждении в Сенате каторжного приговора Катье Масловой. В своем новом серьезном настроении он воспринимает сцену как фальшь и кривляние на потребу жаждущей эффектов публики: «...все зрители были сосредоточены в созерцании нарядной, в шелку и бархате, ломавшейся и ненатуральным голосом говорившей монолог худой, костлявой актрисы» [12. Т.13. С. 310].

В отличие от Наташи Ростовской, увлеченной и опьяненной театром, Нехлюдов ясно видит ложь за покровом роскоши и блеска. С его впечатлениями от театра сливается образ светской проститутки Mariette, которая, по мысли Нехлюдова, хуже уличной женщины, ибо лжет и притворяется: «Эта, уличная женщина, – вонючая, грязная вода, которая предлагается тем, у кого жажда сильнее отвращения; та, в театре, – яд, который незаметно отравляет все, во что попадает» [12. Т.13. С. 312].

Театральный экфрасис в романе «Воскресение» вновь убеждает в резко негативном отношении писателя к зрелищному театру. Театр и его подобие – жизнь «просвещенного» общества предстают в своей ненатуральной, безнравственной сущности, сближающей их с языческим действием.

Жестокое лицедейство официально-государственной жизни ярко показано Толстым в его поздней повести «Хаджи-Мурат». Уже в романе «Война и мир» писатель изобразил высшие государственные сферы как театральный мир, в наибольшей же степени искусственны «великие люди» – Наполеон и Александр I. В повести «Хаджи-Мурат» в качестве «лицедея» предстает Николай I.

По поводу замысла повести Толстой писал: «...занят Николаем I и вообще деспотизмом, психологией деспотизма, которую хотелось бы художественно изобразить...» [12. Т. 20. С. 569]. Официальная и частная жизнь Николая I показана в повести как маскарад, скрывающий психологию деспота. Пятнадцатая глава целиком посвящена одному дню из жизни русского царя. В ней подробно описан один из тех придворных маскарадов, которые так любил Николай I и с которых, как правило, уезжал не один. И в повести прелестная молодая маска «своей белизной, прекрасным сложением и нежным голосом» возбудила в Николае I «старческую чувственность» [12. Т. 14. С. 85]. Наутро, усталый и разбитый, он вершит государственные дела.

Толстой обнажает «маскарадное» двоедушие внутренней политики Николая I. Глубоко лицемерен приговор царя студенту-поляку Бжезовскому, который в состоянии нервного припадка нанес несколько ничтожных ран профессору. Резолюция царя соответствует его злобным чувствам к полякам, которым он сделал так много зла: «Заслуживает смертной казни. Но, слава богу, смертной казни у нас нет. И не мне вводить ее. Провести 12 раз сквозь тысячу человек, Николай» [12. Т. 14. С. 90–91]. Столь же жестока и лицемерна политика императора в отношении горцев: «Твердо держаться моей системы разорения жилищ, уничтожения продовольствия в Чечне и тревожить их набегами» [12. Т. 14. С. 91].

Толстой видит маскарад в семейной жизни Николая I. После ночи, проведенной с девицей Копервейн, царь утром молится богу, не приписывая словам молитвы ровно никакого значения. После обедни он проводит время в семейном кругу, шутит с императрицей и детьми, а вечером едет в балет,

«где в трико маршировали сотни обнаженных женщин». То, что «распутство женатого человека было не хорошо, ему и не приходило в голову, и он очень удивился бы, если бы кто-нибудь осудил его за это» [12. Т. 14. С. 86].

Николай I – лицедей и безбожник. Оттого судьба Хаджи-Мурата изначально предreshена: он оказался между двумя деспотами – русским и восточным. Толстой нарушил литературную конвенцию сакрализации царей, сложившуюся в литературе классицизма. Автор «Хаджи-Мурата» развенчал Николая I, обнажив театральность его государственных деяний и личной жизни.

Символика античных жестоких зрелищ и бездушного маскарада пронизывает театральные эпизоды произведений Толстого и одновременно картины светской и государственной жизни. Границы театра и жизни оказываются проницаемы.

Театральные экфрасисы в прозе писателя, несомненно, предваряют его резко негативные высказывания о театре в позднем эссе «О Шекспире и о драме» и трактате «Что такое искусство?» Во всех произведениях Толстого точка зрения на театр ясна: с ним связана утрата моральной ориентации. Писатель предстает как страстный противник зрелищности, призванной давать лишь эмоционально-аффективное наслаждение и лишенной серьезного содержания.

Взгляды Толстого на театр отражают негативное восприятие зрелищности христианским искусством, в первую очередь религиозными эстетиками, близкими писателю, – Тертуллианом и Гоголем. Воззрения Толстого на театр могут показаться чересчур строгими, суровыми, однако экспансия в современном мире массовой культуры с ее бездумно-развлекательными, «языческими» формами заставляет иначе воспринимать тревогу и настороженность классика по отношению к зрелищному искусству.

Литература

1. Полякова Е.А. Поэтика драмы и эстетика театра в романе: «Идиот» и «Анна Каренина». М.: Росс. гос. гум. ун-т, 2002. 328 с.
2. Шульц С.А. Символический подтекст в пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2001. № 5. С. 7–13.
3. Димитров Л. Парадокс драматурга (Театр Льва Толстого) // Вестн. ВГУ. Сер. Гуманит. науки. 2003. № 2. С. 5–41.
4. Ульянов Н. «Прием» и философия // Юность. 2000. № 9. С. 2–8.
5. Аникст А.А. Лев Толстой – ниспровергатель Шекспира // Театр. 1960. №11. С. 53–65.
6. Дивильковский А. Толстой и Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб.: Изд. Русской Христианской гуманитар. академии, 2005. С. 644–692.
7. Цертелев Д.Н. Нравственная философия графа Л.Н. Толстого // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб., 2005. С. 637–643.
8. Полосина А.Н. Руссоизм Л.Н. Толстого // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 67–76.
9. Ульянов Н.И. Из давних споров // Н. Ульянов. Скрипты: сб. ст. Эрмитаж, Ann Arbor, Michigan, USA, 1981. С. 100–119.
10. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М.: Худож. лит., 1968. 772 с.
11. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 384 с.
12. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985.
13. Пушкин А.С. Сочинения: в 10 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 4. 687 с.
14. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1975. Т. 1. 592 с.
15. Тургенев И.С. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. 446 с.

16. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 12. 312 с.
17. *Бочаров С.* Два ухода: Гоголь, Толстой // *Вопр. лит.* 2011, № 1. С. 9–35.
18. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1935–1958.
19. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. 816 с.
20. *Бычков В.В.* *Aesthetica patrum.* Эстетика отцов церкви. М.: Ладомир, 1995. 608 с.
21. *Горький М.* Лев Толстой // *Полн. собр. соч.*: в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 16. Заметки. 632 с.
22. *Тертуллиан К.С.Ф.* О зрелищах // *Избр. соч.* / пер. с лат.; общ. ред. и сост. А.А. Столярова. М., 1994. С. 277–293.
23. *Ветловская В.Е.* Поэтика «Анны Карениной» (система неоднозначных мотивов) // *Рус. лит.* 1979. № 4. С. 17–37.
24. *Ахметова Г.А.* Картина Михайлова «Увещание Пилатом» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» сквозь призму иконописи // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика.* 2014. № 2. С. 11–16.

THE VIEWS OF L.N. TOLSTOY ON THEATER IN THE CULTURAL CONTEXT

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 122–134. DOI: 10.17223/19986645/40/9

Akhmetova Guzel A., Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: toha230@rambler.ru

Keywords: L.N. Tolstoy, J.-J. Rousseau, N.V. Gogol, Tertullian, theater, symbolism, antiquity, entertainment, Christianity, contemplation.

In the article the deep roots of Tolstoy's theatrical aesthetics lying in the Christian culture are considered. Tolstoy's perception of theater remained unchanged. In the novel *War and Peace* the understanding of the theater still carries an imprint of Rousseauism. In his later works, novels *Anna Karenina*, *Resurrection*, story *Hadji-Murad*, the secular theater gets a religious-ethical evaluation; it is already conceptualized as an analogue of the ancient cruel spectacles or masquerade. The negative image of the secular theater is inseparable from the image of the "theater" of the upper-class life: the border is permeable.

Tolstoy's views on theater reflect the negative perception of entertainment by Christian art, especially by religious aestheticians close to Tolstoy: Tertullian and N.V. Gogol.

In the "Selected Passages from Correspondence with Friends" Gogol gave his criticism of the secular theater, seeing it in opposition to the spiritual theater. In the opinion of Gogol, theater can be an "invisible stage to Christianity", a means of appealing to Christ. In this perception of theater Gogol is very close to Tolstoy. Although there are some differences. For Gogol Christ is the incarnate son of God. Tolstoy had in mind the teaching of Christ, who is not perceived as the God-man. Gogol did not question the classics of the world drama. Tolstoy in his assertion of the spiritual theater goes far beyond Gogol, criticizing even Shakespeare's theatre ("Shakespeare and the Drama").

The thought of performing arts of Tertullian, a philosopher of the early Christianity, the author of the treatise "On Spectacles" ("De spectaculis" (c. 198–206) was extremely close to Tolstoy. Tertullian saw a threat to morality, barbarism in Roman spectacles. Condemning performing arts, Tertullian dissected the mechanism of their aesthetic impact on the viewer. Spectacles awaken affects, repressed instincts and impulses in people. The philosopher condemned their emotional and affective nature in performing arts. Tolstoy was in tune with the view of Tertullian on performing arts in their opposition to Christian art. It is no accident the in the works of Tolstoy, from *Anna Karenina*, the secular theater was conceptualized as a projection of ancient cruel spectacles.

For Tolstoy, as well as for Tertullian and Gogol, the dilemma of arts is essential: sensuous entertainment and spiritual contemplation, the pagan and the Christian.

References

1. Polyakova, E.A. (2002) *Poetika dramy i estetika teatra v romane: "Idiot" i "Anna Karenina"* [Poetics of drama and theater aesthetics in the novel: The Idiot and Anna Karenina]. Moscow: RSUH.
2. Shul'ts, S.A. (2001) Simvolicheskiy podtekst v p'ese L. N. Tolstogo "Vlast' t'my" [The symbolic subtext in Leo Tolstoy's Power of Darkness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya.* 5. pp. 7–13.

3. Dimitrov, L. (2003) Paradoks dramaturga (Teatr L'va Tolstogo) [Paradox of the playwright (Theatre of Leo Tolstoy)]. *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 5–41.
4. Ul'yanov, N. (2000) "Priem" i filosofiya ["Device" and philosophy]. *Yunost'*. 9. pp. 2–8.
5. Anikst, A.A. (1960) Lev Tolstoy – nisprovergatel' Shekspira [Leo Tolstoy as a subverter of Shakespeare]. *Teatr*. 11. pp. 53–65.
6. Divil'kovskiy, A. (2005) Tolstoy i Russo [Tolstoy and Rousseau]. In: Zlatopol'skaya, A.A. et al. *Zh.-Zh. Russo: pro et contra* [J.-J. Rousseau: pro et contra]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.
7. Tsertelev, D.N. (2005) Nravstvennaya filosofiya grafa L. N. Tolstogo [The moral philosophy of Count Leo Tolstoy]. In: Zlatopol'skaya, A.A. et al. *Zh.-Zh. Russo: pro et contra* [J.-J. Rousseau: pro et contra]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.
8. Polosina, A.N. (2011) Russoizm L.N. Tolstogo [The Rousseauism of Leo Tolstoy]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 28. pp. 67–76.
9. Ul'yanov, N.I. (1981) Iz davnikh sporov [From old disputes]. In: Ul'yanov, N.I. *Skripty [Scripts]*. Ann Arbor, Michigan: Ermitazh.
10. Rousseau, J.-J. (1968) *Yuliya, ili Novaya Eloiza* [Julie, or the New Heloise]. Translated from French. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
11. Shklovskiy, V. B. (1983) *O teorii prozy* [On prose theory]. Moscow: Moscow State University.
12. Tolstoy, L.N. (1978–1985) *Sobr. soch. v 22 tomakh* [Works in 22 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Pushkin, A.S. (1975) *Soch. v 10 tomakh* [Works in 10 vols]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Herzen, A.I. (1975) *Sobr. soch. v 8 tomakh* [Works in 8 vols]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
15. Turgenev, I.S. (1980) *Soch. v 2 tomakh* [Works in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Ostrovskiy, A.N. (1952) *Poln. sobr. soch. v 16 tomakh* [Complete works in 16 vols]. Vol. 12. Moscow: Goslitizdat.
17. Bocharov, S. (2011) Dva ukhoda: Gogol', Tolstoy [Two leaves: Gogol, Tolstoy]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 9–35.
18. Tolstoy, L.N. (1935–1958) *Poln. sobr. soch. v 90 tomakh* [Complete works in 90 vols]. Moscow: Goslitizdat.
19. Gogol, N.V. (1952) *Poln. sobr. soch. v 14 tomakh* [Complete works in 14 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Bychkov, V.V. (1995) *Aesthetica patrum. Estetika ottsov tserkvi* [Aesthetica patrum. The aesthetics of the church fathers]. Moscow: Ladomir.
21. Gorky, M. (1973) Lev Tolstoy. In: Gorky, M. *Poln. sobr. soch. v 25 tomakh* [Complete works in 25 vols]. Vol. 16. Moscow: Nauka.
22. Tertullianus, Q.S.F. (Tertullian). (1994) O zrelischakh [On spectacles]. In: Stolyarova, A.A. (ed.) *Tertullian. Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Translated from Latin. Moscow: Progress, Kul'tura.
23. Vetlovskaya, V.E. (1979) Poetika "Anny Kareninoy" (sistema neodnoznachnykh motivov) [Poetics of Anna Karenina (a system of ambiguous motives)]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 17–37.
24. Akhmetova, G.A. (2014) Mikhailov's picture "Pilate's Exhortation" in Tolstoy's novel "Anna Karenina" through iconography. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. 2. pp. 11–16. (In Russian).

УДК 82-65:821.161.1(091)

DOI: 10.17223/19986645/40/10

Т.Б. Фрик

ЭПИСТОЛЯРНОСТЬ Н.М. КАРАМЗИНА¹

Статья посвящена рассмотрению специфических черт эпистолярности Н.М. Карамзина, нашедших отражение в его письмах, а также художественном творчестве и издательской практике. Эпистолярность рассматривается как качество, имманентно присущее творчеству писателя, выделяются ее характерные особенности. Делаются выводы о роли эпистолярной формы в построении поэтики карамзинских произведений.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, письмо, эпистолярное наследие, эпистолярные формы, эпистолярная поэтика.

Комплексный анализ писем Н.М. Карамзина в аспекте их поэтики, а также рассмотрение эпистолярных форм в поэтическом и прозаическом наследии писателя является актуальной исследовательской задачей, поскольку осмысление своеобразия эпистолярного феномена Н.М. Карамзина позволяет существенно дополнить уже имеющиеся представления о его творчестве, а также о роли писателя в формировании самосознания современников и развитии русской культуры и литературы.

Доминантный тип мироощущения того или иного писателя во многом может определяться особенностями жанрового оформления текстов и выражением индивидуального отношения к этому оформлению [1. С. 126]. Органичной для воплощения карамзинского мироощущения стала эпистолярная форма. Эпистолярность – это качество, имманентно присущее творчеству Н.М. Карамзина, и в этом смысле писатель является родоначальником определенной традиции, которая сыграла значимую роль в развитии эпистолярного творчества В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других ярчайших представителей русской культуры и литературы.

В современном литературоведении изучение писем писателей стало одним из магистральных исследовательских направлений [2–6]. Исходной точкой в анализе писательского эпистолярия (как и других форм эгодокументов, автобиографических текстов) является вопрос о степени его литературности. Литературность – это то качество текста, которое может проявляться в разной степени или быть лишь его потенциальным признаком, способом бытования. В этом случае речь может идти о литературном модусе (регистре) функционирования текстов того или иного типа [6. С. 9]. Такое понимание литературности применимо и по отношению к эпистолярному наследию Н.М. Карамзина.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Эпистолярный жанр в наследии Н.М. Карамзина» № 14-04-00179.

С одной стороны, почтовая проза неотделима от литературного творчества писателя, с другой стороны, эпистолярность является отличительной чертой поэтики его прозаических и поэтических произведений. Писатель активно использует в своем творчестве эпистолярные формы в качестве разновидности традиционных литературных жанров: стихотворное письмо-послание, эпистолярный роман, письмо в составе художественного произведения, письмо как публицистическая форма. Особое отношение Н.М. Карамзина к эпистолярному жанру определено как общекультурным контекстом, так и свойственным ему творческим мировидением, в основе которого установка на единение чувств и дум участников диалога, будь то адресат и адресант письма или автор и читатель литературного произведения.

Большое количество карамзинских стихотворений – это послания, в них прослеживается взаимосвязь поэтики почтовой прозы и стихотворного дружеского диалога. Прозаизация стиха как отличительная черта Карамзина-поэта особенно очевидна при сопоставлении реальных писем и его стихотворных посланий (см., например, письма и послания к И.И. Дмитриеву). Также эпистолярность художественного творчества Н.М. Карамзина проявляется и в своеобразном диалоге между прозаическими произведениями, написанными в эпистолярной форме, и поэтическими посланиями (ср., например, «переписку» Филалета и Мелодора, «Разговор о щастии» и «К Мелодору в ответ на его песнь любви»).

Эпистолярность проявляется как на структурном, так и на содержательном уровне прозаических произведений Н.М. Карамзина. При этом эпистолярные включения выполняют разные функции: характерологическую, психологическую, сюжетно-композиционную, информативную, функцию автохарактеристики. Так, в «Моей исповеди» желание героя говорить о себе через письмо является единственной мотивацией, эпистолярный текст представляет собой акт автокоммуникации. В повести «Чувствительный и холодный» характерологические различия между героями подчеркиваются различиями в стилистике и содержании их писем. В повести «Рыцарь нашего времени» эпистолярным документом, который и характеризует героиню, и выполняет информативную функцию (дает необходимые сведения о герое), и косвенно подтверждает подлинность рассказываемой истории, является письмо графини. Элементы эпистолярного жанра, включенные в ткань произведения, играют особую роль в размыкании художественного текста в реальность, за счет них создается «образ подлинной жизни» [7. С. 83]. Особую роль в этом случае играет пишущий автор-герой («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза», «Сиера-Морена», «Остров Борнгольм», «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь»), с которым связаны различные проявления эпистолярности.

Эпистолярные формы играют особую роль в репрезентации принципов и позиции Н.М. Карамзина – издателя журналов. В карамзинских изданиях прослеживается эмоциональный, чувствительный «сюжет», создаваемый во многом за счет эпистолярного контекста, который «окрашивает в тона субъективной мысли или эмоции любой факт реальности, превращая его из самоцельного объекта в факт частной жизни, подчиненной логике самораскрытия и самопознания души» [8. С. 38]. Кроме того, карамзинская издательская

стратегия отличается ориентацией на диалог с читателем, этот диалог организуется посредством большого количества публикаций-писем, автором которых в большинстве случаев является сам Карамзин. Письмо в его издательской идеологии – это интерактивная форма общения с читателем, изначально предполагающая готовность адресата к пониманию и принятию точки зрения автора. Несмотря на определенную динамику эпистолярной поэтики от издания к изданию (в «Московском журнале», например, очевиден некоторый перевес чувствительности, в «Вестнике Европы» – декларативности и публицистичности), на протяжении всей творческой деятельности Карамзин сохраняет отношение к письму как к способу установления непосредственного контакта с читателем, форме выражения собственных идей и чувств. В карамзинских журналах письма стали воплощением сложного взаимодействия литературы и реальной жизни. Документальность (в данном случае – эпистолярность) необходимо рассматривать как категорию эстетическую, сочетание эстетики документа и художественности обуславливает внутреннее единство изданий Н.М. Карамзина и отражает его творческую индивидуальность.

Говоря об эпистолярности карамзинского творческого наследия, необходимо отметить некоторую амбивалентность ее проявления: с одной стороны, писатель активно разрабатывает поэтику частного, дружеского письма в своей поэзии, прозе, журналистской и издательской практике, с другой стороны, в частной переписке Н.М. Карамзин расширяет границы бытового письма, выводя его на уровень литературы и публицистики. Анализ частных писем писателя в контексте его художественного творчества позволяет сделать выводы об особенностях их поэтики, явленных в формальных, содержательных признаках, а также в факте рефлексии самого акта письма.

Письма Н.М. Карамзина, как и сложившийся в рассматриваемую эпоху эпистолярный дискурс, отличаются метаэпистолярностью, рефлексией над процессом написания письма [9. С. 462]. В анализируемом эпистолярном дискурсе эти особенности нашли отражение в образе пера: «перо выпало из рук» [10. С. 230], «перо тупеет» [10. С. 35] и т.п. Перо в текстах Н.М. Карамзина одновременно символизирует как процесс создания почтовой прозы, так и процесс литературного творчества. Как правило, мотивы письмописания связаны с выражением чувств и эмоционального состояния автора и адресата, особенно много таких примеров можно найти в ранних письмах: «Сердце мое не позволяет мне *выпустить перо из рук*, и – я пишу!» [10. С. 235] (здесь и далее курсив мой. – Т.Ф.); «Любознательный человек не может *отложить перо свое*, когда удостоился счастья вести поучительную для себя переписку с великими и учеными людьми» [10. С. 245]; «Музы благоденствуют в тишине <...> *Перо тупеет*, меч острится, и картина минувшего слабо действует на сердце, сильно волнуемое настоящим» [10. С. 35]. В более поздних письмах (менее литературных, наполненных разочарованием и размышлениями о приближающейся старости) Карамзин будет указывать на несоответствие данных образов и их стилистики своему эмоциональному состоянию: «Вот письмо *несвязное и без каламбуров*: спешу отправить его <...> Вы слышали о гвардейском обеде? 30 тысяч пило здоровье Императора, плакало, кричало ура, etc. etc. Это не совсем придворная весть, но... *бросаю перо, как я в старину писывал*» [10. С. 341].

Н.М. Карамзин наделяет письма различными характеристиками, сущность которых определяется личностью адресата, тональностью, доминантой в общении с ним. Так, от власть имущих он получает «милостивые» письма, от друзей – «милые» и «дружеские», от родных – «дружеские» и «братские». Характер письма также может быть определен его тематикой и ситуацией общения, как, например, в случае с ответом на письмо П.А. Вяземского от 9 марта 1821 г.: «На *любезное либеральное* письмо ваше буду отвечать через почту» [10. С. 338]. Особое отношение к получаемым письмам может быть подчеркнуто открытым сопоставлением письма со старым долгожданным другом. Такое сравнение привносит в бытовую эпистолярную практику поэтичность: «Я взирав на написанное Вашим Императорским Высочеством письмо как на *старого друга, с которым свиделся после долгой разлуки*» [10. С. 111].

Важную роль в создании образности карамзинских писем играет образ пишущей руки, который является зримым (в особенности при актуализации семы «почерк») воплощением автора текста. Этот образ станет одним из основных в переписке Карамзина и Елизаветы Алексеевны, супруги императора, темой которой часто становилось обсуждение постоянного нездоровья автора и его царственного адресата. Так, например, в одном из писем к императрице рассказ о ревматической боли в руке превращается в историю преодоления себя, а словесная игра позволяет автору выразить всю полноту искренних чувств к императрице: «Теперь и враги моего авторского таланта не скажут, чтобы я писал без чувства: всякое движение пера отдается у меня в нервах. Платя дань суетности, без стыда хвалюсь перед Вами твердостью, которая состоит в том, чтобы платить некоторую болью в руке за счастье писать к любезнейшей из всех Императриц, не исключая и будущих» [10. С. 59]. В других письмах рука – узнаваемый почерк – это символ здоровья и благополучия автора, не случайно письмо брата, написанное чужой рукой, становится причиной карамзинского беспокойства: «Как нам грустно было видеть в письме вашем *не вашу руку!* Дай бог, чтобы драгоценное ваше здоровье еще поправилось!» [10. С. 219].

Частные письма Н.М. Карамзина, так же как и его стихотворные послания и художественные произведения, воплотили характерную для эпохи в целом ориентацию на дружескую беседу, при этом для писателя и историка стремление к душевной близости с адресатом – собеседником не столько дань литературной моде, сколько идеологически значимая константа, основа жизненной философии и базис жизнестроительства. Важно отметить, что эта особенность карамзинской эпистолярности получила развитие в поэтике писем писателей более позднего периода развития русской литературы: достаточно упомянуть в этой связи факт эпистолярной диалогичности А.С. Пушкина, которая рассматривается исследователями как поэтологическая константа пушкинских писем и основа его мировоззренческой позиции [11. С. 5].

Н.М. Карамзин уподобляет процесс переписки устному общению. Не случайно в письмах им так часто используются слова с семантикой «говорить»: «Умолкаю» [10. С. 12]; «Мы скажем единственно, что любим Вас» [10. С. 42]; «Не умничаю, а *говорю* искренно» [10. С. 23]; «Позвольте наконец сказать хотя два слова Вашему Императорскому Величеству» [10. С. 60].

Рефреном переписки с женой в феврале – марте 1816 г. станет фраза «поговорим о Петербурге», предваряющая детальный отчет Н.М. Карамзина обо всем, происходящем с ним. Часто в карамзинских письмах разным адресатам письмо сопоставляется с разговором: «Но боюсь *утомить* Вас *письмом*, как некогда боялся *утомлять разговором*» [10. С. 83]; «*Не пишу* к вам о новостях, любезнейший братец: и мало знаю, и *говорить* не хочется» [10. С. 189]; «Спешу после нашего разговора *излить на бумагу некоторые мысли* (не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке). Как мы *говорим* с Богом и совестью, *хочу говорить с Вами*» [10. С. 9]. Также Карамзин моделирует ситуацию устного общения в эпистолярном тексте через описание зримых для адресата физических действий. Ярким примером этому может служить небольшое письмо Н.М. Карамзина императрице Елизавете Алексеевне. Основным поводом для него стало стремление историографа извиниться за сорванный визит, при этом автор обрамляет текст описанием смены соответствующих ситуации поз: преклонение колен – поклон, что позволяет ему максимально приблизить переписку к ситуации общения лицом к лицу: «*Становлюсь на колени* и винюсь в вине неумышленной. Вы думали вчера <...> что я приду – а я не пришел! <...> *Встаю на ноги, но поклонившись Вам в землю*, всеподданнейший, Карамзин» [10. С. 81].

То, что имитация устного разговора, близкого и доверительного, осознавалась автором как прием создания эпистолярного времени и пространства, доказывает его использование при написании прозаических произведений, в особенности, конечно, «Писем русского путешественника», уровень достоверности которых заключается не в письме как в форме, а в том, что текст – это «написанное или же записываемое – письменная речь, которая тяготеет к тому, чтобы минимизировать различие между “я пишу” – “вы читаете”» [12. С. 63–64]. Таким образом, специфический характер эпистолярности Н.М. Карамзина заключается в его особом отношении к содержательности эпистолярной формы, которое нашло выражение в том числе в размытии границ фикционального и реального, во взаимопроникновении литературы и жизни. Не случайно в художественных произведениях Н.М. Карамзина достоверность прежде всего поддерживается эпистолярным планом повествования, а реальное письмо часто находится на грани художественного восприятия действительности. И если это мерцание планов литературы и правды жизни, идиллического и неидиллического, реальных писем, актуализирующих документальность повествования, и эпистолярности как литературного приема все в тех же «Письмах русского путешественника» становится предметом специальных исследований (см., например: [13]), то проблема литературности частного эпистолярия Карамзина в контексте его творческого наследия ставится и исследуется редко и часто номинально. В то же время именно Карамзину принадлежит открытие принципиально новой структуры нарратива, обозначившего совершенно новый тип взаимосвязи между литературным текстом и жизнью [8. С. 56]. Эта взаимосвязь воплотилась и в его частной эпистолярной практике. Анализ формальных и содержательных особенностей писем, их субъектной организации, жанровой специфики позволяет расширить представление о творческой лаборатории Н.М. Карамзина, о ха-

рактерных для него способах олитературирования действительности, о принципах организации эпистолярного диалога с адресатом.

Подключение литературного регистра в письмах Н.М. Карамзина может происходить на различных уровнях. В письме к великой княгине Екатерине Павловне от 29 ноября 1813 г. Карамзин напишет: «Простите, Сударыня: уж *это никак не эпистолярный жанр*; но я стал так стар, что мне трудно держаться в рамках условностей. Я говорю обо всем, что занимает меня» [10. С. 112]. И несмотря на то, что это чуть ли не единственное высказывание, касающееся жанровой специфики писем, оно знаково, поскольку маркирует сложную жанровую структуру карамзинского эпистолярия. Эпистолярный дискурс по своей природе отличается стиливым синкретизмом, нечеткостью жанровых границ, однако в каждом отдельном случае можно говорить о специфике жанровой структуры письма, обусловленной творческой индивидуальностью его автора, она, как и все составляющие эпистолярной поэтики, зависит от адресата, точнее, того или иного образа адресата, создаваемого автором письма. Именно образ адресата определяет направление развития общения, особенности поведенческого текста автора, а также то, какой тип связи письма с пространством литературы будет задействован. Кроме того, характер письма определяется художественным инструментарием писателя, его идеологией.

В эпистолярном комплексе Н.М. Карамзина можно выделить следующие виды писем, обусловленные типом адресата: письма друзьям, письмо власти имущим (здесь, конечно, особняком стоят письма императору), письма родным, письма литераторам. Каждый вид отличается особой стилистикой, формой и содержанием основных структурных элементов (обращение, прощание, подпись), степенью официальности, тематикой, а главное, образными характеристиками автора, доминанты поведенческого текста которого могут смещаться в зависимости от поставленных им задач. Но интересна не столько сама по себе типология писем (здесь можно также говорить и об особенностях поэтики писем к каждому отдельному адресату), сколько взаимодействие данных типов в рамках переписки с тем или иным адресатом. Так, письма к И.И. Дмитриеву преимущественно являются письмами другу, однако при определенных условиях Карамзин переключается на формат письма к власти имущему, это помогает ему разграничить письма к Дмитриеву – милому другу и Дмитриеву – министру, статскому советнику (см., например, письмо от 5 июля 1811 г. [14. С. 247], от 20 июня 1819 г. [Там же. С. 426] и др.) или по-эту. В свою очередь, письма Александру I – императору существенно отличаются от писем этому же адресату, касающихся частных предметов: их как по структуре, так и по содержанию можно отнести к разряду дружеской, а иногда даже семейной переписки (см., например, письмо от 7 апреля 1824 г. [10. С. 19]).

Интересно, как эпистолярная форма, ее жанровые разновидности (письмо другу и письмо властителю) воплотили концептуально значимые для Карамзина представления о человеке и человеческом как этической, нравственной категории вообще и власти в частности. Именно в письмах, обращенных к людям, наделенным властью, наиболее ярко выкристаллизовывается концепт «человек», содержание которого закреплено в многочисленных фрагментах

писем, написанных Н.М. Карамзиным в разные годы жизни: «Я любил его искренно и нежно, иногда негодовал, *досадовал на Монарха* и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким» [10. С. 14]); «Что меня особенно трогает в нашем Императоре, так это его *возвышенная скромность*, которая выше человеческого величия или же *подлинное величие собственной персоной*» [10. С. 16–17], «Люблю Царей и Цариц, когда они *украшают человечество своими внутренними достоинствами*» [10. С. 38]. Концепт «человек» репрезентуется также во фрагментах, посвященных характеристике конкретного лица, его поступков, либо тех или иных действий карамзинских адресатов (примечательно, что отрицательные характеристики практически не встречаются в письмах): «Из моих новых знакомых наименую к. Александра Ник. Салтыкова: *человек умный и приятный*» [10. С. 131]; «Другого человека я не обременил бы такою просьбою; *но вас знаю и не боюсь показаться вам смешным. Вы же наш попечитель*» [10. С. 281]; «К сему одолжению вы присоединили еще всю *нежность души кроткой, чувствительной*, и тем возвысили цену его» [10. С. 282].

Таким образом, частные письма Н.М. Карамзина, наряду с письмами, «авторами» которых являются фиктивные корреспонденты его периодических изданий (см. «Письмо сельского жителя», «Великодушное дело тверского дворянина. Письмо к издателю», «Письмо к издателю. Великодушные поступков» и мн. др.), а также прозаические и поэтические произведения писателя (в частности «Ода на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому», «Его императорскому величеству Александру I, самодержцу всероссийскому, на восшествие его на престол», «На торжественное коронование его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского», которые являются по своей сути поэтическими посланиями царям, «Моя исповедь» и мн. др.) сублимировали представления Н.М. Карамзина о сущности человека и человечности, гражданского долга и патриотизма. Выбор автором эпистолярной формы в данном случае принципиален: письмо, послание как форма душевного диалога – это инструмент нравственного, духовного воспитания и одновременно самораскрытия. Эпистолярная форма позволила Карамзину-издателю, писателю, автору собственных писем погрузить читателей, адресатов в сферу своих духовных интересов. Посредством ее он формирует образ героя времени. Форма письма позволила не только раскрыть «внутреннего человека», но и явить стремления автора к воспитанию, просвещению общества.

Закономерно, что важной отличительной чертой карамзинской эпистолярности является ее этический потенциал, для нее характерна воспитательная, педагогическая риторика, проявление которой можно найти, например, в письмах к брату, посвященных проблеме выбора способа образования для воспитанницы Василия Михайловича Карамзина Ольги: «Гораздо лучше, чтобы Оленька росла и воспитывалась у вас на глазах. Не лишайте себя такого великого утешения, которое обратится *в пользу и для ее нравственных свойств*» [10. С. 178]. Также симптоматично появление в частной эпистолярной практике Н.М. Карамзина различного рода писем-назиданий, к которым можно отнести как письмо «Моему сыну Андрею в день его рождения» [10.

С. 149–150], так и «Мнение русского гражданина» [10. С. 9–12] и связанные с ним тексты «Для потомства» [10. С. 13] и «Новое прибавление» [10. С. 13–14]. Воспитательная интенция может быть выражена в письмах декларативно, как, например, в письме к П.А. Вяземскому от 11 сентября 1818 г.: «Есть граница и для скромности: *говорите не все, но говорите*» [10. С. 330], либо завуалированно, через собственный пример: «Во время своего нездоровья я много читал, и в особенности старика Монтескьё. *Заглядываете ли вы в него, господин молодой политик?* Он умствует умно, умничает остроумно, мешая дело с бездельем, но всегда полон мыслей то глубоких, то блестящих» [10. С. 334]. Воспитательная риторика в пространстве карамзинского эпистолярия, так же как в контексте всего его творчества, не агрессивна и не тенденциозна, в ее основе просветительская вера в человека. Карамзин на протяжении всего своего жизненного и творческого пути верит «в способность человека быть достойным своего высокого призвания <...> настойчиво подчеркивает огромное значение нравственного, идеального начала в искусстве, которое <...> видит не в дидактическом нравоучительстве, а в верности изображения характеров, в глубоком раскрытии “внутреннего человека”» [15. С. 290]. Письма Н.М. Карамзина, как и эпистолярные публикации в его изданиях, являются способом воздействия на читателя, внедрения в сознание культурного сообщества целого спектра гуманистических идеалов. В эпистолярии писателя генерируется идеальный поведенческий текст реального или воображаемого адресата в проекции Карамзина-автора письма. При этом образ как автора письма, так и его адресата является отражением целенаправленной карамзинской воспитательной программы.

В контексте разговора об эпистолярности Н.М. Карамзина нельзя не отметить ее экспрессивность, выразительность. Ранние письма Н.М. Карамзина более образны, однако экспрессивность, художественность присуща и его позднему эпистолярному наследию. Можно выделить различные способы создания эстетического эффекта в пространстве писем. В частности, это использование элементов различных литературных жанров, которые придают особую экспрессию почтовой прозе. Ярким примером в этом смысле являются, конечно, письма к И.К. Лафатеру, в которых Карамзин, выбрав роль восторженного юноши, пишущего известному философу, не скрывает своей ориентации на литературную традицию, даже подчеркивает ее, говоря о себе в третьем лице, выстраивая письмо по модели сентиментального повествования: «Юноша не хочет терять ни одной минуты, берет перо в руки и начинает писать свое письмо. Этот юноша – я сам, и так как я юноша, то вы должны мне простить, что я своим письмом прерываю более важные занятия ваши. Расскажу вам всю свою повесть, чтобы дать вам о себе верное понятие» [10. С. 236]. Во фрагментах писем к императрицам и великой княгине Екатерине Павловне, касающихся деяний Александра I, Карамзиным часто используется одическая поэтика: «Герой (который соизволит иметь представление о моем жалком существовании) вернется коронованный лавровыми и оливковыми ветвями. Вы правы, восхищаясь Провидением: слепые, и те узрели его в этой навеки памятной борьбе. Это случай сказать: Смертные, молча падите ниц! Ибо словам не выразить одно из самых мудрых удивлений» [10. С. 116].

Сигналом изменения содержательности эпистолярной формы может стать заголовок к эпистолярному тексту, как, например, в случае с письмом к императрице Марии Федоровне от 10 июля 1816 г., которое Н.М. Карамзин озаглавил «Мысли в саду Павловском» [10. С. 37–38]. Письмо имеет яркую поэтическую тональность, отсылает одновременно и к жанру поэтического послания, и к жанру идиллии. Образы же Павловского сада и розы станут сквозными в переписке с императрицей. Примеров озаглавливания Карамзинем своих частных писем немного, но они показательны с точки зрения сложного взаимодействия художественного и эпистолярного дискурсов, особенно если учесть контекст карамзинских периодических изданий. Так, в «Вестник Европы» вошло внушительное количество эпистолярных публикаций, в том числе и переводов, выполненных Карамзиным, а также текстов, написанных им же от лица других авторов. Большинство из этих материалов имеют заголовки, которые становятся ключом к пониманию позиции издателя («О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN», «О новых благородных училищах, заводимых в России. Письмо из Т.» и др.). Часто включение элементов художественности в письмах Карамзина связано с моментами особого эмоционального напряжения, стремлением обозначить знаковость того или иного момента для их автора.

Эпистолярности Н.М. Карамзина присуща поэтика Возвышенного¹ во всем ее разнообразии. Для карамзинских писем разных периодов характерны картины Возвышенного Природы (термин А.Н. Пашкурова [16. С. 41]). Письма наполнены элегическими мотивами и описанием меланхолических пейзажей, выражающих идею гармонии, представления о прекрасном и одновременно отражающих эмоциональное состояние их автора: «Представляю себе, что Вы, сидя под окном Вашего кабинета, смотрите на его зыбь или кипение, держите в руках книгу, читаете и снова устремляете взор на царство Нептуново! Не боюсь за Вас скуки: с Вами Государь, Природа, книги и деятельность Вашей души с богатством мыслей и воспоминаний» [10. С. 83]; «Один день лучше другого, и мы в гордости своей не завидуем солнцу Италии: Царскосельское, Павловское так ярко, что русская пословица: смотреть сентябрем на сей раз не имеет смысла» [10. С. 42]. Природные образы становятся воплощением возвышенной меланхолии с характерной для нее поэтизацией уединения: «Это смятение северной Природы конечно не мешает Вам наслаждаться тишиною, которой Вы искали в Ориенбауме и в которой чувствительная душа отдыхает на свободе. Отдохните и благополучно возвратитесь к нам, живущим здесь почти как в пустыне» [10. С. 68]. Поэтика Возвышенного в письмах Н.М. Карамзина проявляется и в использовании идиллической жанровой модели. В письмах в идиллические тона окрашены воспоминания о прошлом, мечты о возможности быть рядом с близкими людьми, о тихой жизни в кругу семьи: «Тихая сельская жизнь мне гораздо приятнее городской, хотя мы имеем и весьма добрых знакомцев в Москве. Кто лю-

¹ Подробнее о проявлении категории возвышенного в русской поэзии 1770–1810-х гг., в том числе в поэтическом творчестве Н.М. Карамзина, см. в [16].

бит жену, детей и занят делом, тому люди более мешают, нежели помогают наслаждаться жизнью» [10. С. 178].

Красота внешняя в карамзинской системе ценностей неразрывно связана с представлениями о духовной красоте. Яркой особенностью эпистолярности писателя является подключение элегического модуса, в частности элементов жанра философской дидактической элегии, которые поддерживают воспитательную риторику его писем: «Удовольствия и само счастье подчас не обладают бесконечностью и возвышенностью иных горестей, которые в большей степени, чем радости, заставляют нас почувствовать благородство нашего существа и наши права на нечто божественное. Будь мы на этом свете лишь счастливы, я бы меньше верил в бессмертие души и доброту самого Господа Бога» [10. С. 111–112]. При этом в круг философских максим Карамзина включены представления о добродетели, в том числе ее религиозной составляющей, любви, божестве, милости, которые, по мысли автора писем, должны определять поведение и образ мыслей его читателей и адресатов. Таким образом, Возвышенное Добродетели является неотъемлемой частью карамзинской эпистолярной философии.

Постоянное обращение исследователей к наследию Карамзина, даже на номинальном уровне, может быть объяснено универсальностью, типологичностью и продуктивностью принципов художественного мышления, воплощенных в его творчестве, которые, «оставаясь узнаваемыми в произведениях преемников и последователей <...> давали им возможность создавать более совершенные творения» [17. С. 33]. Исследование частной переписки Карамзина и эпистолярных форм в его творчестве позволяет сделать вывод о важнейшей роли эпистолярной формы в построении поэтики его произведений, а также о философско-антропологической, культурно-исторической, художественной значимости и продуктивности его эпистолярного наследия для русской словесной культуры.

Литература

1. *Шаврыгин С.М.* Особенности художественного мироощущения Н.М. Карамзина // Карамзинский сборник: Наследие Н.М. Карамзина и современное развитие российского общества. Ульяновск, 2014. С. 127–129.
2. *Янушкевич А.С.* Эпистолярный В.А. Жуковского как отражение и выражение литературного быта его времени // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 2 (18). С. 106–119.
3. *Атанасова-Соколова Д.* Эпистолярность А.С. Пушкина // *Litteraria humanitas*. Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech. Брно, 2000. С. 125–139.
4. *Боровиков Д.С.* Эпистолярные мотивы в художественном мире Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 24 с.
5. *Шевцова Н.В.* Эпистолярный жанр в наследии Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004. 22 с.
6. *Боткина Н.* Особенности структуры повествования в письмах: докт. дис. Вильнюс, 2011. 176 с.
7. *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманит. ун-та, 1995. 551 с.
8. *Лебедева О.Б.* Нарративная структура «Писем русского путешественника» в свете национальной повествовательной традиции // Карамзин и время: сб. ст. Томск, 2006. С. 37–58.
9. *Троицкий Ю.Л.* Эпистолярный дискурс в России XIX века: пощечина, розыгрыш, дуэль // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 460–469.

10. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18: Письма. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 624 с.
11. Омарова Г.Б. Диалогичность эпистолярной поэтики А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 19 с.
12. Петров А.В. Содержательность эпистолярного времени в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Карамзин и время: сб. ст. Томск, 2006. С. 59–69.
13. Сорникова М.Я. Жанровая структура «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006. 19 с.
14. Сукайло В.А. Труды и дни Ивана Дмитриева: в 2 кн. Кн. 1: Хроника. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. 960 с.
15. Канунова Ф.З. Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь») // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век: сб. 7. М.; Л., 1966. С. 286–290.
16. Пашкуров А.Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: Эволюция и типология. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 212 с.
17. Сапченко Л.А. Творческое наследие Н.М. Карамзина: проблемы преемственности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 40 с.

N.M. KARAMZIN'S EPISTOLARITY

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 135–146. DOI: 10.17223/19986645/40/10
 Frik Tatiana B., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfrik@tpu.ru

Keywords: N.M. Karamzin, letter, epistolary heritage, epistolary forms, epistolary poetics.

The complex analysis of letters of N.M. Karamzin in the aspect of their poetics, and also research of epistolary forms in works of the writer is a topical research task.

The post prose is inseparable from the literary works of the writer, they are in a condition of a continuous dialogue. Epistolarity is a distinctive feature of the poetic and prosaic poetics of N.M. Karamzin. Epistolary forms play a special role in representations of N.M. Karamzin's principles and position as of the publisher of a journal. The letter in the publishing ideology of Karamzin is an interactive form of communication with the reader which initially assumes the readiness of the addressee to understand and accept the point of view of the author.

Epistolarity in the creative heritage of N.M. Karamzin is characterized by ambivalence of its manifestation: on the one hand, the writer actively develops the poetics of the private, friendly letter in his poetry, prose, journalistic and publishing practice; on the other hand, in his private correspondence N.M. Karamzin expands the limits of the routine letter, bringing it to the level of literature and journalism.

Private letters of N.M. Karamzin, as well as his poetic messages and works of art, embodied the orientation to a friendly chat characteristic for the era in general. For the writer and the historian aspiration to an emotional bond with the addressee-interlocutor is not so much a tribute to literary fashion, but an ideologically significant constant, a basis of the philosophy of life and of life building which, it is important to note, became productive for subsequent generations of Russian writers.

An important distinctive feature of Karamzin's epistolarity is its ethical potential, educational, pedagogical rhetoric. Karamzin's letters, as well as epistolary publications in his editions and works of art, are a way to impact the reader, to introduce in the consciousness of the cultural community of the whole range of humanistic ideals.

Speaking about N.M. Karamzin's epistolarity, its expressivity and expressiveness should be noted. The figurative plan plays a most serious role in the structure of his letters. N.M. Karamzin's epistolarity has the poetics of the sublime in all its variety. Karamzin's letters of different periods contain pictures of the sublime of the nature. The poetics of the sublime in Karamzin's letters is shown in the uses of the idyllic genre model. External beauty in Karamzin's system of values is inseparably linked with the ideas of spiritual beauty.

Research of the private correspondence of Karamzin and of the epistolary forms in his creativity allows drawing a conclusion on the most important role of the epistolary form in the creation of the poetics of his works, and also on the philosophical and anthropological, cultural and historical, literary importance and efficiency of his epistolary heritage for the Russian literary culture.

References

1. Shavrygin, S.M. (2014) Osobennosti khudozhestvennogo mirooshchushcheniya N.M. Karamzina [Features of the artistic world view of N.M. Karamzin]. In: Shavrygin, S.M. (ed.) *Karamzinskiy sbornik: Nasledie N. M. Karamzina i sovremennoe razvitie rossiyskogo obshchestva* [Karamzin collection: Legacy of N.M. Karamzin and modern development of Russian society]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University.
2. Yanushkevich, A.S. (2012) V.A. Zhukovsky's epistolary as reflection and expression of contemporary literary life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (18). pp. 106–119. (In Russian).
3. Atanasova-Sokolova, D. (2000) Epistolyarnost' A.S. Pushkina [Epistolarity of A.S. Pushkin]. In: Pospíšil, I. (ed.) *Litteraria humanitas. Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Brno.
4. Borovikov, D.S. (2007) *Epistolyarnye motivy v khudozhestvennom mire N.V. Gogolya* [Epistolary motives in the artistic world of N.V. Gogol]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
5. Shevtsova, N.V. (2004) *Epistolyarnyy zhanr v nasledii F.M. Dostoevskogo* [The epistolary genre in the heritage of F.M. Dostoevsky]. Abstract of Philology Cand. Diss. Magnitogorsk.
6. Botkina, N. (2011) *Osobennosti struktury povestvovaniya v pis'makh* [Features of the narrative structure in letters]. A Doctoral Thesis. Vilnius.
7. Toporov, V.N. (1995) *"Bednaya Liza" Karamzina. Opyt prochteniya* [Poor Liza by Karamzin. Reading experience]. Moscow: RSUH.
8. Lebedeva, O.B. (2006) Narrativnaya struktura "Pisem russkogo puteshestvennika" v svete natsional'noy povestvovatel'noy traditsii [The narrative structure of Letters of a Russian Traveler in the light of the national narrative tradition]. In: Ayzikova, I.A. & Yanushkevich, A.S. (eds) *Karamzin i vremya* [Karamzin and time]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Troitskiy, Yu.L. (1999) Epistolyarnyy diskurs v Rossii XIX veka: poshchechina, rozygrysh, duel' [The epistolary discourse in Russia of the 19th century: slap in the face, prank, duel]. In: *Traditsiya i literaturnyy protsess* [Tradition and the literary process]. Novosibirsk: SB RAS, Research and Publishing Center UIGGM RAS.
10. Karamzin, N.M. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete Works: in 18 vols]. Vol. 18. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
11. Omarova, G.B. (2004) *Dialogichnost' epistolyarnoy poetiki A.S. Pushkina* [The dialog character of the epistolary poetics of A.S. Pushkin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
12. Petrov, A.V. (2006) Soderzhatel'nost' epistolyarnogo vremeni v "Pis'makh russkogo puteshestvennika" N.M. Karamzina [The content of the epistolary time in Letters of a Russian Traveler by N.M. Karamzin]. In: Ayzikova, I.A. & Yanushkevich, A.S. (eds) *Karamzin i vremya* [Karamzin and time]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Sornikova, M.Ya. (2006) *Zhanrovaya struktura "Pisem russkogo puteshestvennika" N.M. Karamzina* [The genre structure of Letters of a Russian Traveler by N.M. Karamzin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kolomna.
14. Sukaylo, V.A. (2010) *Trudy i dni Ivana Dmitrieva: V 2 kn.* [Works and Days of Ivan Dmitriev: In 2 books]. Book 1. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya.
15. Kanunova, F.Z. (1966) Evolyutsiya sentimentalizma Karamzina ("Moya ispoved") [Evolution of Karamzin's sentimentalism (My Confession)]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoy kul'tury. XVIII vek* [The role and importance of literature of the 18th century in the history of Russian culture. The 18th century]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: Nauka.
16. Pashkurov, A.N. (2004) *Kategoriya vozvyshennogo v poezii russkogo sentimentalizma i predromantizma: Evolyutsiya i tipologiya* [The category of the sublime in the poetry of Russian sentimentalism and pre-Romanticism: Evolution and typology]. Kazan: Kazan State University.
17. Sapchenko, L.A. (2003) *Tvorcheskoe nasledie N.M. Karamzina: problemy preemstvennosti* [The artistic heritage of N.M. Karamzin: problems of continuity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI: 10.17223/19986645/40/11

Н.В. Жиликова

К ИСТОРИИ ТОМСКОГО ЖУРНАЛА «СИЛУЭТЫ ЖИЗНИ РОДНОГО ГОРОДА» (1909) – «СИЛУЭТЫ СИБИРИ» (1910)¹

В статье рассматривается история малоизученного сатирического журнала Томска начала XX в., выходившего под названиями «Силуэты жизни родного города» (1909) и «Силуэты Сибири» (1910). Проанализированы архивные материалы фонда Томского губернского управления Государственного архива Томской области, относящиеся к изданию. Определено место журнала в сатирической журналистике Томска, исследованы содержательные и оформительские особенности журнала, рассмотрены причины прекращения его выхода.

Ключевые слова: журналистика, сатира, цензура, «Силуэты жизни родного города», «Силуэты Сибири», типология.

Сатирическая журналистика в российской дореволюционной провинции заметно отставала в своем развитии от столичной: это выражалось и в меньшем количестве сатирических изданий, и в определенной вторичности освоения сатирических приемов и методов в существовавших сатирических газетах и журналах. Расцвет сатиры в период Первой русской революции 1905–1907 гг. сблизил столичную и провинциальную сатирическую журналистику, однако последняя затем вновь «затормозилась», сдерживаемая и цензурными условиями, и нехваткой литературных кадров, и т.д. Если сатирической периодике Первой русской революции посвящены многочисленные работы (см. [1–5] и др.), то журналистика 1908–1916 гг. системно не изучалась, она отражена по преимуществу в каталогах периодики (см. [6–8]). Неудивительно, что до сих пор в провинции существуют издания, которые можно назвать «фантомными»: их названия известны, они включаются в классификации и типологические обзоры, однако никто не знаком с их содержанием, поскольку затруднен доступ к оригинальным подшивкам изданий (как правило, потому, что они сохранились только в фондах столичных библиотек и архивов).

Характерным примером такого издания является томский журнал, который начал издаваться в 1909 г. под названием «Силуэты жизни родного города», в 1910 г. выходил как «Силуэты Сибири» (в дальнейшем – «Силуэты...»). Он включен во многие каталоги [6–8], обзоры (см., напр., [9]), упоминается в статьях [10, 11], но его содержательная часть практически никем не рассматривалась, так как годовая подшивка «Силуэтов жизни родного города» находится в Новосибирской библиотеке, Российской государственной библиотеке

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант «Периодическая печать Томской губернии второй половины XIX – начала XX века в общественно-политической и культурной жизни региона», проект № 16-11-70002.

(Москва) и Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), а «Силуэтов Сибири» – только в РГБ и РНБ. Необходимо отметить, что малоизвестность журнала приводит к возникновению вопроса о том, был ли у этого издания «предшественник» – журнал под названием «Силуэты Томска». Это издание упоминается в нескольких источниках [10–12], хотя в настоящее время о его существовании не находится никаких свидетельств.

Задачами данного исследования являются: выяснение места журнала в общей картине развития сатирической журналистики Томска, восстановление истории издания, анализ содержательной части журнала и определение его типологического своеобразия.

Этапы развития сатирической журналистики в Томске

Развитие сатирической журналистики в Томске можно представить следующим образом:

I этап. 1880–1904 гг. – зарождение и апробирование сатирических жанров в частных томских газетах: «Сибирская газета» (1881–1888) и «Сибирский вестник» (1885–1905).

II этап. 1905–1907 гг. – расцвет сатирической журналистики в период Первой русской революции. Выход журналов «И смех, и горе» (декабрь 1905); «Осы» (январь 1906–1907); «Бич» (март 1906); «Рабочий юморист» (апрель 1906); «Ерш» (май 1906 – 1907); «Бубенцы» (июнь 1906–1909); «Красный смех» (октябрь 1906); «Негативы» (май 1907).

III этап. Развитие сатирических традиций в отдельных сатирических и юмористических журналах и газетах Томска в период спада общественного движения после Первой русской революции 1905–1907 гг.: «Бенефисная газета» (1908); «Силуэты жизни родного города» (1909); «Силуэты Сибири» (1910); «Сибирское кабаре» (1911–1912); «Синдетикон» (1912).

Эта схема дает возможность определить место журнала «Силуэты...» в картине развития томской дореволюционной сатиры: это третий, заключительный этап, который характеризуется выходом изданий, продолжающих и развивающих основные сатирические идеи и методы на своих страницах в период реакции и в 1910-х гг. Сатирические и юмористические издания этого периода больше нацелены на развлекательность, политическая составляющая в них минимальна. Среди изданий этого этапа журнал «Силуэты...» отличался цельностью, верностью сатирическим традициям предшествующего периода, стремлением к максимально полному отражению местной жизни во всех ее аспектах – политическом, литературном и т.д.

Мифический предшественник «Силуэтов»

Прежде чем перейти к документально подтвержденной истории журнала, необходимо прояснить вопрос о его «мифическом предшественнике» – журнале «Силуэты Томска». Это название встречается в одной из первых дореволюционных работ, посвященных томской журналистике, – в статье Вс. Крутовского «Периодическая печать в Томске». Автор – современник описываемых событий, журналист, участник многих томских периодических изданий, характеризуя сатирические издания начала XX в., писал: «Самым долговечным оказался литературно-юмористический журнал "Силуэты

г. Томска», переименованный затем в "Силуэты Сибири", прекратившийся в начале 1911 года, как кажется, вследствие разногласия издателей» [10. С. 306–307]. Это название появилось также в работе А.В. Адрианова «Периодическая печать в Сибири», в следующем предложении: «В том же 1906 г. появились сатирические журналы "Бич", "Ерш", "Рабочий юморист" и "Силуэты Томска", – все они кроме "Силуэтов Томска", переименованных затем в "Силуэты Сибири" и продержавшихся до начала 1911 г., быстро сошли со сцены, подвергаясь частой конфискации и репрессиям» [11. С. 14].

Здесь необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, логично предположить, что упомянутыми авторами «Томск» и «родной город» воспринимались как синонимы, отчего длинные «Силуэты жизни родного города» сократились до «Силуэтов Томска». Во-вторых, у дореволюционных авторов достаточно часто встречались неточности и пропуски (к примеру, ни один из них не упоминал выходивший в Томске в этот же период журнал «Красный смех»). «Силуэты» были отнесены Крутовским и Адриановым к журналам 1906 г., в то время как они выходили с 1909-го, а закончились не в 1911-м, а в 1910-м. В сохранившихся архивных делах не найдено ни одного намека на издание «Силуэты Томска», нет упоминаний журнала под этим названием на страницах крупнейшей томской газеты «Сибирская жизнь» за 1906–1908 гг., в то время как обо всех остальных газетах и журналах, особенно о новых, газета писала достаточно регулярно, в ряде случаев отмечая даже замыслы будущих изданий.

Название «Силуэты Томска» также можно найти в каталоге периодических изданий Западной Сибири, в записи о «Силуэтах жизни родного города». Составители указывали: «Ранее: "Силуэты Томска" (1907–1908). Затем: "Силуэты Сибири" (1910)» [12. С. 143–144], однако специальной записи о «Силуэтах Томска» нет. В новейшем каталоге 2011 г. [13] этот журнал уже не упоминается.

Таким образом, на данном этапе исследований мы предполагаем, что во всех работах речь идет о журнале «Силуэты жизни родного города», который ошибочно относится к сатирическим журналам Томска периода Первой русской революции 1905–1907 гг., видимо, по причине их типологического сходства.

Цензурная история журнала «Силуэты жизни родного города» – «Силуэты Сибири»

Сведения о замысле издания и его первоначальной программе содержатся в фондах Томского губернского управления Государственного архива Томской области (ГАТО). Из хранящегося здесь дела известно, что первым издателем журнала «Силуэты жизни родного города» был «крестьянин Черниговской губернии, Конотопского уезда» Александр Николаевич Козловский. 11 декабря 1908 г. он писал в Главное отделение по делам печати:

Имею честь покорнейше просить разрешить мне издание в городе Томске еженедельного иллюстрированного журнала под названием «Силуэты жизни родного города», исключительно с розничной продажей последнего,

по цене 10 копеек за номер, с приемом объявлений, как обыкновенных, так и особого отдела коммерческих публикаций о неисправных должниках.

Отдел открывается с целью оградить торговые фирмы от профессиональных, безденежных должников, а также для того, чтобы способствовать успешному поступлению денег от неисправных плательщиков.

Журнал будет выходить по следующей программе: обзор местной жизни за неделю, рассказы, стихотворения, басни, сказки, биографии всех местных выдающихся деятелей, судебные процессы, злободневные фельетоны, отчеты заседаний городской думы, разных обществ и партий, театральные рецензии, сообщения корреспондентов, анекдоты, афоризмы, шутки, смесь, ответы редакции.

Журнал будет по преимуществу касаться жизни города и говорить на местную злобу дня» [14. Л. 105].

Заметим, что и здесь будущий издатель не упоминает ни о каком предшественнике журнала, хотя, если бы «Силуэты Томска» выходили буквально год-два назад, это было бы отражено в прошении.

Остальные документы, относящиеся к журналу, посвящены вопросам смены редакторов: 7 января 1909 г. он был передан Всеволоду Ивановичу Савинову («красноярскому мещанину») [14. Л. 111], 2 мая 1909 г. – Николаю Ивановичу Ландышеву («потомственному гражданину») [14. Л. 121], 5 мая 1909 г. – Михаилу Прокопьевичу Игнатову («томскому мещанину») [14. Л. 128]. Наконец, с 10 декабря 1909 г. журналом стал заведовать Вениамин Иванович Романов («студент медицинского факультета Императорского Томского университета») [14. Л. 134].

В ГАТО также обнаружены сведения о тираже журнала: инспектор по делам печати в г. Томске, посылая в Главное управление по делам печати сведения о томских изданиях 1909 г., сообщал, что еженедельный «литературный юмористический журнал с карикатурами» «Силуэты жизни родного города» печатался минимальным тиражом 600, максимальным – 800 экземпляров [15. Л. 67]. Издатели-редакторы характеризовались следующим образом: «Всеволод Григорьевич Савинов, обучался в гимназии до IV класса, православный, и Михаил Петрович Игнатьев, мещанин, домашнего образования, православный» [15. Л. 176]. Первый номер, по сведениям инспектора, вышел 17 января 1909 г. Журналу также посвящена подробная характеристика в инспекторском отчете 1910 г.:

Этот еженедельный иллюстрированный юмористический журнал, осмеивая разного рода бытовые недостатки из жизни города Томска, главным образом, давал материалы, доставлявшие возможность читателю кое-что видеть в комическом освещении.

Не касаясь вопросов политики, в разных рассказах журнал мог доставлять приятное развлечение.

Журнал печатался порядка в количестве 1000 экземпляров в одном номере, а чаще всего в количестве 600 экземпляров.

В течение года вышло 43 номера.

*Материальное положение «Силуэтов жизни родного города» было неза-
видно, так как от годовичного издания получился дефицит, хотя и незначи-
тельный [15. Л. 181].*

В этой характеристике обращает на себя внимание некоторое расхожде-
ние в отношении количества экземпляров журнала («максимальное 800» – в
общих сведениях о тиражах томских изданий, «1000 экземпляров в одном
номере» – в подробном отчете), а также указание на аполитичность и развле-
кательный характер «Силуэтов».

Необходимо добавить, что в Российском государственном историческом
архиве (Санкт-Петербург) хранится дело, озаглавленное «"Силуэты жизни
родного города", "Силуэты Сибири". Журнал. Томск. 1909 г.» [16], также со-
держашее документы, относящиеся к двум этим журналам.

Хроника «Силуэтов» на страницах газеты «Сибирская жизнь»

О журнале «Силуэты...» можно было узнать из газеты «Сибирская
жизнь». 15 января газета поместила на первой полосе следующее объявление:

Иллюстрированный юмористический журнал

СИЛУЭТЫ ЖИЗНИ РОДНОГО ГОРОДА

Первый номер выйдет в субботу, 17 января.

*Отделение конторы и редакции в магазине В.А. Феофанова, в городском
каменном корпусе у Базарного моста. Продажа отдельных номеров во всех
книжных магазинах, киосках и у разносчиков (СЖ. 1909. № 11).*

От других объявлений о выходе периодических изданий, которые посто-
янно публиковала «Сибирская жизнь», реклама «Силуэтов» отличалась своей
рисованной заставкой. Собственно название «Силуэты жизни родного горо-
да» было выполнено в виде картинки – стилизованных карт, частью которых
были буквы, а частью – изображения персонажей: балерины на сцене театра,
пьяницы с бутылкой, залезающего в разбитое окно вора и т.д. Всего было
шесть «карт». Эта же заставка использовалась и в самом журнале. Благодаря
рекламному ходу повышалась узнаваемость журнала, к тому же это объявле-
ние «бросалась в глаза» даже при беглом просмотре первой газетной стра-
ницы.

В этом же номере в разделе «Томская жизнь» газета сообщала читателям
подробности о новом томском журнале:

*12 января красноярскому мещанину В.И. Савинову разрешено издавать в
г. Томске юмористический иллюстрированный журнал под названием «Силу-
эты жизни родного города» по следующей программе: 1) обзор местной
жизни; 2) рассказы, стихотворения, басни, сказки, биографии всех местных
выдающихся деятелей; 3) судебные процессы; 4) злободневные фельетоны;
5) отчеты заседаний думы и разных обществ и партий; 6) театральные ре-
цензии, сообщения корреспондентов; 7) анекдоты, афоризмы, шутки;
8) смесь и т.д. Журнал будет выходить один раз в неделю; цена номера 10 к.
(СЖ. 1909. № 11).*

В этом объявлении, в отличие от прошения А.Н. Козловского (приведенного выше), указаны конкретные восемь разделов журнала, нет упоминаний о коммерческих публикациях. Нет и традиционного предложения о подписке: журнал первоначально продавался только в розницу.

В течение 1909 г. на первых полосах газеты появлялись однотипные объявления о выходе очередного номера журнала «Силуэты жизни родного города»: сверху над рисованной заставкой печаталась информация о дате выхода, снизу – подробный адрес конторы и цена номера (см.: СЖ. 1909. № 33, 39, 46, 51, 58, 63 и т.д.). Среди них можно выделить несколько объявлений, отличающихся от других. Так, в феврале сообщалось: «При журнале открыты два конкурса: литературный и томских красавиц. Барышни и дамы! Не стесняйтесь, присылайте фотографии Ваших головок! Подробные условия конкурсов помещены в журнале» (СЖ. 1909. № 33). В марте в добавление к стандартному тексту объявления были допечатаны сообщения: «Следующий номер будет посвящен юбилею Гоголя» (СЖ. 1909. № 58), «Посвящен юбилею Гоголя. С портретами Гоголя и его героев» (СЖ. 1909. № 63).

В это же время «Сибирская жизнь» в рубрике «Томская жизнь» поместила заметку под названием «Новые томские издания»:

Недавно вышла вторая книжка литературно-политического журнала «Молодая Сибирь» и девятый номер юмористического журнала «Силуэты жизни родного города». Первый номер «Молодой Сибири», как мы уже сообщали, был конфискован, второй же разошелся весь и в данное время к печати готовится № 3. Что же касается «Силуэтов родного города», то первые девять номеров также разошлись почти все и к печати готовится уже № 10-й, который, как мы слышали, будет посвящен главным образом 100-летию юбилею Н.В. Гоголя. Оба эти издания хотя и не отличаются выдающимися силами, но ведутся в прогрессивном направлении, которое позволяет думать, что оба эти журнала будут приносить ту или иную общественную пользу (СЖ. 1909. № 62).

По-видимому, это «прогрессивное направление» было замечено не только коллегами-журналистами, но и цензурным комитетом. Уже с апреля у журнала начались сложности с цензурой, о чем читатели также могли узнать из объявлений, сообщавших, что «по независящим от редакции причинам» выпуск № 13 был задержан, но выходит 11 апреля (СЖ. 1909. № 76). Продолжались и перемены в жизни редакции, о них журнал информировал в прежнем формате рекламных объявлений, публикуемых на первой странице газеты «Сибирская жизнь»:

Вследствие перемены главы кабинета редакции юмористического журнала «Силуэты» задержан выпуск очередного № 16, который выйдет во вторник, 5 мая.

Успех журнала и настойчивые требования доставки на дом вынуждают открыть с 1 июня подписку. Плата будет назначена, с доставкой в Томске: на год – 5 руб., на 6 мес. – 2 р. 50 к., на 3 мес. – 1 р. 25 к., на 1 мес. – 50 коп. С пересылкой иногородним 6 руб., 3 руб., 1 р. 50 к. и 60 к. Отделение конторы при магазине В.А. Феофанова в Томске (СЖ. 1909. № 88).

Во втором полугодии к стандартным объявлениям, сообщавшим о выходе очередных номеров и об условиях подписки, было только три дополнения. Одно из них сообщало, что в № 31 «помещено описание неудачной экспедиции под почтовую контору. Рисунки, план» (1909. № 213). Другое сообщало о том, что в городе Ново-Николаевске «агентом журнала по приему подписки и объявлений состоит П.К. Гецевич» (СЖ. 1909. № 252). Наконец, третье информировало читателей о переименовании и грядущих изменениях в жизни журнала:

С января месяца 1910 года журнал «Силуэты жизни родного города» будет выходить реформированным в виде еженедельного иллюстрированного художественно-литературного и юмористического журнала, с широкой программой под названием «Силуэты Сибири. Жизнь Сибири в рисунках». Карикатуры и рисунки в несколько красок. Фототипия. Журнал будет выходить еженедельно. Подписная цена для иногородних подписчиков, на год (10 месяцев) – 5 руб., $\frac{1}{2}$ г. (5 мес.) – 2 р. 50 к., 1 м. – 50 к. Для городских в те же сроки: 4 р., 2 р., и 40 к. На линии железной дороги стоимость номера – 15 к., в городе 10 к. Подписка принимается в конторе журнала, при конторе редакции газеты «Сибирская жизнь» и во всех книжных магазинах г. Томска (СЖ. 1909. № 271).

Рисованная заставка была изменена: теперь название журнала располагалось на фоне заснеженной равнины, по которой вдаль уходили рельсы, а по обочинам железной дороги, между столбами, тянулись телеграфные провода; дорога уходила в тайгу. В верхней части рисунка находились изображения торопящихся людей, среди которых можно было различить купца, солдата в фуражке, студента с газетой под мышкой, женщину в шляпке и др.

Таким образом, существование журнала «Силуэты жизни родного города» ограничено одним годом – 1909-м. За это время вышло 43 номера журнала. Материал газеты «Сибирская жизнь» свидетельствует о том, что редакция энергично работала над распространением журнала: «Силуэты жизни родного города» продавались в розницу не только в киосках и книжных магазинах города, но и на железной дороге. Кроме того, журнал распространялся по подписке в городе, в дачных поселках и по России. У журнала был и собственный агент по приему коммерческих объявлений в соседнем бурно развивающемся городе Ново-Николаевске. Заметим, что цена на журнал все время его существования оставалась стабильной – 10 копеек за номер в городе Томске. Тем не менее редакции не удалось сделать издание журнала прибыльным делом, добиться больших тиражей.

«Силуэты Сибири», 1910 г.: краткая история существования

Объявления о выходе очередных номеров переименованного журнала по-прежнему располагались на первой полосе газеты «Сибирская жизнь» в течение 1910 г.: правда, теперь они вдвое уменьшились в размере, а рисованная заставка помещалась на полосе вертикально – возможно, ради экономии места (или для привлечения внимания читателя необычным расположением на газетной странице). Дополнительной информации объявления практически

не содержали, за исключением единственного случая. В июле, сообщая читателям о том, что продолжается подписка на журнал на четвертое полугодие, издатели писали: «С целью дать возможность получать журнал наименее состоятельному классу населения, стоимость подписной платы понижается. Для иногородних подписчиков: на $\frac{1}{2}$ г. (5 месяцев) – 1 р. 40 к., на 1 м. – 30 к. Для городских: на $\frac{1}{2}$ г. 1 р. На 1 м. 0–25 к.» (СЖ. 1910. № 159). Это объявление любопытно еще и тем, что здесь, видимо по недосмотру наборщиков, была поставлена заставка журнала «Силуэты жизни родного города»: и до, и после публиковалось верное название «Силуэты Сибири».

Кроме рекламных объявлений, «Сибирская жизнь» опубликовала в рубрике «Томская жизнь» информационную заметку, которая называлась «Силуэты Сибири» и напоминала читателям об предыстории и обстоятельствах выхода этого журнала:

С января месяца 1909 года в г. Томске, как известно, стал выходить юмористический еженедельный журнал под названием «Силуэты жизни родного города». Цена журнала была 4 р. в год для местных подписчиков и 5 р. – для иногородних.

За первый год существования журнал не имел распространения и давал убытки.

С 1 января 1910 года журнал перешел в другие руки, стал выходить под редакцией студента г. Романова и был переименован в «Силуэты Сибири». В настоящее время размеры «Силуэтов» увеличены, приблизительно, на два листа, в нем печатаются цинкографические рисунки, причем для большего распространения журнала плата уменьшена: для городских подписчиков 2 р. и для иногородних 2 р. 60 к.

И несмотря на сравнительное увеличение журнала и уменьшение подписной платы, – он в данное время убытка предпринимателям уже не дает. В общем дело постепенно улучшается (СЖ. 1910. № 120).

Несмотря на оптимизм журналистов, «Силуэтам Сибири» не суждена была долгая жизнь. В октябре на первой полосе появилось объявление, гласящее: «Выход журнала "Силуэты Сибири" ввиду переговоров о передаче издания временно приостановлено». Однако журнал больше не возобновлялся. В итоге в 1910 г. удалось выпустить всего 26 номеров.

Авторский состав и структура «Силуэтов»

Юмористический характер журнала обусловил использование его авторами разнообразных псевдонимов. На страницах журнала встречаются «Хмурый», «Тихий мальчик», «Зиг-Заг», «Премудрая крыса Онуфрий», «Бой-кот», «Ив. Ив. Иванов» и др. Некоторые из них принадлежали достаточно известным в Томске авторам: так, псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий» подписывался сатирик Порфирий Алексеевич Казанский, автор томских сатирических журналов «Ерш», «Бич», «Бубенцы», «Красный смех», а также общественно-политического журнала «Сибирские отголоски». Псевдонимы использовались и для подписи карикатур («Фон Клякс», «М.Щ.» и др.).

Из пародийных отчетов о редакционных собраниях (О.С.Р.К.П.Ж. // Силуэты. 1909. № 1; Кризис (редакционный этюд) // Там же. 1909. № 17; Не-

сколько теплых слов (от редакции) // Там же. 1909. № 27; Редакционное со-
вещание // Там же. 1909. № 34; От редакции // Там же. 1909. № 43; От редак-
ции // Там же. 1910. № 20) можно узнать о примерном количестве сотрудни-
ков «Силуэтов...» – около десяти человек: «Иван Иванович», «Бернарден де
Сент Пьер», «Зиг-Заг», «Або-Риген», «Точечка», «Юс», «Мина», «Премудрая
крыса Онуфрий», «Миша Буфф» и некоторые другие.

Редакция настоятельно призывала к сотрудничеству «братьев писателей»,
но не обещала гонораров, о чем прямо предупреждала: «...авторы, за немно-
гим исключением, могут рассчитывать только на лавры и не должны думать
о презренном металле». Особое внимание было обращено на «молодых, на-
чинающих поэтов»: журнал объявлял, что «произведения их, все без изъятия,
будут печататься, для суда самой публики, в особом отделе, вблизи почтового
ящика, без всяких комментариев и критических заметок, за весьма уме-
ренное вознаграждение в 10 коп. со строки петита (конечно, в пользу конто-
ры редакции)». Наконец, корреспондентов редакция просила «в своих сооб-
щениях идти рука об руку с истиной, не смущаться давать голые факты, осо-
бенно при обличении, и, ради Бога, не врать» (Силуэты. 1909. № 2).

В 1910 г. на страницах журнала стали появляться фамилии известных по-
этов и писателей Томска: Г.А. Вяткина, И. Хейсина, С. Чеботаря, П. Ильин-
ского, В. Курицына и др. Это было связано с переменой типологического
статуса издания, а именно попыткой совместить в рамках одного журнала
литературно-художественное и юмористическое направление.

В объявлении о подписке на «Силуэты жизни родного города» подробно
расписывалась структура номера:

«Дневник томского обывателя» (обзор томской жизни за неделю)

«Преступление и наказание» (юридические недоразумения разных субъ-
ектов)

«Сцена и кулисы»

«Столбы отечества»: биографии и интервью всех выдающихся деятелей,
будущих и бывших членов Государственной думы

«Отцы города» (не смешивать со столбами отечества)

Фельетоны, фельетончики и фельетошки, современные, своевременные и
злободневные.

Стихотворения на гражданские, военные и духовные темы.

«Около союзов и партий»: около потому, что на заседания некоторых
обществ сотруднику так же трудно проникнуть, как верблюду пройти иголь-
ные уши.

«В парламенте» – отчеты думских заседаний.

«Провинциальная почта» (отдел корреспонденций)

Анекдоты. Шутки. Басни, Афоризмы. Ответы редакции и прочее, способ-
ное вызвать хотя мимолетную улыбку» (Силуэты. 1909. № 2).

Необходимо сказать, что далеко не вся эта программа реализовывалась в
каждом номере: она была заявлена скорее «на вырост», максимально охваты-
вала все задуманные редакцией направления.

Основные темы и методы сатиры в «Силуэтах»

Одним из часто встречающихся сатирических методов, используемых в материалах, была пародия. Пародировались не только основные рубрики в «серьезных» журналах, но и, например, такой прием, как «девизы». Так, в № 6 на одном из разворотов был помещен девиз «Колбаса, французские булочки и фляки по-польски должны быть изгнаны из пищи» – пародировалась томская черносотенная газета «Сибирская правда», которая в первых номерах 1909 г. печатала на своих разворотах скандальный девиз «Жида должны быть обязательно выселены из России».

Основной темой, которая постоянно обсуждалась в журнале, был городской быт: осуждались неблагоустроенность улиц, грязь и ухабы на дорогах, скользкие тротуары зимой и пыль летом и т.д. (Томск // Силуэты. 1909. № 2; Весенние приметы // Там же. 1909. № 13; Классики о Томске и его обывателях // Там же. 1909. № 17 и т.д.). Затрагивалась тема нравов томичей (Наши Дон-Жуаны // Силуэты. 1909. № 8), бездействие городских депутатов (Спит... // Там же. 1909. № 18). Железная дорога также была «источником вдохновения» для томских сатириков, существовала даже специальная рубрика под названием «Этюды железнодорожного хозяйства», которые подписывались «Комитет железнодорожного единения и прогресса» (Силуэты. 1909. № 41, 42 и др.).

В поле внимания журнала постоянно попадала литературная жизнь России и Томска. Авторы высмеивали поэтов-модернистов (Хочу быть дерзким (по Бальмонту) // Силуэты. 1909. № 12; Из альбома декадента // Там же. 1910. № 3), местных поэтов разных направлений (Галерея томских поэтов // Там же. 1909. № 24).

Образцом для подражания для «Силуэтов...» был, безусловно, «Сатирикон»: томичи в подражание своему «общероссийскому собрату» начали создавать сатирическую «Историю города Томска (от древности до наших дней)» (публиковалась в № 1–17 на протяжении 1909 г.). Практически в каждом номере помещались перепечатки из «Сатирикона» на протяжении 1909 и 1910 гг.

В 1910 г. тематический спектр журнала расширился за счет культурной и научно-популярной тематики. В «Силуэтах» стали публиковаться статьи о современных писателях (А.П. Чехов как юморист // Силуэты. 1910. № 1), о выдающихся сибиряках (Полезная жизнь (биографический очерк о Г.Н. Потанине) // Там же. 1910. № 4; Пионеры сибиреведения. В.В. Сапожников // Там же. 1910. № 6), о введении в Сибирь института присяжных заседателей (Суд правый, скорый и милостивый // Там же. 1910. № 5). Много внимания уделялось выставке картин алтайского художника Г.И. Гуркина, об этом журнал писал на протяжении нескольких номеров, помещал гравюры некоторых картин (Выставка картин художника Г.И. Гуркина // Силуэты. 1910. № 9; От мусштабеля иконописца до мастера кисти (биографический очерк) // Там же. 1910. № 10; Выставка картин художника Г.И. Гуркина. Река Кучурла // Там же. 1910. № 11 и т.д.).

Принципы иллюстрирования журнала в 1909 и 1910 гг.

В 1909 г. основной формой иллюстрации была карикатура. Тематика, как правило, касалась городских неурядиц: художники высмеивали пьянство и распутство горожан, порядки на железной дороге, грязь на томских улицах и

т.д. Некоторые карикатуры выступали в качестве своеобразных иллюстраций к текстовым материалам, некоторые являлись вполне самостоятельными произведениями, публиковались с собственными заголовками и подписями. В качестве примера можно привести карикатуру на тему бедности томских пожарных, лишенных необходимого инструментария для выполнения своей задачи. Карикатура называется «Томский красный петух»: на ней изображено горящее здание, пожарные на фоне огня, внизу размещена подпись:

Кукареку, кукареку,
Купили б новую кишку! (художник «М.Щ.») (Силуэты. 1909. № 18).

Фотографии в 1909 г. появились только один раз: под названием «Томские достопримечательности» были опубликованы изображения захламленных томских закоулков (Силуэты. 1909. № 19).

Чтобы выделиться на фоне черно-белых томских изданий, журнал печатался с цветными обложками. В течение 1909 г. были использованы желтые, оранжевые, зеленые, синие цвета. Кроме того, редакция постоянно искала возможность применения цвета в самом номере. Так, № 11 за 1909 г. – пасхальный – был напечатан целиком красными чернилами, и тексты, и карикатуры. Осенью 1909 г. редакция применила синий цвет только для карикатур (№ 27, 30, 36, 42), в № 39 рисунки были выполнены в коричневом цвете. В последнем номере за 1909 г. журнал поместил трехцветные раскрашенные карикатуры – здесь был применен желтый и синий цвет, наложение их дало еще и зеленый оттенок.

В 1910 г. журнал изменил принципы иллюстрирования. Теперь обложки издавались не на цветной, а на белой бумаге, но здесь помещались иллюстрации либо с применением красного цвета, либо в полноцвете. Несмотря на невысокое качество печати и самих изображений, а также примитивное цветоделение, в определенном смысле эти попытки были «шагом вперед» в развитии томской полиграфии.

В самом номере иллюстрации были черно-белыми. Теперь карикатуры занимали целые полосы, здесь появились также своеобразные «комиксы» – развернутые сюжеты из нескольких картинок с подписями, на темы томской жизни. К карикатурам в 1910 г. добавились гравюры и фотографии.

В целом необходимо отметить, что редакция действительно стремилась превратить журнал в полноценное иллюстрированное издание с разными типами и видами изображений – карикатурами, фотографиями, гравюрами, рисунками. Достойно выполнить эту полиграфическую задачу помешали низкий уровень развития техники в томских типографиях и недостаточное материальное положение издателей.

Заключение

Исследование журнала позволяет сделать вывод о том, что одной из причин прекращения издания была неудачная попытка совмещения разных типологических статусов, предпринятая редакцией в 1910 г. Из иллюстрированного юмористического журнала издатель попытался сделать журнал литературно-художественный и юмористический, однако разница в подходах к подаче материала, в принципах изображения действительности оказалась

слишком резкой. В 1909 г. журнал определил круг тем, не выходящих за пределы интересов томичей, не затрагивающих «большой политики» и общероссийских проблем. Узкий аудиторный круг, сложившийся к этому времени, не удовлетворял издателей, которые попытались расширить круг тем и проблем. Однако этот эксперимент привел к потере прежнего «лица» журнала, отпугнул непритязательных прежних подписчиков, но остался невостребованным интеллигентной публикой.

Тем не менее журнал «Силуэты...» был достаточно заметным явлением в журналистике города Томска начала XX в. Здесь участвовали известные томские сатирики, поэты и писатели, которые продолжали по мере сил традиции сатирической журналистики России. Выбрав образцом для подражания знаменитый «Сатирикон», издатели провинциального журнала попытались воплотить на томском материале принципы подачи материала, характерные для «столичных собратьев», познакомили публику с отдельными произведениями сатириков.

Активная работа редакции по привлечению к сотрудничеству местных самостоятельных сатириков и карикатуристов способствовала оживлению литературной и художественной жизни города.

Журнал был достаточно тепло воспринят и вне Томска, о чем говорилось в одном из последних номеров: «Последним и заключительным словом будет глубокая благодарность за внимание великому писателю русской земли Л.Н. Толстому, почувствовавшему, быть может, в наших слабых творениях не только один "пустой" смех, а и "невидимые миру слезы", и приславшему как одобрение "для сотрудников" журнала потрет со своим автографом» (От редакции // Силуэты. 1910. № 20). Этот факт свидетельствует о том, что «Силуэты...» являются достойным представителем сатирической журналистики России начала XX в. и заслуживают дальнейшего подробного исследования.

Литература

1. Нинов А.А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов // Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907) / сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Банк и др.; вступ. ст. А.А. Нинова. Л., 1985. С. 5–102.
2. Евстигнеева Л.А. Сатира мятежных лет // Революция 1905–1907 гг. и литература / отв. ред. Б.А. Бялик. М., 1978. С. 139–152.
3. Жуков В.Ю. Сатирическая журналистика периода Первой российской революции как исторический источник (на материалах Петербурга): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 24 с.
4. Боцяновский В., Голербах Э. Русская сатира первой революции 1905–1906. Л.: ГИЗ, 1925.
5. Демченко Е.П. Сатирическая пресса Украины 1905–1907 гг. Киев: Наук. думка, 1980. 147 с.
6. Русская сатирическая периодика 1905–1907 гг.: сводный каталог / сост. З.А. Покровская. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1980. 136 с.
7. Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета: каталог / науч. ред. В.А. Зибарев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 42 с.
8. Сатирические журналы первой русской революции 1905–1907 гг.: каталог / сост. П.Т. Рудзинский. Новосибирск: ГГНТБ СО АН СССР, 1990. 125 с.
9. Дурыйн С., Казаринов П., Киржнецт З. и др. Журналы и временники // Сиб. сов. энцикл.: в 4 т. Т. 1. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. Стб. 972.
10. Крутовский Вс. Периодическая печать в Томске // Город Томск.. Томск, 1912. С. 279–309.

11. Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. С. 13–14.
12. Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959 гг.). Ч. I. Журналы. Продолжающиеся издания. Новосибирск, 1972.
13. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск: Ветер, 2011. 376 с. (Историко-краеведческий архив, вып. 4).
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 969.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 735.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 21, ч. 2. Д. 5.

ON THE HISTORY OF A TOMSK MAGAZINE *SILHOUETTES OF THE LIFE OF THE HOMETOWN* (1909) – *SILHOUETTES OF SIBERIA* (1910)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 147–160. DOI: 10.17223/19986645/40/11
 Zhilyakova Natalia V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

Keywords: journalism, satire, censorship, *Silhouettes of Life of the Hometown*, *Silhouettes of Siberia*, typology.

The article discusses the history of a poorly known satirical magazine published in Tomsk in the early 20th century, *Siluety zhizni rodnogo goroda* [Silhouettes of the Life of the Hometown] (1909) and *Siluety Sibiri* [Silhouettes of Siberia] (1910) (hereinafter *Silhouettes*). It was issued in the period of stabilization of Russian public life, decline of revolutionary activity and understanding of the events. Satirical and humorous publications in 1909 and 1910 both in the capitals and in the Russian province were more focused on entertainment, political component in them is minimal. Among the publications at that time the Tomsk magazine *Silhouettes* was characterized by integrity, loyalty to satirical traditions of the previous period, desire to maximize the total reflection of local life in all its aspects – political, literary, etc.

Archive files stored in the funds of Tomsk provincial administration of State Archive of Tomsk Oblast (GATO) have information about the original program of the edition, the transfer of the magazine from one hand to another during 1909 and 1910, about its circulation from 600 to 1,000 copies. A Tomsk censor characterized the magazine as non-political and entertaining, having no commercial success.

Research of newsprint periodicals of the 1910s gives grounds to assert that the leading newspaper in Tomsk, *Sibirskaya Zhizn'* [Siberian Life], closely followed the release of *Silhouettes*, supported it by printing ads and reviews on individual issues, noting the progress of the magazine.

Since materials were mainly signed by pseudonyms in *Silhouettes*, it is quite difficult to identify its authors. However, it was found that known satirists and artists of Tomsk collaborated with the magazine; in 1910, the magazine has publications by local poets, writers, publicists. The main theme that is constantly discussed in the magazine was the unsettled urban life. Satirists described mud and potholes on the roads, slippery sidewalks in the winter and dust in the summer, etc. Topics touched upon the behavior of Tomsk citizens, nonfeasance of city delegates, Tomsk customs in general, including the local literary life. The role model was the famous satirical Russian magazine *Satyricon* (St. Petersburg, 1908–1914).

In 1910, the thematic spectrum of the magazine expanded to cultural, scientific and popular subjects. *Silhouettes* published articles about contemporary writers and outstanding Siberians, about the introduction of jury trials in Siberia, about the artistic life of Siberia. The text and pictures in the magazine complemented each other. Active editors' work on building cooperation of local amateur satirists and cartoonists contributed to the revival of the literary and artistic life of the city.

The study indicates that *Silhouettes* is a worthy representative of Russian satirical journalism in the beginning of the 20th century and needs a further detailed study.

References

1. Ninov, A.A. (1985) Russkaya satiricheskaya poeziya 1905–1907 godov [Russian satirical poetry of 1905–1907]. In: Bank, N.V. et al. *Stikhotvornaya satira pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907)* [Poetic satire of the first Russian revolution (1905–1907)]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
2. Evstigneeva, L.A. (1978) Satira myatezhnykh let [Satire of the rebellious years]. In: Byalik,

B.A. (ed.) *Revolutsiya 1905–1907 gg. i literatura* [The Revolution of 1905–1907 and literature]. Moscow: Nauka.

3. Zhukov, V.Yu. (1991) *Satiricheskaya zhurnalistika perioda Pervoy rossiyskoy revolyutsii kak istoricheskiy istochnik (na materialakh Peterburga)* [Satirical journalism of the first period of the Russian Revolution as a historical source (on materials of St. Petersburg)]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad

4. Botsyanovskiy, V. & Golerbakh, E. (1925) *Russkaya satira pervoy revolyutsii 1905–1906* [Russian satire of the first revolution of 1905–1906]. Leningrad: GIZ.

5. Demchenko, E.P. (1980) *Satiricheskaya pressa Ukrainy 1905–1907 gg.* [Satirical press in Ukraine in 1905–1907]. Kiev: Naukova Dumka.

6. Pokrovskaya, Z.A. (1980) *Russkaya satiricheskaya periodika 1905–1907 gg.: svodnyy katalog* [Russian satirical periodicals of 1905–1907: a catalog]. Moscow: USSR State Library.

7. Zibarev, V.A. (ed.) (1988) *Satiricheskie zhurnaly 1905–1907 gg. v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta. Katalog* [Satirical magazines of 1905–1907. in the collections of Tomsk University Research Library. A catalog]. Tomsk: Tomsk State University.

8. Rudzinskiy, P.T. (1990) *Satiricheskie zhurnaly pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg.: Katalog* [Satirical magazines of the first Russian revolution of 1905–1907: a catalog]. Novosibirsk: GGNTB SO AN SSSR.

9. Durylin, S. et al. (1929) *Zhurnaly i vremenniki* [Journals and Annals]. In: Azadovskiy, M.K. (ed.) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya v 4-kh t.* [Siberian Soviet Encyclopedia in 4 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izd-vo.

10. Krutovskiy, Vs. (1912) *Periodicheskaya pechat' v Tomske* [Periodical Press in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.

11. Adrianov, A.V. (1919) *Periodicheskaya pechat' v Sibiri* [Periodical Press in Siberia]. Tomsk: Tipo-litografiya Tomskoy zheleznoy dorogi.

12. Gubkina, T.G. & Suvorova, A.V. (1972) *Svodnyy katalog periodiki Zapadnoy Sibiri (1789–1959 gg.). Chast' I. Zhurnaly. Prodolzhayushchiesya izdaniya* [The union catalog of periodicals in Western Siberia (1789–1959). Part I. Journals. The ongoing publications]. Novosibirsk.

13. Kosykh, E.N. & Yakovenko, A.V. (2011) *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): Svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Time-based print of Siberia (the second half of the 19th century – February 1917): Composite index of periodicals and publications]. Tomsk: Veter.

14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 969. (In Russian).

15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 735. (In Russian).

16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 776. List 21. Pt. II. File 5. (In Russian).

УДК 654.197

DOI: 10.17223/19986645/40/12

А.А. Пронин

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ «КАК ПРИЕМ» И «ПЕРЕКЛИЧКА ТЕКСТОВ» В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМАХ О М. БУЛГАКОВЕ

В статье рассматривается использование интертекстуальных связей в качестве художественного приема создания биографического нарратива в современной отечественной теледокументалистике. Основным сюжетообразующим мотивом анализируемого ряда фильмов о М. Булгакове и его произведениях представляется «перекличка» текста литературного произведения и «текста жизни» писателя: на уровне образов, действия, топоса и смыслов. Сравнение обнаруживает разнообразие способов визуализации интертекстуальных связей, их зависимость от авторской интенции и нарративных стратегий.

Ключевые слова: документальный фильм, сюжет, мотив, интертекст, нарратив, автор.

В современной отечественной документалистике так называемые «писательские фильмы» занимают особое место – очевидно, в силу сохраняющегося до сих пор «массового беллетристического сознания» [1]. К данной категории относятся как традиционные биографические фильмы о писателях, так и фильмы, посвященные созданию конкретного художественного феномена, литературной и общественно-исторической «судьбе книги». И если для первой группы фильмов характерна универсальность (объектом внимания может стать писатель любой эпохи и взглядов), то для второй – избирательность, поскольку авторов интересуют преимущественно запрещенные или «потаенные» книги, не опубликованные в свое время по решению цензуры или по воле самого писателя, оставившего рукопись «в столе». Фильмы о литературных произведениях с «трудной судьбой» стали объектом анализа в данной статье.

Как известно, больше всего подобного рода историй в литературе советского периода, поэтому естественно, что на телеэкран выходят в основном писательские драмы именно того времени. К их числу относятся как фильмы отечественного производства, например «Загадки "Мастера и Маргариты"» (2005, авторы В. Лисовский, В. Хомич, Ю. Проскурня-Завьялова), «Рукописи не горят» (2008, автор С. Головецкий, 4 серии), «Василий Гроссман. Я понял, что я умер» (2014, автор Е. Якович, А. Шишов), так и зарубежные, в частности «Тайный путь «Доктора Живаго» (2003, Канада, автор Г. Хофман), «"Архипелаг ГУЛАГ": тайная история» (2008, Франция, авторы Ж. Крепу, Н. Милетич) и др.

Разумеется, в каждом конкретном фильме свой оригинальный сюжет, однако, на наш взгляд, важнейшими сюжетообразующими мотивами для большинства из них являются два: либо собственно приключения, а точнее, *злоключения текста*, ставшего впоследствии знаменитым, либо *«перекличка» художественного текста и текста жизни* его автора. Первый, по означенным выше причинам, реализуется в достаточно ограниченном круге фильмов, в частности в канадском и французском фильмах о романах Б. Пастернака и

А. Солженицына, а также в отечественной картине «Василий Гроссман. Я понял, что я умер», где драматичная история романа «Жизнь и судьба» является главной сюжетной линией (арест рукописи, тайное хранение, переправка за границу и т.д.). Авторам фильма было важно рассказать не столько о самом романе, его содержании и художественных особенностях, сколько о его злоключениях, поэтому свидетельства непосредственных участников событий становятся основой экранного нарратива о судьбе романа, а по объему цитирования текст «Жизни и судьбы» заметно уступает текстам нехудожественным – письмам, дневникам, публицистике [2].

Рамки второй группы – и хронологически, и географически, и по персоналиям – значительно шире, поскольку в той или иной мере «переключку» художественного текста и «текста жизни» можно обнаружить во многих литературных произведениях. И презентация такой «переключки» в документальном фильме, осознанное использование ее в качестве основного сюжетообразующего мотива является, на наш взгляд, реализацией творческого желания автора «дать», по выражению В.Б. Шкловского, «ощущение вещи, как видения, а не как узнавания» [3. С. 62]. Именно в таком, философско-эстетическом смысле, сближающем качественную документалистику с художественным творчеством, мы используем концепт **«интертекстуальность как прием»** – подобно тому, как русские формалисты говорили об «искусстве как приеме», как «способе пережить деланье вещи». «Деланье» фильма о книге и ее создателе как киноведи предполагает способность к сопряжению разнообразных текстов, к выявлению их неявных взаимосвязей, а также умение ярко представить эти связи в диегезисе фильма. Это и есть общий для данной тематической группы фильмов «прием», способ придать документалистике свойства художественной интерпретации. В то же время существует **«интертекстуальность литературного произведения»**, означающая, в современном понимании, широкий круг взаимосвязей данного художественного текста с другими текстами, с культурной средой и миром повседневности [4]. И как одно из ее проявлений выступает «переключка» текстов литературного произведения и жизни писателя, которая становится материалом фильма. Обнаруженная чаще всего специалистами-филологами, а не авторами фильмов, она используется ими в качестве способов сюжетосложения, основным сюжетообразующим мотивом интересующей нас разновидности «писательских фильмов».

К их числу можно отнести, в частности, такие известные работы Елены Якович и Алексея Шишова, как «Ничто не вечно. Юрий Нагибин» (2007), «Я старым не буду. Драма Вампилова» (2008), а также такие работы Романа Либерова, как «Один день с Жорой Владимовым» (2010) и «Написано Сергеем Довлатовым» (2012). Отметим, что в двух последних отражены и «злоключения текста», потому что они являются и неотъемлемой частью «текста жизни» писателей, о которых идет речь, то же самое можно сказать и о целом ряде документальных телефильмов о Михаиле Булгакове.

«Булгаковские» фильмы стоит рассмотреть с особым вниманием, поскольку здесь представляется редкая возможность сравнить в избранном аспекте несколько экранных версий одной «переключки» текстов. Возьмем три таких авторских версии, которые выходили одна за другой в следующем по-

рядке: «Михаил Булгаков. Романы и судьба» (2000, авторы И. Золотусский, К. Антропов), «Загадки "Мастера и Маргариты"» (2005, авторы В. Лисовский, В. Хомич, Ю. Проскурня-Завьялова), «Мистическая сила Мастера» (2011, автор С. Браверман). Центральное место будет отведено фильму 2005 г. – как наиболее разнообразному в плане реализации возможностей означенного сюжетного мотива, однако начать следует с самого раннего из списка.

«Михаил Булгаков. Романы и судьба» отличается, прежде всего, очевидным и во всех отношениях подчеркнутым авторским присутствием: известный писатель-литературовед Игорь Золотусский является сценаристом и ведущим, выступающим со своей собственной оригинальной трактовкой творчества писателя. Данное обстоятельство определяет многое, в частности принцип наррации – это чистейший монолог, никто кроме автора-филолога в фильме не только не говорит (кроме, разумеется, цитируемого Булгакова), но даже не появляется в кадре, хотя бы мельком, случайно. Избрав основной нарративной стратегией «авторскую рефлексия», И. Золотусский многое из истории писателя рассказывает, то и дело уходя в рассуждения, прямо в кадре, и иногда по 5–6 минут зритель видит только говорящего нарратора на фоне значимых для понимания булгаковских текстов мест Москвы: Новодевичьего монастыря, Воробьевых гор, квартиры на Большой Садовой. Так, об адресных параллелях он говорит, указывая на город с высоты холма: *Вся московская жизнь Булгакова вмещается в этот вид <...>. На этом пространстве, которое мы видим сейчас, завязываются основные сюжеты двух главных романов Булгакова.*

Автором фильма акцентирована переключка «текста жизни» с текстами романов и на уровне литературоведческого анализа важнейших идейно-художественных аспектов «Белой гвардии» и «Мастера и Маргариты», в частности, оппозиции «свет – тьма» или значения мотива покоя для понимания образа Мастера. Прямо в кадре И. Золотусский рассуждает: *По существу, два капитальных символа стоят в центре романов Булгакова и, я бы сказал, в центре его жизни – это символ света и символ покоя. Свет весьма разнообразен у Булгакова. Иногда в процессе рассуждения автор уходит за кадр и его мысли сопровождаются символическим видеорядом, например известными иллюстрациями к «Мастеру и Маргарите» Нади Рушевой: *Мастер прощается с Москвой – кажется, это сам Булгаков прощается с Москвой, да и не только с Москвой, а с Россией, потому что он эмигрирует в страну искусства, он эмигрирует в смерть...**

Здесь стоит отметить, что визуального документального материала в этом неторопливом по темпоритму, с медленными панорамами и наездами фильме очень немного. Редкие фотографии дополняются выразительными рисунками Н. Рушевой и А. Кумировой, а также своего рода представлением «театра теней», когда на стены «нехорошей квартиры» проецируются рисованные силуэты Коровьева и Бегемота (что обеспечивает коннотацию авторской речи с миром «Мастера и Маргариты»). С особенным вниманием авторы подходят к визуализации собственно булгаковского текста □ цитат из романов, которые отмечены понятными зрителю «маркерами интертекстуальности (прямыми указаниями источника или очевидной гетерогенностью текста)» [4. С. 378]. Так, например, представленные автором фрагменты из «Белой гвар-

дии» за кадром читает актер: *Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец с потемневшим ликом и ясными глазами, и, протягивая руки, говорила шепотом...* А в кадре идут снятые с нижнего ракурса панорамы по интерьеру собора и крупные планы иконы Богоматери – как визуальная презентация «точки зрения» героини.

Что касается смысловых аспектов переключки литературных текстов с «текстом жизни» Булгакова, то И. Золотусский убедительно выявляет и четко обозначает несколько, на его взгляд, ключевых моментов, среди которых: *воспитание в религиозной семье, богоискательство, артистизм натуры Булгакова, его бездетность* и др. Убедительность достигается, главным образом, методами литературоведческой риторики – как на литературной экскурсии высококлассного, обладающего даром красноречия специалиста. При этом автор прямо в кадре апеллирует к зрителю, и такая вспомогательная нарративная стратегия «диалога со зрителем» позволяет поддерживать коммуникативное единство повествования: *Вы посмотрите, вот Новодевичий монастырь..., вспомните, с чего начинается роман...; Здесь, в этой квартире мне хочется рассказать телезрителю...; А вывод вы сделаете сами.*

Создатели фильма «Загадки "Мастера и Маргариты"» подошли к задаче экранного воплощения сюжетного мотива *переключки художественного текста и текста жизни* иначе. Используя принцип полифонической наррации, а также возможность апеллировать к только что показанной в эфире многосерийной экранизации романа, они целенаправленно сосредоточились на увлекательной, полной драматических коллизий истории создания сочинения и его коннотаций с реальностью: *прототипах, топосе, сюжетных аллюзиях, мифологии, возникшей вокруг романа.* При этом вневременный автор сам говорит очень мало, но в фильме достаточно голосов, ему «помогающих»: исследователи творчества писателя М. Чудакова и А. Смелянский, лично знавшие вдову писателя Е.С. Булгакову; О. Басилашвили, сыгравший Воланда в экранизации В. Бортко, и другие актеры сериала «Мастер и Маргарита», а также известный богослов, дьякон А. Кураев. И очевидно, что только полифоническая наррация позволяла коллективному автору фильма, не обладающему авторитетом И. Золотусского, рассказать историю глубоко – с помощью высказываний признанных знатоков жизни и творчества Булгакова, стереоскопично – за счет монтажа разных точек зрения на события, зрелищно – посредством интертекстуальной игры, когда в повествование включаются яркие и динамичные киноцитаты из сериала-экранизации.

Переключка романа с биографией Булгакова обозначена уже в прологе: Олег Басилашвили, находясь на месте реального действия, в квартире писателя (она описана в «Мастере и Маргарите» как «нехорошая квартира»), начинает историю рассказом о реальном эпизоде с возгоранием примуса на кухне, будто «списанным» жизнью из рукописи Булгакова (т.е. переключка наоборот). *Это, отнюдь, не единственный пример того, как события, описанные Булгаковым в «Мастере и Маргарите», совершенно необъяснимым, фантастическим образом врывались из литературы в действительность,* – делает вывод рассказчик, и тем самым в фильме заявляется мотив «мистического романа», которого явно избегал в своей работе И. Золотусский, даже не упомянувший о пожаре. А в «Загадке "Мастера и Маргариты"» прочтение

романа как мистического текста, хоть и не настойчиво, но проявляется – преимущественно в авторском тексте, а специалисты, М. Чудакова и А. Смелянский, делают акцент на рационально объяснимых параллелях с биографией. В частности, М. Чудакова, проявляющая себя в фильме особенно активно, обращает внимание на отражение личного опыта писателя в знаменитой фразе Воланда о квартирном вопросе, который «испортил москвичей», а также поясняет посмертную участь Мастера обстоятельствами «договора» писателя со Сталиным: *Он не заслужил света... Я думаю, здесь Булгаков сам для себя и для понимающих читателей даёт намёк на связь со своей биографией. Он считает, что тот, кто заключил – я немножко огрубляю <...> в какой-то момент союз с Сатаной, не может заслужить света. Ни он, ни Маргарита света не заслужили.* Отметим, что для зрителя последний комментарий вполне понятен, поскольку ему предшествует достаточно подробный и точный в деталях совместный рассказ Чудаковой и Смелянского о звонке Сталина и реакции растерянного Булгакова, который сам, в сущности, обрек себя на дальнейшее безмолвие. В этом смысле фильм «Загадка “Мастера и Маргариты”» перекликается, в свою очередь, с работой И. Золотусского, который, впрочем, анализирует оппозицию «свет–тьма» гораздо обстоятельнее и глубже, переводя литературоведческое толкование в плоскость религиозной морали (что, кстати, в «Загадке» делает и известный неортодоксальностью своих суждений православный священнослужитель, дьякон Андрей Кураев).

Однако наиболее значительным полем для обсуждаемой нами переклички в фильме «Загадка “Мастера и Маргариты”» являются не скрытые смыслы, а конкретные герои и локация. Поискам прототипов и прототипов авторы посвятили большую часть экранного времени: устанавливаются прототипы не только главных героев (Мастер – Булгаков, Маргарита – Е.С. Булгакова и Л.Е. Белозерская), но и других персонажей, в отношении которых подобная процедура возможна без «натяжек»: Воланд, Берлиоз, Бенгальский, Семплеяров, а также реальные мест, узнаваемых по тексту романа. Так, относительно трансформации поначалу «мефистофелеподобного» образа Воланда М. Чудакова поясняет: *Постепенно, когда в романе появился Мастер, а именно в 32-м году, в 31–32-м, в романе «Мастер и Маргарита» Воланд начал приобретать иные очертания. Воланд стал проецироваться Булгаковым самим на Сталина. Он шёл на эту проекцию, которая приводила в оторопь и даже в ужас практически его слушателей 39-го года. Причем это утверждение звучит после слов дьякона А. Кураева: По правде говоря, Булгаков сам называет его Сатаной, и другие персонажи тоже называют Воланда Сатаной. Поэтому я не вижу оснований идти против авторской воли. Дмитрий Сергеевич Лихачёв когда-то справедливо заметил, что роман написан так, что после его прочтения нельзя сомневаться в существовании Сатаны.* Однако последующие высказывания обоих специалистов и, очевидно, согласного с ними автора фильма определяют прочтение зрителем «сталинского» подтекста в образе Воланда.

Гораздо четче «эхо» реальной действительности в других случаях. О прототипе Берлиоза первым говорит исполнитель его роли в сериале «Мастер и Маргарита» А. Адабашьян: *«А почему такой замечательный персонаж, как Михаил Александрович Берлиоз, погибает в самом начале романа? Ну, навер-*

ное, потому что очень уж не терпелось Булгакову расправиться с человеком, прототипом которого был его личный литературный враг – Авербах, Леопольд Авербах. Далее эту известную версию уточняет профессор Чудакова: *Булгаков хотел, изображая Берлиоза своего, формируя его, я думаю, он хотел отомстить сразу всем редакторам, с которыми он сталкивался. И первым из них, я думаю, был Авербах, потому что он выступил против Булгакова один из первых, против «Роковых...», повести «Роковые яйца».* Еще проще в фильме «найден» человек, ставший прообразом лишившегося головы конференсье Варьете Бенгальского. Его сразу же представляет исполнитель роли Бегемота А. Башаров: *Прототип Бенгальского – один из самых популярных конференсье в московском мюзик-холле Александр Александрович Гриль.* Чуть более усложненным оказалось обнаружение прототипа разоблаченного в супружеской измене Семплеярова – вслед за предъявлением версии в авторском закадровом тексте потребовался комментарий А. Смелянского о причинах такой «мести»: *То, что Енукидзе играл заметную роль в Булгаковской жизни, – один из членов правящей верхушки, это точно, потому что именно Енукидзе руководил правительственной комиссией по художественному театру, вот в чём вся история. К нему же обращались со всеми доносами, всеми письмами...*

И разумеется, необходимо уточнить, что во всех случаях данной переключки присутствует и еще один «голос» – цитаты из сериала «Мастер и Маргарита», не только зрелищно представляющие соответствующее место в романе, но и объясняющие причину появления в кадре говорящих о своих героях персонажах-актерах. Игровая киноцитата может в результате взаимодействия с контекстом превратиться из иллюстрации в элемент нарративного эпизода документального фильма, что мы наблюдаем в «Загадке» неоднократно. Так, рассказывая об уже упомянутом прототипе Берлиоза, ненавистном Булгакову редакторе Леопольде Авербахе, авторы следом за фотографиями с представляющим последнего закадровым текстом: *Судьба реального Авербаха сложилась ничуть не лучше, чем у литературного Берлиоза. Подобно многим борцам за торжество идей советской власти, Леопольд Леонидович был этой же властью уничтожен. Авербах попал под трамвай истории: в 30-е годы он был репрессирован и сгинул в лагерях,* – дают цитату из экранизации, где Коровьев (А. Абдулов) обращается к Берлиозу: *Турникет ищите, гражданин? Тогда сюда. Вот прямо, и выйдете, куда надо. С вас, конечно, за указание получить бы на четверть литра, поправиться бывшему регенту...* А поскольку дальше зритель видит момент попадания несчастного под колеса трамвая, то, очевидно, это уже не просто метафора («попал под трамвай истории»), а «реальная» смерть именно Авербаха, финальное событие его истории.

Более сложный случай многократного «эха» текстов, с участием не только киноцитаты, но и *евангельского текста*, ретранслятором которого в фильме является персонаж-резонер дьякон Андрей Кураев, никак не причастный к истории романа, ни о чем не повествующий, а выносящий суждения о книге Булгакова именно с точки зрения канонического Евангелия. В эпизоде с сеансом магии исполнитель роли Бегемота в экранизации Александр Башаров демонстрирует фойе бывшего московского мюзик-холла, по-

служившего прототипом булгаковскому Варьете: *Булгаков представляет Воланду и его свите возможность повидать москвичей в массе именно вот здесь*, а следом вступает Андрей Кураев: *Вспомним хронометраж булгаковского романа. В Великую среду накануне Пасхи Воланд появляется в Москве. Перед Пасхой он исчезает. Но самое, пожалуй, яркое действие происходит в четверг, вечером в четверг. Это сеанс магии в Варьете. Мы знаем, что этот сеанс кончился крайне печально для зрителей. Но вот просто важно знать, кто эти зрители. Это ведь не просто москвичи. Понимаете, Булгаков писал в 30-е годы для людей, которые ещё очень живо помнили, зачастую и хранили церковные традиции, в частности церковный календарь. Так вот, Великий четверг, четверг накануне Пасхи, – это самый трагический день православного богослужебного года. Большинство из тех, кто уже не дерзал ходить в храм, всё равно всё-таки сохраняли домашнюю память о том, что это особый день, день особой скорби. И, соответственно, для того, чтобы решиться в такой вечер пойти не просто в театр, не в библиотеку, а пойти в Варьете, в развлекаловку, и при этом на сеанс магии, это нужно было быть чрезвычайно сознательным атеистом. А поскольку далее следует киноцитата из экранизации с отрыванием головы Бенгальского и последующим рассказом Башарова о том, как прототип Бенгальского конферансье мюзикхолла Александр Галь вскоре также временно «лишился головы», т.е. сошел с ума и умер, то «евангельское эхо» в словах Кураева – так же, как киноцитата, в сущности, и определяют для зрителя участь Бенгальского-Галя: для служителя Варьете в тот день ничем иным это и не могло закончиться.*

Последний пример вновь заставляет нас вспомнить фильм И. Золотусского, в котором евангельский текст звучит не эхом, а в прямом цитировании. Однако заметим, что это один из немногих примеров (о других уже сказано выше) явной переклички между данными фильмами, и характерно, что в «Загадке» никак не отражен отмеченный Золотусским и очень важный для «текста жизни» М. Булгакова момент – его бездетность. В фильме 2000 г. автор прямо указывает: *Все женщины в его романах бездетны: Елена бездетна, Турбина, их служанка Анюта, Аннушка, которую потом мы встретим в "Мастере и Маргарите", которая потом прольет подсолнечное масло, на котором поскользнется Берлиоз, бездетна Маргарита, и ее служанка*¹. В интерпретации Золотусского бездетность – символ бесплодности самой безбожной советской жизни, на которую обречена Россия. Авторы «Загадки "Мастера и Маргариты"», опиравшиеся на научный авторитет М. Чудаковой, безусловно осведомленной о фактах, опустили этот мотив, вероятно, по причине слишком «книжного» способа его обнаружения и доказательства, предпочитая те межтекстовые параллели, которые можно показать экранными средствами, в характерной для кинотекста «системе рассказа – системе показа» [4. С. 7].

А вот автор «Мистической силы Мастера» (2011) эту важную деталь не упустил, однако сделано это без каких-либо проекций на творчество.

¹ В почти полностью постановочном, полном откровенных компиляций фильме «Михаил Булгаков. Проклятие мастера» (2012, ТВ-3) эти слова «цитируются» почти дословно: *Бездетна Елена Турбина в романе «Белая гвардия», бездетна Маргарита, бездетна ее служанка, даже роковая Аннушка, которая разольет масло, не имеет потомства.*

В фильме просто зафиксирован факт биографии Булгакова, который в 1917 г., в период тяжелой наркозависимости, опасаясь патологий у ребенка, сам сделал аборт своей жене Татьяне. Передавая суть ситуации, ведущий резюмирует: *Тот день решил судьбу обоих. Тася навсегда останется бездетной, Булгаков – тоже. Позже он скажет: “За тебя меня Бог покарает. Эх, Таська, Таська...”*. Таким образом, не бездетность сама по себе, а мотив *мистического воздаяния* за судьбу Татьяны, за эгоизм и тщеславие Михаила будет реализован в дальнейшем, когда речь пойдет о несправедливости (писатель посвятил «Белую гвардию» не помогавшей ему в работе первой, а новой, второй жене), и о тщетной надежде умирающего Булгакова на предсмертное прощение Таси (ее искали по Москве, но так и не нашли).

Стоит отметить, что и не отмеченных предшественниками параллелей текстов жизни и литературы в фильме немало: профессор Преображенский и хирург Мартынов, Аннушка, пролившая масло, и Аннушка-чума из булгаковской коммуналки, самоубийство Маяковского и «самоубийство» Булгакова. Но если все они имеют мистическую окраску, то перекличка с двумя предыдущими кинотекстами проявляется в «Мистической силе Мастера» вполне реально. Нам представляется, что автор наверняка был не только знаком, но и определенным образом «отозвался» на работы предшественников в своем фильме. Так, начинается эта экранная история Булгакова, как и в «Загадке», на Большой Садовой, 10, только не в квартире писателя, а на улице у дома. Как и в фильме 2000 г., в «Мистической силе» есть ведущий, только там им был сам автор, писатель И. Золотусский, а здесь это исполняющий роль автора известный тележурналист Сергей Медведев. Так же в фильме 2011 г. активно цитируются киноэкранизации, но поскольку замысел шире, то это не только «Мастер и Маргарита» В. Бортко (2005), но и «Морфий» А. Балабанова (2008), «Дни Турбиных» В. Басова (1976), «Бег» В. Алова и А. Наумова (1970) и «Собачье сердце» того же В. Бортко (1988). Несомненно, обилие игровых киноцитат «нарушает линейное развитие» авторского повествования, поскольку цитируемый фрагмент «получает мотивировку, интегрирующую его в текст, вне данного текста» [5. С. 61]. И, вероятно, пытаясь избежать излишней мозаичности, автор отбирает игровые фрагменты в соответствии с содержанием рассказываемой документальной истории: например, бал у Воланда из экранизации «Мастера и Маргариты» смонтирован с хроникальными кадрами со Сталиным таким образом, что полностью визуализирует коннотацию Воланд – Сталин, которая в фильме 2005 г. дана лишь в устных высказываниях персонажей.

В отличие от предшествующих фильмов в «Мистической силе Мастера» биографический нарратив создается не только посредством речевой наррации (монофонической в первом, полифонической во втором) с иллюстративным видеорядом (фото, хроника, киноцитаты, документы), но и с помощью миметического нарративного текста – постановочных эпизодов-реконструкций. Вероятно, автор хотел найти свой вариант повествования, и для этого он прибегает к нарративной стратегии «виртуального сюжета». Будто бы, проведя

ночь в киевском музее¹, «автор» видит – вместе со зрителем – сцены из жизни Булгакова (здесь и спиритический сеанс Елены Сергеевны, и разговор Михаила с Татьяной, первой женой, и т.д.), а иногда и сам становится Булгаковым (свидание с Еленой, танец в американском посольстве). Прием, на наш взгляд, не слишком удачный, порой запутывающий зрителя: например, в эпизоде, рассказывающем об истории создания «Собачьего сердца», неожиданно возникает сцена операции собаки в современной ветклинике, тогда как все остальные интермедии стилизуются «под эпоху». Тем не менее в рамках представления «текста жизни» писателя как текста мистического, полного судьбоносных совпадений, реконструкция используется автором последовательно – как «видения» в виртуальном сюжете «ночь в музее».

Заканчивается «Мистическая сила Мастера» на Новодевичьем кладбище – как и два предыдущих фильма, но это лишь композиционное совпадение, а по смыслу это три разных финала. И. Золотусский, стоя у могилы писателя и его вдовы, говорит о христианской сущности романов Булгакова, о вере в Бога их автора; в «Загадке» точку ставит исполнительница роли Маргариты Е. Ковальчук, которая рассказывает о том, как в 1966 г. Е.С. Булгакова вручила здесь, согласно воле мужа, половину гонорара первому читателю, пришедшему сюда в день официальной публикации романа; в «Мистической силе Мастера» ведущий говорит о том, что надгробием Булгакова послужил камень с могилы Гоголя, намекая тем самым на передачу «мистической эстафеты» литературной традиции.

Подводя итог, следует сказать, что авторы рассмотренных фильмов, несомненно, приступали к работе с разной интенцией: в первом случае предпринимается попытка *объяснить* первопричины тесной связи жизни и литературы, во втором – *показать* взаимоотражение реальной жизни писателя и мира его романа, а в третьем – *создать* миф о непостижимости гения. В результате фильм И. Золотусского является, по сути, экранной литературоведческой **интерпретацией** двух главных романов М. Булгакова, в то время как два других представляют собой скорее экранные **метатексты** разной степени достоверности. Объединяющим все три работы началом выступает реализация «интертекстуальности как приема», а также использование в качестве главного сюжетобразующего мотива «переклички текстов» жизни и литературы, который позволяет автору фильма реализовать в его диегезисе драматургический потенциал «писательской» темы. И хотя мы проанализировали в данной статье только ряд «булгаковских» фильмов, на наш взгляд, это общее свойство экранных произведений данной тематики.

Литература

1. Берг М. Литературократия. М., 2000. 352 с. URL: <http://www.mberg.net/uspehdba/>
2. Пронин А.А. Полифония как принцип наррации в биографическом фильме-портрете // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015, № 4 (36). С. 180–189.
3. Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М., 1990. 153 с.
4. *Интертекстуальность* и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. М., 2014. 350 с.

¹ Вероятно, это ироническая аллюзия к знаменитому голливудскому игровому фильму «Ночь в музее» (2006, 2009), где герой, ночной сторож, наблюдает «оживление» экспонатов.

5. Арнольд И.В. Семантика Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. СПб., 1999. 444 с.
6. Хренов Н.Н. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006. 704 с.
7. Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993. 464 с.

INTERTEXTUALITY “AS A DEVICE” AND THE “ROLL-CALL OF TEXTS” IN DOCUMENTARIES ABOUT M. BULGAKOV

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 161–170. DOI: 10.17223/19986645/40/12
 Pronin Alexander A., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: prozin@mail.ru

Keywords: documentary, plot, motive, intertextuality, narrative, author.

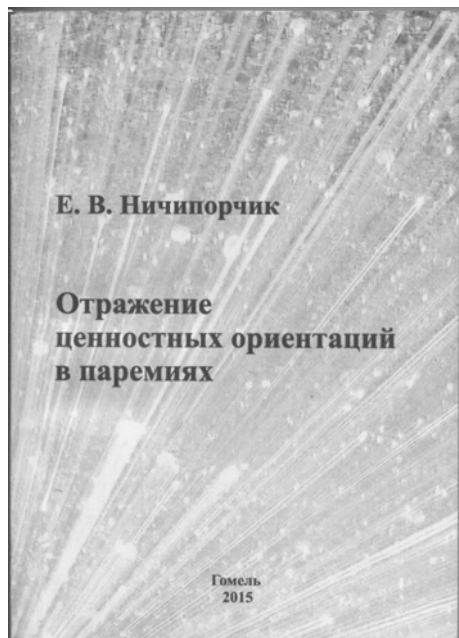
The article examines the use of intertextual connections as an artistic method of creation of the biographical narrative in the modern Russian TV documentary. The object of the research is “writer’s movies” popular in Russia, and the greatest interest among the authors and the public is manifested by the prohibited books or the “hidden”, not published in due time by the decision of the censorship or by the will of the writer. Most of such dramatic stories belong to the literature of the Soviet period, one of the most famous is associated with the name of Mikhail Bulgakov, so the article discusses the films about his life and work: *Mikhail Bulgakov. Novels and Destiny* (2000), *Riddles of The Master and Margarita* (2005), *The Mystic Force of the Master* (2011). The main plot motif of the analyzed films about Mikhail Bulgakov and his works appears to be the “roll-call” of the text of a literary work and the “text of life” of the writer: at the level of images, actions, meanings and the topos. The comparison shows a variety of ways of visualising intertextual relations, their dependence on the author’s intention and narrative strategies. In the first film the author, a famous writer Igor Zolotussky, speaks with a religious and philosophical interpretation of the creativity of the writer. He analyzes the roll-call of the “text of life” and the texts of the novels at the level of important ideological-artistic aspects of *The White Guard* and *The Master and Margarita*, in particular, of the opposition “light–dark” or the significance of the motif of rest for a better understanding of the Master. With the help of quotations, Zolotussky also convincingly identifies and clearly outlines a few key points of Bulgakov’s life reflected in the novels: upbringing in a religious family, God, the artistic nature of Bulgakov, his childlessness, etc. It is achieved by methods of literary rhetoric, citing and concise visualization (landscape, figures, photographs). The authors of *Riddles of The Master and Margarita* came to the task of the on-screen incarnation of the plot motif of the “roll-call” of the artistic text and the “text of life” differently. Using the principle of a polyphonic narration, as well as the opportunity to appeal to the TV-based version of the novel, they purposefully focused on the exciting, full of dramatic conflicts history of the work and its connotations with the reality: prototypes, topos, plot, allusions, mythology that appeared around the novel. In the film *The Mystic Force of the Master*, the authors present the “text of life” of the writer as a text full of fateful coincidences, and to implement this plan they use not only film quotations, but also artistic reconstruction – like a vision in the virtual plot “Night at the Museum”. In the end, the article concludes that the motif of the “roll-call of texts” in the first film is used to explain the root causes of the close relationship of life and literature, in the second to demonstrate the interaction of the writer’s real life and the world of his novel, and the third to creation a myth about the incomprehensibility of a genius.

References

1. Berg, M. (2000) *Literaturokratiya* [Literaturecracy]. [Online]. Available from: <http://www.mberg.net/uspehdba/>.
2. Pronin, A.A. (2015) Polyphony as the principle of narration in the biopic-portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (36). pp. 180–189. (In Russian).
3. Shklovskiy, V.B. (1990) *Gamburgskiy schet* [The Hamburg score]. Moscow: Sovetskii pisatel’.
4. Kolokol’tseva, T.N. & Moskvina, V.P. (eds) (2014) *Intertekstual’nost’ i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov* [Intertextuality and intertext figures in discourses of different types]. Moscow: Flinta: Nauka.
5. Arnol’d, I.V. (1999) *Semantika. Stilistika. Intertekstual’nost’* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Khrenov, N.N. (2006) *Kino: reabilitatsiya arkhетipicheskoy real’nosti* [A Film: rehabilitation of archetypal reality]. Moscow: Agraf.
7. Yampol’skiy, M. (1993) *Pamyat’ Tiresiya. Intertekstual’nost’ i kinematograf* [Memory of Tiresias. Intertextuality and cinema]. Moscow: Ad Marginem.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИИ

DOI: 10.17223/19986645/40/13

Рецензия на монографию: Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

На материале русских, белорусских, итальянских и немецких паремий исследуется вопрос об отражении ценностных ориентаций в семантике, синтактике и прагматике языка. Описываются наиболее значимые в паремии пространства четырех лингвокультур направленности человеческих интересов и общия для сопоставляемых языков закономерности объективации ценностных представлений, определяются детерминированные содержанием паремий механизмы мотивационного и регулятивного воздействия на сознание реципиентов проverbsальных выражений, объясняется связь элементов структуры ценностных ориентаций со структурой предельных смыслов паремий.

Монография адресована специалистам в области паремииологии, преподавателям и студентам, всем, кто заинтересован в изучении и сохранении паремииологического культурного наследия.

Такие свойства языковых единиц, как оценочность, способность «накапливать» информацию и выявлять связь с ценностями, давно уже в центре внимания многих лингвистов. В последнее двадцатилетие в связи с развитием теории концептов и становлением лингвоконцептологии внимание к этим свойствам языковых единиц особенно обострилось при исследовании фразеологии и паремииологии. При всей широте, глубине и результативности такого рода исследований большинство из них (особенно работ по русистике) решает эти проблемы на материале одного языка, что нередко приводит к заметной переоценке национального компонента языковой картины мира и недооценке общечеловеческой, общеевропейской, общеславянской и т.д. основы при её описании и реконструкции.

Е.В. Ничипорчик, превосходно ориентируясь в достижениях когнитивной теории своих предшественников-паремииологов, диалектично избегает этих методологических крайностей уже потому, что свой анализ исследовательница проводит на сбалансированном материале четырёх европейских языков – славянских (русского и белорусского), германского (немецкого) и романского (итальянского). Уже эта межъязыковая материальная база позволяет ей воздержаться от субъективных подходов к «оценке оценочности» в паремиио-

логических системах избранных языков и выявить сущностную роль ценностных ориентаций в паремиях. При этом, убедительно демонстрируя универсальную механику функционирования таких ориентаций в языках разных генетических групп, автор не упускает из виду собственно национальных флюидов паремиологической оценочности, тонко интерпретируя их и выявляя их статистическую пропорцию к общим её параметрам.

Исходя, вслед за Л.Б. Савенковой, из постулата, что «способность паремий указывать на ценность, значимость той или иной реалии... лежит в основе востребованности паремий в речи» (с. 34), Е.В. Ничипорчик считает ценность междисциплинарным и диалектическим понятием, объясняющим как положительную, так и отрицательную оценочность. Так, например, ею объясняется «движение мысли, отражающей интерпретацию структуры ценностных ориентаций как исходных и предельных смыслов, для паремий с термином отрицательной оценки <...> Ценность как позитивно осмысляемая сущность и ценностный ориентир → отрицательная оценка объекта, соответствующая данному ориентиру → отнесение объекта к категории антиценностей → формирование соответствующего отношения к объекту у реципиента → ориентация на ценность как позитивную направленность» (с. 269–270).

В трёх главах монографии раскрываются основные аспекты избранной научной проблематики. После компактной характеристики семиотического статуса паремий, истоков их дидактичности и факторов, обуславливающих их системность (глава 1), Е.В. Ничипорчик детально исследует ценностные ориентации как исходные и предельные смыслы паремий (глава 2), не только определяя соотношение понятий «оценка», «ценность», «ценностные ориентации» и описывая объективацию связи между ними, но и предлагая свое видение структуры ценностных ориентаций (с. 79), обращая внимание на то, что элементы ценностных ориентаций находят отражение в названиях тематических объединений паремий в тематически организованных словарях, а степень инвентаризации ценностных ориентаций зависит от замысла составителя / составителей словаря (с. 77, 87). Анализ названий словарных объединений, отражающих обобщенные смыслы итальянских паремий, в тематически организованном словаре В. Бождоне и Л. Массорбио подтверждает выдвигаемый Е.В. Ничипорчик тезис о том, что ценностные ориентации «воспроизводят» в содержательных аспектах паремий свою структуру – направляющую, мотивационную и регулятивную компоненты (с. 111).

Основная, самая объёмная 3-я глава книги – «Механизмы отражения ценностных ориентаций в паремиях» – представляет детальный анализ воплощенных в содержании паремий доминантных направленностей человеческого интереса. Автор работы устанавливает лидирующие по количеству единиц тематические объединения паремий в разноязычных паремиологических словарях (тематические зоны «Пища», «Дом», «Семья», «Счастье», «Ум» и др.), определяет состав паремий, представляющих эти объединения и указывающих на наличие ценностно-ориентационного единства в сознании носителей различных этнических культур, выявляет диалектическое отношение к воплощенным в данных паремиях ценностям – динамическое единство положительной и отрицательной оценки. Помимо этого, в главе 3 анализируется логико-синтаксическая организация паремий с оценочным компонентом, уста-

навливаются корреляции между значением и назначением таких паремий, объясняется связь интенциональных значений паремий с мотивационной и регулятивной компонентами ценностных ориентаций и, наконец, формулируются логические основы декодирования деонтического смысла паремиологических единиц.

Как видим, уже сама композиция работы свидетельствует о выборе теоретически значимой и новой стратегии в исследовании проблематики ценностных ориентаций в паремиях. Заметим, ценностные ориентации как феномены сознания, исследуемые прежде преимущественно в философии и психологии, впервые подлежат детальному изучению в плане отражения их в языковых единицах. Теоретическую дальнобойность имеют основные выводы, сделанные Е.В. Ничипорчик и изложенные в заключении книги (с. 321–324). Развёрнутой доказуемостью характеризуется главный вывод, объективно объясняющий семиотическую многоярусность паремий и дающий основание для постижения специфики их функционирования: «...множественность смыслов каждой конкретной паремии задаётся множественностью модальностей, которыми она обладает в силу присущего всем паремиям глобального прагматического значения, обусловленного их вхождением в культурное пространство... Ценностные ориентации как исходные и предельные смыслы находят отражение в паремиях благодаря взаимосвязи всех модальных планов, которыми обладает паремия как языковая единица, микротекст и дискурсивная единица» (с. 317). Доказательность остальных положений характеризуется «точечностью» аргументаций, рассеянных по всему тексту работы. Это касается и выводов о закономерностях объективации доминантных ценностных концептов в паремиях, и выводов о механизмах отражения мотивационной и регулятивной компонент в семантике, синтактике и прагматике паремий.

Достоинством работы следует признать точность формулировок, вскрывающих важные параметры категорий, ставших объектом исследования. Так, например, меткое уточнение функций оценки: «Оценка связана не только и даже не столько с выявлением направленности ценностного отношения, сколько с раскрытием ценностной значимости, описанием свойств ценностных и антиценностных сущностей, формированием отношения, на основании которого выводится знание о существующих нормах, и мотива как внутреннего стимула следовать этим нормам» (с. 309). Таких выводов разного масштаба читатель найдет немало во всем тексте монографии (см. с. 32–33, 62–63, 108–111, 135–136, 148, 179–180, 188, 192–193, 197, 203, 221, 233–234, 255, 259–260, 277, 286 и др.). Многие из них имеют, как кажется, даже большую, чем собственно паремиологическую, теоретическую значимость – например, замечания, связанные со спецификой концептов как таковых (с. 133–138, 140–141 и др.).

Теоретическая основательность рецензируемой монографии отражается и в осведомлённости Е.В. Ничипорчик в богатой литературе вопроса: паремиологии и паремиографии, аксиологии и концептологии, философии и социальной психологии. На многих страницах можно встретить не просто уместные отсылки на труды признанных специалистов в этих областях, но и компактные изложения их научных концепций. Хорошо учтён и опыт европейской

паремиологии и паремиографии, а также труды американского паремиолога В. Мидера (с. 16, 297 и др.). Дается автором краткий, но в то же время точный анализ классических паремиологических собраний – особенно здесь ценны для русскоязычного читателя характеристики итальянских и немецких словарей – В. Боджоне и Л. Массорбио, Р. Шваменталья и М. Страньеро, К. Ротера, К. Вандера и др. Но и такие славянские паремиологические тезаурусы, как словарь В.И. Даля и М.Я. Гринблата, разумеется, не остаются без внимания: в тексте монографии предлагается уместное сопоставление принципов отражения в тематически организованных словарях типов ценностных ориентаций, воплощенных в паремиологических единицах. Использует Е.В. Ничипорчик и современные способы обработки паремиологического материала, так, с целью проведения количественного анализа автор монографии привлекает компьютерные технологии.

Одним, а может быть, и самым главным достоинством рецензируемого труда является, как было уже сказано выше, его последовательно сопоставительный ракурс. Красной нитью через всю книгу проходит мысль об универсальности ценностных ориентаций, заложенных в паремиологические структуры избранных четырех европейских языков. И не только проходит как общая идея, но и убедительно иллюстрируется обилием материала, умело уложенным в прокрустово ложе паремиологических концептов и их классификаций и сопровождаемым точным буквальным переводом с итальянского и немецкого на русский язык. Именно полилингвальная образованность помогает Е.В. Ничипорчик опровергнуть расхожие культурологические и псевдоментальные стереотипы о национальном характере того или иного народа, «высосанные из паремиологического пальца» одного-единственного языка. Таково, например, опровержение классической привлекательности якобы уникального образа русского концепта «дурак», воспеваемой многими русскими же фольклористами, культурологами, философами и писателями (например, А. Синявским, И.В. Кирилловой и др.). На фоне тщательного анализа паремий четырех языков (с. 210–226) эта псевдопривлекательная идея рассыпается в прах. Да и что в ней, собственно говоря, привлекательного – не случайно немцы говорят, что «дураки растут без полива». И можно добавить – безразлично на какой национальной почве. Можно полностью признать общий вывод по этой проблеме, лапидарно сформулированный автором: «...обращение к разноязычным паремиям позволяет убедиться в типичности когнитивных структур, которые лежат в основе формирования предельных смыслов паремий и выявляют тождественные для разных этносов ценностные установки... Причину содержательной корреляции паремий нужно усматривать в наличии стереотипов в восприятии и интерпретации мира человеком, в схожести проблем, которые приходится решать людям разных национальностей, и, наконец, в общечеловеческой значимости категорий, многократно и многообразно осмысляемых в провербиальных единицах» (с. 235).

Такой вывод автор делает и во многом благодаря системному и комплексному подходу к анализу паремиологических структур разных языков, который позволяет Е.В. Ничипорчик предлагать обобщающие характеристики паремий, концентрировать их в компактные таблицы и давать их объективную интерпретацию (с. 156, 157, 161, 166, 167 и др.). Именно системный

подход обуславливает и диалектику видения автором самых разных – общих и частных спектров, высвечиваемых в паремиологической системе: формы и содержания (с. 32), реального и идеального (с. 39), ценностного и антиценностного (с. 136–137), маскулинного и фемининного (с. 191), совести и бесстыдства (с. 295–296) и т.п. Конечно, уже в самих пословицах сокрыта такая диалектика, что не ускользает от внимания Е.В. Ничипорчик при конкретном анализе того или иного паремиологического концепта (ср. с. 223 и след.), но исследовательская диалектика экстраполирует её на уровне обобщающей системности диалектического единства паремий как особого жанра языкового выражения.

Предлагая диалектические решения, автор осторожен в своих выводах и интерпретациях. Так, ею подчёркивается условность любых классификаций ценностных образований (с. 67–68 – в том числе, разумеется, и собственных), признаётся объективная разнородность общего списка ценностных концептов, отобранных для анализа на основе их рекуррентности (с. 147, 149), оговаривается необходимость поправок на эпоху и идеологию конкретных паремиологических сборников (с. 183–184) и даже объясняется такой на первый взгляд странный паремиологический феномен, как «повышенный интерес к пище» у создателей белорусских паремий (имеется в виду большой удельный вес белорусских паремий о пище в словаре М.Я. Гринблата в сравнении с удельным весом паремий о пище в иноязычных тематически организованных словарях) (с. 164).

Обильный паремиологический материал и его корректный анализ позволил автору предложить достаточно убедительную статистику ценностных ориентаций – как универсальную, так и дифференциальную – в паремиологических системах избранных языков, основанную на учёте количества фиксаций доминантного имени ценностного концепта (с. 156–157, 161, 166–167, 174 и др.), а также ряд корректных классификаций (с. 234, 240, 259–260, 278–285 и др.).

Как видим, рецензируемая монография является существенным вкладом в сопоставительную паремиологию и концептологию и позволяет широко и по-новому оценить параметры воссоздания языковой картины мира в зеркале паремий, особенно её ценностной ипостаси.

Некоторые предлагаемые далее спорные моменты не снижают отмеченных достоинств исследования Е.В. Ничипорчик.

1. Первое моё замечание относится к соотношению «Своего» и «Чужого» в европейской паремиологии. В монографии этот вопрос затрагивается лишь вскользь (с. 108, 276), что приводит к некоторой переоценке универсально человеческого при недоучёте межъязыкового заимствования. «Основанием для совпадения ценностных направленностей, отражённых в паремиях, следует признать факт наличия общечеловеческих ценностей, своеобразных констант человеческого бытия, – пишет белорусская исследовательница. – Наличием общечеловеческих ценностей объясняется и существование общего ядра у всех известных религиозных моральных кодексов (с. 108). В принципе верная, эта констатация тем не менее может быть несколько ограничена именно действием межъязыковых контактов. Ведь многие «общечеловеческие ценности» (например, библейские, мифологические, идеологические и

т.п.) имеют хождение в конкретных языках потому, что был язык-донор и язык-преемник. Эта проблема в паремиологии (особенно сопоставительной и исторической) ещё ждёт своих конкретных решений для каждого языкового ареала.

2. Уже отмечалась целесообразность обращения автора монографии к статистическим методам анализа. Можно вместе с тем отчасти релятивизировать полученные исследовательницей данные. Хотя Е.В. Ничипорчик и подчеркивает, что материал для анализа составили в основном паремии со структурой предложения (с. 5), в поле зрения исследователя оказались разные типы словарей: с одной стороны, собрания паремий, включающие и пословицы, и поговорки, и народные сравнения (таковы, например, собрания К. Вандера, В.И. Даля), с другой стороны, сборники, в которые включены лишь пословицы (например, только один – пословичный том – нашей паремиологической трилогии).

Легко заметить, что высказанные замечания никак не снижают общей положительной оценки фундаментального исследования Е.В. Ничипорчик. Научные достоинства её труда несомненны. Многосторонность описания паремиологии в когнитивном ракурсе, чёткое и последовательное сопоставление паремий четырёх европейских языков, несомненная методологическая инновативность анализа проблематики, современный исследовательский инструментарий, концептуальная и композиционная чёткость работы делают исследование гомельского паремиолога актуальным и значимым. Труд Е.В. Ничипорчик вносит существенный вклад в развитие современной европейской паремиологии.

В.М. Мокиенко

BOOK REVIEW: NICHIPORIK E.V. *OTRAZHENIE TSENNOSTNYKH ORIENTATSII V PAREMIYAKH* [REFLECTION OF THE SYSTEM OF VALUES IN PAROEMIAS]

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 171–176. DOI: 10.17223/19986645/40/13
Mokienko Valeriy M., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: mokienko40@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙЗИКОВА Ирина Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.
E-mail: wand2004@mail.ru

АНТОШИНА Елена Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Томского экономико-юридического института; доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: arancia@mail.ru

АХМЕТОВА Гузель Азатовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы и издательского дела Башкирского государственного университета (г. Уфа).
E-mail: toha230@rambler.ru

БАРАХНИН Владимир Борисович – д-р техн. наук, ст. науч. сотр. лаборатории информационных ресурсов Института вычислительных технологий Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); профессор кафедры общей информатики Новосибирского государственного университета.
E-mail: bar@ict.nsc.ru

ЖИЛЯКОВА Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.
E-mail: retama@yandex.ru

КОЖЕМЯКИНА Ольга Юрьевна – канд. филол. наук, науч. сотр. лаборатории информационных ресурсов Института вычислительных технологий Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).
E-mail: olgakozhemyakina@mail.ru

КОПЫТОВ Олег Николаевич – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: oleg_kopytov@mail.ru

МОКИЕНКО Валерий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: mokienko40@mail.ru

МОСКАЛЮК Лариса Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой немецкого языка Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул).
E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

ПРОНИН Александр Алексеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: prozin@mail.ru

ПЧЕЛИНЦЕВА Елена Эдуардовна – канд. филол. наук, зав. кафедрой украинского языка и общего языкознания Черкасского государственного технологического университета (Украина); докторант отдела теории грамматики Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: pchele@gmail.com

СОКОЛОВА Светлана Константиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

E-mail: sokolova.82@list.ru

СТЕКОВА Татьяна Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: steksova@inbox.ru

ФРИК Татьяна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.

E-mail: tfrik@tpu.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2016. № 2(40)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Капустур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 20.04.2016 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.
Печ. л. 11,5; усл. печ. л. 16,1; уч.-изд. л. 15,9.
Тираж 500 экз. Заказ 1761

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru